

Журнал издается
по благословению
преосвященного Евгения,
епископа Верейского,
Ректора МДА и С.

Учредители

Московская Духовная
Академия

Фонд единства
православных народов

Главный редактор

Иеродиакон Петр (Еремеев)

Выпускающий редактор

Иеродиакон Нестор (Сиротенко)

Литературный редактор

Дмитрий Моисеев

Отдел богословия и философии

Сергей Елисеев,
диакон Сергей Ефимов

Отдел информации

Сергей Зрянин

Отдел проектов

иеромонах Роман (Лукин),
Александр Болонников,
Михаил Первушин,
Александр Войтенко,
Андрей Кольцов,
Максим Троеглазов

Корректурa Валентина Змачинская,
Петр Лаговский

Верстка Алексей Долгов

Набор Светлана Вараксина

Художник Сергей Иванов

Фото Олег Командин,

Сергей Пантелеев, Сергей Михайлов

Журнал издается попечением

Фонда единства православных народов

Адрес редакции:

141300, Московская обл.,
Сергиев Посад, Лавра, МДАиС

факс: (095) 973-08-23

E-mail: academi@tsinet.ru

Адрес в сети Internet:

<http://www.or.ru>

Издание зарегистрировано
Комитетом Российской Федерации
по печати.

Свидетельство о регистрации
№ 017290 от 6 марта 1998г.

Подписано в печать 19.05.98 г.

Формат 60 x 90 1/8. Бумага офсетная

№ 1. Усл. печ. л. 8. Уч.-изд. л. 8,2

Тираж 2000 экз. Заказ 881

Оригинал-макет изготовлен
редакцией журнала "Встреча"

Отпечатано в ГУП ИПК "Ульяновский Дом
печати", 432601, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ВСТРЕЧА 1998 • 2(8)

Ежеквартальный студенческий православный журнал
Московской Духовной Академии и Семинарии
и Фонда единства православных народов

В наш поистине "стремительный и бурный" век, когда прямо на глазах расшатываются и разрушаются привычные основы, ценности и самый уклад нашей жизни, лишь Святая Церковь Христова остается такой, какой она была всегда.

Имея небесное происхождение, она действительно, в существе своем всегда пребывает неизменной; как и Христос, она *вчера, днесь и во веки* (Евр. 13, 8) та же — и в апостольские времена, и теперь.

Однако внешняя форма церковного служения этому миру может изменяться, сообразуясь с требованиями времени, потому что Церковь учитывает состояние, нужды и потребности всех прибегающих к ней — и своих верных чад, и тех, кто еще нерешительно стоит на ее пороге или находится на пути к вере.

И потому в наши дни, которые без преувеличения могут быть названы переломными, очень важно, чтобы пастыри, поставленные Духом Святым *блюсти* Церковь (Деян. 20, 28), были достойны своего высокого призвания, чтобы, во всяком случае, на духовенство не распространялись слова апостола: *ради вас имя Божие хулится у язычников* (Рим. 2, 24). Не нужно доказывать, что от того, какими будут священнослужители, и зависит прежде всего будущее Церкви и будущее нашего в большей своей части расцерковленного народа.

Каким же сегодня должен быть священник? Этот вопрос неизбежно встает перед каждым воспитанником Духовной школы, и ответ на него не просто имеет важное значение, а заключает в себе смысл нашего предстоящего служения и всей жизни.

Этот вопрос мы и поставили во главу угла при подготовке очередного номера журнала.

Главный редактор

Иеродиакон Петр (Еремеев)

ПОЧТА НОМЕРА

*Уважаемые сотрудники журнала
"Встреча"!*

Пишет вам учительница начальных классов. Совершенно неожиданно для себя стала читательницей вашего журнала — познакомила меня с вами дочь, студентка МГУ. Читать интересно, начиная с первых страниц, вероятно, потому, что пишете о том, чем действительно болеете, что важно и актуально не только для студентов Духовной школы, но и для всех нас сегодня. Опыт моей церковной жизни сравнительно невелик, чуть более 10 лет — может быть, поэтому так много меня смущает в жизни современной Церкви. Хотелось бы услышать ваше мнение — надеюсь на ваши честные и откровенные ответы. Раньше в храм я приходила по воскресеньям и большим праздникам и после литургии уходила; церковная жизнь меня непосредственно не касалась. В последние годы в храме стала бывать чаще. В Воскресной школе, в организации которой частичка и моих усилий, учатся мои ученики, два года работала в летнем православном лагере. Какие-то особенности жизни нашей Церкви мне стали понятнее, а какие-то очень смущают. И не только меня, как оказалось. Мы все люди и, следовательно, не лишены слабостей и недостатков. Но почему, понимая это, священнослужители (не все, хотя, к сожалению, многие) не особенно пытаются даже скрывать их от глаз своих прихожан? Корыстолюбие, жадность, пьянство, невнимание к людям — разве всего этого мало в нашей Церкви? Традиционной стала уже и формула оправдания подобных человеческих немощей у священников: священник — такой же человек, и следовательно, так же подвластен греху, а потому слушайте, но не смотрите: поступайте, как говорит священник, а не так, как он поступает. Я неслучайно определила в начале письма свою профессию — учительница начальных классов — подобно вам, хотя и в значительно меньшей степени, я пытаюсь на своих уроках приближать детей к Богу. Невозможно ведь, познав красоту и

мудрость сотворенного, не испытать чувств любви и благоговения к Создавшему. Но дети, поверьте мне, слушают, воспринимают информацию, доверяют ей лишь при условии полного доверия к учителю. Никому в голову не придет сказать детям: не обращайтесь внимания на то, что делает учитель, как в той или иной ситуации поступает он — только запомните, о чем говорит он. Мы все понимаем, что дети так не смогут. А чем взрослый в этой ситуации существенно отличается от ребенка? Каждый человек нуждается в положительном герое — носителе Добра, высоких христианских истин. Если бы таковые встречались чаще в нашей жизни, насколько лучше, чище были бы мы с вами! Но — увы... Пишу к вам со смешанным чувством боли и надежды, боли от того, что вижу сегодня, и надежды на завтра. Дорогие участники редколлегии журнала "Встреча", обращаюсь к вам с большой просьбой и думаю, что это будет интересно многим, — напишите о том, как вы представляете образ современного священника; простиительно ли, с вашей точки зрения, поведение священнослужителя, подобное тому, о котором я писала; как относиться к таким священникам? Мне представляется, что журнал ваш чаще должен говорить о роли и значении священства, о будущем священства, ведь это будущее — вы. И как считаем мы — ваши прихожане, батюшка все же должен стремиться к тому высокому идеалу, о котором так много говорит на проповедях.

*Е.В. Мельникова
Москва*

Дорогие отцы!

Хочу поделиться с вами своими мыслями о священстве.

Помню, как мой духовник как-то сказал: "Задача священника — привести человека к Богу на его, этого человека, уровне." Я тогда подумал, что вот на вершине духовного Эвереста восседает батюшка, а внизу копошатся людишки, которых он за уши должен на этот Эверест затащить. Теперь мне все видится иначе.

На самом деле, в этих словах содержится и цель, и основной метод священнического служения. Цель — привести человека к Богу. Не просто требовать совершать и проповедь говорить, а — привести к Творцу. Ведь приход в храм не равняется обретению Небесной Отчизны. Приход в храм — это начало пути к Богу. Путь, который священник ежедневно должен проходить вместе со своей паствой.

И второе — "на его уровне". Все люди отличаются друг от друга по талантам, развитию и т. д. Но в Православии нет никаких цензов (интеллектуальных, возрастных, имущественных и т. д.) для общения с Богом. Помочь человеку в его конкретной ситуации — задача пастыря. А это — и радоваться с радующимися, и плакать с плачущими, и поддерживать в минуту отчаяния. Это значит понять, забыть себя для другого, для Христа. Здесь нет уровня выше или ниже. Здесь каждый человек — образ и подобие Божие. И каждому нужно суметь помочь, не потакавая личным капризам, но и не насилуя душевное устройство личности. В этом и состоит пастырство.

И последнее. Священник — это, конечно, мученик. Именно так на русский язык перевели греческое слово "мартирос", которое буквально означает "свидетель". Иными словами, мученик — это не обязательно страдалец, истязуемый тяжкими пытками, но обязательно свидетель о Христе, то есть герой, подвижник. Если семинарист будет помнить об этом, то никогда не станет просто требоисполнителем...

Думаю, что время сейчас такое, когда в перспективе жизни каждого христианина — ожидание мученичества — в смысле свидетельства о вере в мире, который в ней как бы и не нуждается. Поэтому на пастыре — особая тяжесть. Этого не нужно бояться, но это нужно осознавать. А иначе зачем становится священником?

*Владимир Легойда,
соредактор православного журнала
для сомневающихся "Фома"*

Содержание

• Каким быть священнику? Интервью со Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II.....	4
• Единственное желание — послужить Церкви <i>Дмитрий Моисеев</i>	10
• Что я жду от выпускника Духовной школы? Мысли архиереев Русской Православной Церкви	16
• Взгляд из Петербурга Интервью с епископом Тихвинским Константином, ректором СПбДАиС	18
• Новый учебный план семинарии	22
• Станет ли Духовная Академия греко-латинской? <i>Ю. А. Шичалин</i>	23
• Благороднейший митрополит Святитель Филарет Московский в воспоминаниях иностранных путешественников <i>Священник Максим Козлов</i>	28
• Счастлив, кто увидит его несовершенный портрет Коллекция личных вещей и портретов святителя Филарета в ЦАКе МДА <i>Михаил Гуляев</i>	32
• Праздновать победу будем на том свете интервью с литературоведом В.В. Воропаевым.....	36
• Мы все работаем у одного Хозяина Н.В. Гоголь в Московской Духовной Академии <i>В.В. Воропаев</i>	40
• Вольнослушатель В.С. Соловьев в Московской Духовной Академии <i>Диакон Сергей Ефимов</i>	43
• Воспоминания об Академии (1910–1915) <i>Сергей Постников</i>	48
• Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин — отец Востока и Запада <i>К.Е. Скурат</i>	51
• Пасха на Афоне <i>Дмитрий Лепешев</i>	54
• Причастен Святой Пасхи <i>Андрей Бессарабов</i>	57
• Летопись	58
• Библиография Христианам о литературе <i>Сергей Зрянин</i>	64

Единственное желание —
послужить Церкви Стр.10

Святитель Филарет Московский
в воспоминаниях иностранных
путешественников. Стр. 28

На 1-й стр. обложки: Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II вместе с исполняющим обязанности председателя Учебного комитета при Священном Синоде РПЦ, ректором МДАиС епископом Верейским Евгением.
На 2-й стр. обложки: рукоположение во пресвитера (Покровский храм Московской Духовной Академии).

При использовании материалов ссылка на "Встречу" обязательна. Редакция будет рада любому сотрудничеству, особенно со студентами.

Редакция благодарит Учебный комитет при Священном Синоде РПЦ, администрацию, студентов, сотрудников Канцелярии и ЦАКа МДАиС за неоценимую помощь в подготовке настоящего номера журнала. Наша особая благодарность: Издательскому центру "Россия молодая", Издательству Свято-Троице-Сергиевой Лавры, Б.Б. Вику, а также сотруднику МИЦПЛ А. Севериненко.

КАКИМ БЫТЬ СВЯЩЕННИКУ?

Интервью Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси Алексия II
журналу "Встреча"

— Ваше Святейшество, за последние годы в Русской Православной Церкви значительно возросло число священнослужителей. Создается впечатление, что кадровый вопрос близок к своему разрешению. Так ли это?

— Действительно, сейчас стало значительно меньше священнических и диаконских вакансий, самого появления которых было никак не избежать — ведь за последнее время открылись тысячи храмов. Но я бы не сказал, что проблема кадров духовенства полностью решена. В первую очередь это касается дальних епархий в России и некоторых стран ближнего зарубежья, где подчас священник пастырствует на нескольких приходах.

Нельзя считать вполне нормальной и ситуацию, когда в крупных городах один священник приходится на десятки, а то и сотни тысяч православных верующих. Пусть не каждый из этих людей регулярно ходит в храм и активно участвует в церковной жизни — многим из них требуется духовная помощь, к некоторым священник должен идти сам, не дожидаясь их прихода в церковную ограду. Когда же пастырю надо после богослужения совершить в день несколько десятков крестин, венчаний и отпеваний, причастить болящих, да еще успеть в школу или больницу, тюрьму или воинскую часть, — неизбежно остается лишь по две-три минуты для общения с каждым пасомым. А это ненормально, особенно если

человек впервые соприкасается с Церковью или нуждается в обстоятельной беседе, исповеди или в совете по сложному жизненному вопросу.

Пастырь должен звать *своих овец по имени* (Ин. 10, 3). И считать проблему кадров священнослужителей окончательно решенной мы сможем лишь тогда, когда не просто устранятся формальные вакансии, но на каждую сотню постоянных прихожан и на каждые несколько тысяч людей недостаточно воцерковленных, но православных по Крещению и культуре, будет приходиться по одному священнику, способному не только совершать служение в храме, но и идти к людям со словом и делом, как поступал святой праведный Иоанн Кронштадтский.

— Сегодня, наверное, никто не станет спорить с тем, что неразумно жертвовать качеством подготовки пастырей ради количества открываемых приходов. Считаете ли Вы, Ваше Святейшество, что получение богословского образования со временем должно стать одним из неперенных условий рукоположения в священный сан?

— Именно такую цель поставили перед Полнотой Церковной недавние Архиерейские Соборы. Собор 1994 года выразил «озабоченность тем, что многие из рукоположенных ныне священников не имеют систематического богословского образования». А в одном из определений Собора 1997 года ясно сочтен важным «переход к практике рукоположения в священный сан только лиц, имеющих законченное семинарское или соответствующее ему богословское образование». На том же Соборе в своем докладе мне приходилось говорить, что те священнослужители, которые были рукоположены без образования, обязаны получить его заочно.

Поставленный вопрос, бесспорно, является еще одним важным аспектом кадровой проблемы. Если священнослужитель не знает в достаточной мере учения Церкви, ее истории, ее традиций, не может противостоять различным лжеучениям, не знает окружающего мира, — чему он научит прихожан? К сожалению, нередки случаи, когда священник буквально теряет, слыша вопрос нынешнего грамотного и требовательного прихожанина, а ведь ответ на этот вопрос почти всегда не выходит за рамки семинарской программы. Еще хуже, если священнослужитель отвечает неправильно, высказывая от себя некие идеи, отнюдь не свойственные церковной традиции, которую он толкует то в сторону крайнего ригоризма, то в сторону всеразрешительства и забвения о единственности Истины Христовой. Особенно серьезно подобное учительство «от ветра головы своя» вредит сегодня духовнической практике. Богословское образование и воспитание, которое дает Духовная школа, почти в полной мере способны предотвратить упомянутые явления. Вот почему крепкая связь между завершением семинарского образования и принятием священного сана должна быть установлена в самое недалекое время. Для этого необходимо усугубить соответствующие труды архипастырей, руководства и преподавателей Духовных школ, а также повысить ответственность самих кандидатов на рукоположение.

— Во многих епархиях нашей Церкви среди духовенства сложилось неоднозначное отношение к очной форме обучения в Семинарии и Академии — подчас ее даже склонны считать пустой тратой времени. Более того, как мы знаем, нередко молодые священники, выпускники Духовных школ, направляются служить на отдаленные сельские приходы, где их образование остается невостребованным.

Согласны ли Вы с тем, Ваше Святейшество, что эта ситуация наносит ущерб престижу Духовной школы и является ненормальной?

— Как я уже сказал, семинарское образование вскоре станет для кандидатов священства обязательным, и тогда ни у кого не будет повода пренебрежительно относиться к обучению в Духовных школах — меня и сейчас подобное отношение крайне удивляет. Конечно, должен стать нормой учет богословской квалификации священнослужителя при назначении на приход. Такую рекомендацию дал Архиерейский Собор 1994 года, и мне известно, что во многих епархиях ее вполне достойно исполняют.

Там же, где на приходах, требующих высокообразованных пастырей, трудятся клирики, чей уровень знаний не соответствует несомому служению, это дает о себе знать в виде жалоб прихожан и людей, стремящихся к вере, в виде приходских нестроений и ухода верующих в другие храмы, в виде отсутствия активной приходской жизни и миссионерского служения. Нельзя платить столь высокую цену за несовершенную оценку отдельных священнослужителей.

В то же время не стоит думать, что назначение на приход должно совершаться автоматически по принципу «предъявил диплом — получил указ». Ведь архиерею надобно принимать во внимание и возраст клирика, и его духовный опыт и пастырские способности, и отзывы о нем сослужителей и прихожан. Такого рода вопросы никак не могут игнорироваться при принятии кадровых решений.

— В настоящее время идет подготовка к реформированию духовного образования. Как бы Вы определили основные задачи и цели реформы, что, по Вашему мнению, следует сделать для того, чтобы ее проведение было действенным и плодотворным для всех Духовных школ Московского Патриархата?

— План преобразований известен. Ожидается, что Духовная Семинария станет высшим богословским учебным заведением с новыми, тщательно проработанными программами, которые будут учитывать реалии нашего динамичного времени, устранят параллелизм в изучении некоторых предметов и позволят расширить круг дисциплин. Духовная Семинария должна быть основным местом подготовки церковных кадров, а ее окончание — нормой для пастыря или иного ответственного церковного труженика. На базе же Духовной Академии планируется вести специализацию по отдельным областям богословской науки и практического служения — нет смысла говорить, как это нужно сегодня, особенно если иметь в виду развитие преподавательского корпуса.

Осуществление реформы духовного образования связывается со временем наступления нового тысячелетия от Рождества Христова. В то же время мы видим, как много трудностей предстоит преодолеть. Это

Святейшему Патриарху и Ректору Духовных школ всегда есть о чем поговорить

и материальное состояние Духовной школы, которое в подавляющем большинстве случаев иначе как кризисным не назовешь. Это и отсутствие профессорско-преподавательских кадров, ставшее одним из самых долговременных последствий семидесятилетнего гонения на Церковь. Насильственный разрыв веры и науки привел к тому, что многие люди, способные дать студентам специальные познания, недостаточно воцерковлены, а люди, выросшие в церковной среде, редко имеют хорошее светское образование, потребное для преподавания некоторых дисциплин.

Впрочем, все эти проблемы мы преодолеем именно тогда, когда каждый церковный труженик в данной области, особенно молодой — и здесь я особо обращаюсь к студентам Духовных Академий — приложит свои силы, чтобы потрудиться на ниве Христовой там, куда Господь поставит, не жалея сил и не останавливаясь перед препятствиями.

— Образ идеального священника обрисовал еще святой апостол Павел в своих пастырских посланиях, но все же каждая эпоха накладывает на людей, и в том числе на пастыря, свой отпечаток. По Вашему мнению, какими отличительными качествами должен обладать священник в наше время?

— В нынешний лукавый и суетный век самое главное и для пастыря, и для всякого христианина — сохранить твердую, глубокую веру. Она должна не просто укорениться в разуме, не только быть восприимчива словно по наследству, но и стать непреходящей

основой всей жизни, центром всех мыслей, слов и поступков. Сие немислимо без личного опыта духовного делания. Если мы общаемся с Богом в молитве, если “вертикальное измерение” бытия является для нас главным, то никакие призрачные восторги окружающего мира, равно как и никакие его тревоги и угрозы, — не смогут поколебать в нас радости сознания того, что “с нами Бог”, с упованием на помощь Которого мы надеемся достичь Его вечного Царствия, “идеже несть болезнь, ни печаль, но жизнь безконечная”. Об этом твердо знает всякий, кто сопричастен благодатной жизни Церкви. Это открывает нам и Сам Господь, сказавший: *В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир* (Ин. 16, 33).

На стержне веры и духовной жизни укрепляются качества,

весьма важные сегодня для священнослужителя: любовь и чуткость к прихожанам и вообще ко всякому человеку, предельная честность, ответственность, сочетание смиренномудрия с творческим, активным подходом к жизни и к своему служению. Пастырь не должен быть ни властителем, ни ведомым. Он призван влиять на людей — не только находящихся в церковной ограде, но и “внешних” — своим твердым авторитетом, силой своего слова и личного примера. Конечно, такого влияния достичь труднее всего. Наверное, гораздо легче прикрикнуть, надавить, пожитейски “поставить себя” или наоборот — согласиться с греховными слабостями окружающих и таким образом избавиться себя от лишних проблем. Но в обоих случаях пастырскому делу будет нанесен урон.

Наконец, очень важна преданность Церкви, забота о ее единстве, стремление к тому, чтобы слово и дело священника утверждало не только его приход и уж тем более не его личную роль, но общецерковное дело. Необходимо также сознавать, что Полнота церковная, равно как и полнота приходской общины, — это не только клир, но и миряне, с которыми нужно разделять труды и ответственность в духе церковных правил, братской любви и полного взаимного доверия.

Впрочем, не будем забывать и о том, что Пастыреначальник Христос, промыслительно окормляющий Свою Церковь, действует и через немощные сосуды. Святитель Феофан Затворник пишет: “Господь правит Церковью и всем, что в ней. Священники — орудия Его. Что для кого нужно, то подаст Господь чрез священника, каков бы он ни был, коль скоро ищущий идет с полною верою и усердно”.

— Низкий уровень религиозного образования нашего народа порождает подчас совершенно ложное представление о смысле священнического служения. В священнике одни видят психоаналитика, другие непременно старца — вершителя судеб, а третьи и вовсе заклинателя, совершающего таинственные обряды. Как говорится, “спрос рождает предложение” — и, к сожалению, не у всех священников хватает сил, а чаще просто духовного образования, чтобы противостоять подобного рода искушениям. В связи с этим, Ваше Святейшество, встают два извечных вопроса русской интеллигенции: “кто виноват” в сложившейся ситуации и “что делать”?

— Виноваты десятилетия гонений на Церковь — если бы их не было, если бы не истончала ткань живой церковной традиции, мы бы не оказались в таком положении. Сейчас же многие верующие и даже некоторые пастыри, будучи по сути и духу новообращенными, воспринимают церковную жизнь весьма упрощенно, в черно-белых тонах, подчас не имея ни должных знаний, ни духовного опыта. Некоторые приходящие в храм люди просто невежественны — они смешивают Православие с “бюро ритуальных услуг”, с магией, с культом духовного руководителя, свойственным тоталитарным сектам, но никак не Церкви Христовой. Таких людей пастырь должен бережно воспитывать и никоим образом не потакать их настроениям. Иногда лучше прервать общение с человеком, посоветовав обратиться к другому священнику, чем позволять делать из себя кумира, заслоняющего существо веры.

Не может не удивлять и должна быть осуждена практика некоторых священнослужителей, которые чуть ли не силой заставляют пасомых помимо их воли принимать жизненно важные решения, совершают какие-то магические манипуляции с фотографиями отсутствующих людей, заочные “крещения”, незаконные венчания и прочие неканонические “требы”, самочинно меняют богослужебные чинопоследования, побуждают людей к отказу от гражданских и семейных обязанностей, от медицинской помощи. Одной из проблем церковной жизни остается совершение Таинств и обрядов над явно невоцерковленными людьми, не знающими даже Символа веры и не понимающими смысла происходящего. Не стоит забывать, что Таинство совершается по вере приемлющего.

Преодолеть все эти печальные явления можно только постепенным воцерковлением и просвещением мирян, равно как и богословским образованием пастырей. В отдельных же случаях надо употреблять и власть епископа — мне, например, пришлось так сделать в случае с несколькими московскими клириками.

— Одна из печальных примет нашего времени — неуверенность в завтрашнем дне, безотчетный страх и беспокойство, которые охватывают сегодня многих людей, в том числе и в церковной ограде. Здесь поводом для подчас эсхатологических предчувствий оказывается и боязнь утратить чистоту веры, и церковные нестроения, расколы, угроза необновленчества, споры вокруг экуменического движения и многое другое. Не могли бы Вы, Ваше Святейшество, не только как Предстоятель Церкви, но и как пастырь дать молодым священникам и студентам Духовных школ, готовящимся принять священный сан, совет, как правильно относиться к этому явлению?

— Во всякое время Церковь переживала и до окончания века будет переживать внутренние дискуссии по разным вопросам. Надо только различать те области, в которых мы должны твердо хранить богозаповеданную общность веры, исповедание православных догматов, следование каноническим нормам, — и те сферы, где Церковь допускает свободу разномыслий, положительную ценность коих признавал святой апостол Павел, писавший: *Надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные* (1 Кор. 11, 19). Единство Церкви — это единство в многообразии, и нам нужно научиться с терпением и любовью принимать наличие в церковной среде, в том числе среди духовенства, людей разных по культуре, воспитанию, возрасту, взглядам на различные внутрицерковные и общественные проблемы. Но при этом — еще раз повторю — необходимо твердо хранить единство в вере православной.

Никакие треволения века сего не должны омрачать внутреннего мира и духовной радости, которые должны быть естественным состоянием христианина. Отчаяние, уныние, теплорядность в служении, какими бы причинами они по-человечески не оправдывались, есть состояния греховные, ибо в основе их лежит неверие в силу Божию, явственно в Церкви присутствующую. Нам надлежит всегда помнить слова Спасителя: *Создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее* (Мф. 16, 18); *Не бойся, малое стадо! ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство* (Лк. 12, 32). И я полагаю, что эти слова Спасителя явно оправдались в годы богоборчества.

— В своих выступлениях, Ваше Святейшество, Вы часто подчеркиваете необходимость соблюдения принципа отделения Церкви от государства. В то же время, в силу своих обязанностей Предстоятеля Русской Православной Церкви, Вы часто участвуете в различных государственных мероприятиях. Образ действий Патриарха — пример для каждого священника. И в связи с этим нас волнует вопрос, как нам в своем будущем священническом приходском служении найти золотую середину во взаимо-

С Президентом на Валааме

действию с государственной властью, чтобы это, с одной стороны, приносило пользу Церкви и Отечеству, а с другой — не вызывало бы соблазна у нашей будущей паствы?

— Церковь действительно не должна становиться государственной — к такому выводу нас подвигает и весьма неоднозначный опыт прошлого, и тот факт, что сейчас около половины наших приходов с десятками миллионов верующих находится вне пределов Российской Федерации. Но устраняться от контактов с властью на самых разных уровнях Церковь не может и не должна. Мало того, сейчас открывается все больше возможностей для взаимодействия Церкви и государства в трудах на народное благо, будь то работа в области просвещения, культуры, науки, благотворительности, сохранения и возрождения исторических памятников, миротворчества, социальных забот, сохранения в народе нравственности или любые другие усилия, диктуемые потребностями общества.

Контакты и сотрудничество с властью на центральном, региональном и местном уровнях нужны и необходимы. Но для сохранения правильного церковного устройства крайне важно, чтобы такие контакты и такое сотрудничество осуществлялись клириками строго по благословению церковного Священнонача-

лия, прежде всего епархиальных Преосвященных. Нельзя допускать, чтобы у кого-либо создавалось впечатление, что пастырь, взаимодействуя с властью или ее конкретным носителем, оказывает им поддержку в политической борьбе, в предвыборных процессах. Должны быть исключены случаи появления священнослужителей на предвыборных митингах, ведения соответствующей агитации в приходских домах и тем более в храмах во время богослужения.

Понятно, что пастырь может иметь свои политические убеждения, которые подчас кажутся ему единственно правильными и единственно возможными для православного христианина. Но как прихожане — а среди них всегда есть люди разной политической ориентации — воспримут сказанное с амвона слово о том, что проголосовавший против того или иного кандидата как бы голосует уже против Церкви? Отказ Церкви от вовлеченности в политическую борьбу есть не просто веяние времени — он сегодня является од-

ним из важнейших условий церковного единства, предупреждения расколов по принципу гражданства, этнической принадлежности и политических взглядов.

— В заключение интервью мы хотели бы, по традиции, попросить Вас, Ваше Святейшество, обратиться со словом Первосвятительского наиздания к нашим читателям — будущим пастырям, студентам Духовных школ, а также православным учащимся светских учебных заведений.

— Всем вам, дорогие мои, да поможет Бог неленостно постигать премудрость богословия и других наук — вы знаете, как это нынче нужно Церкви. Но наипаче да дарует вам Господь стяжать опыт духовной жизни, жизни по вере, жизни во Христе, которая сподобляет истинного богомыслия и подвигает нас на искреннее, плодотворное служение Богу и людям. Будьте верными сынами и дочерьми Матери Своей — Святой Православной Церкви. И пусть укрепляет Вас Господь в предстоящих вам трудах — пастырских ли, или много-различных иных, подавая силы для несения жизненного подвига до конца ваших земных дней. Помните, что Он сказал: *Иго Мое благо, и бремя Мое легко есть* (Мф. 11, 30).

ЕДИНСТВЕННОЕ ЖЕЛАНИЕ — ПОСЛУЖИТЬ ЦЕРКВИ

Каждый епископ когда-то начинал с того, что был священником, служил в храме — на приходе или в монастыре. Не составляет исключения и Святейший Патриарх Алексий II. Конечно, для каждого священнослужителя, а тем более для студента Духовной школы, личный пример Первосвященителя является особо поучительным и назидательным. Поэтому мы решили в этой статье осветить в основных чертах ту обстановку, в которой прошли детство и юность Святейшего Патриарха, и проследить начальный этап того пути, на который он встал в самые молодые годы жизни и которым продолжает идти до сих пор.

С прихожанами в Богоявленском храме г. Йыхви Середина 1950-х гг.

Богоявленский храм в Йыхви

Городок с необычным для русского слуха названием Йыхви находится на северо-востоке Эстонии, в области, именуемой Ида-Вирумаа. Именно этот город более ста лет назад стал одним из главных очагов распространения православной веры в Эстонию.

Православный приход возник в Йыхви в 1894 году по благословению святого праведного Иоанна Кронштадтского, который побывал в этих краях и вскоре прислал в Эстонию несколько монахинь из Костромского Богоявленского монастыря для устройства

в этой местности женской монашеской общины.

Вскоре в Йыхви был построен храм, освященный в честь Богоявления Господня, который стоит и по сей день. Монахини сначала жили при этом храме, а потом перебрались в село Куремяэ, которое находится совсем рядом с местом, издревле почитаемым в Эстонии как святое. Это — знаменитая ныне на весь православный мир Пюхтица, что в переводе с эстонского значит Святая Гора. Место это почиталось еще в XVI веке, когда здесь чудесным образом была явлена икона Божией Матери. Обрели эту икону эстонские пастухи, но не зная, что с

“Носите тяготы друг друга...” Алеша Ридигер (слева) с двоюродным братом

ней делать, передали ее русским крестьянам, жившим неподалеку. С тех пор ежегодно к месту явления чудотворной иконы начали устраиваться крестные ходы, а люди стали почитать и само место, и источник, находящийся на нем.

Монашеская община постепенно росла и умножалась, а сам монастырь благоустроивался неусыпным попечением матушки игумении Варвары (Блохиной). К моменту наступления революции 1917 года это была уже крепкая обитель с большим количеством сестер.

После революции

Но вот разразилась революционная катастрофа, и не где-нибудь, а в каких-то 250 километрах от Пюхтиц был очаг этого огромного всепожирающего пожара. Казалось, что дни Пюхтицы, как и всех остальных русских монастырей, уже сочтены. Но Господу угодно было сохранить нетронутым этот уголок молитвы и духовного делания на эстонской земле. Случилось так, что после подписания печально известного Брестского мира Эстония получила независимость,

На коленях у бабушки. Июль 1931 г.

и на ее территории оказался не только Пюхтицкий, но и Псково-Печерский монастырь, а совсем рядом — в Финляндии — и Валаамский. Таким образом, эти всемирно известные обители, хотя и оказались за пределами России, но именно они стали хранителями и оплотом Православной веры все-русского значения. Начиная с 20-х годов Эстония и в целом вся Прибалтика начинает играть особую роль в деле не только сохранения, но и продолжения церковной традиции для России.

Именно в Прибалтике оказалось большое число русских эмигрантов, которые оседали здесь, потому что и к Эстонии, и к Латвии, и к Литве Россия намного ближе, чем к Западной Европе, тем более к Америке. И хотя считалось, что русские не у себя на родине, но в то же время в прибалтийских странах сохранилась уникальная духовная и культурная русская среда, в которой возрастали настоящие патриоты — люди, желающие трудиться на благо России и готовые отдать за нее жизнь.

Протоиерей Михаил Ридигер

В это время с родителями переселился из России в Прибалтику и Михаил Ридигер — отец будущего Патриарха. Спасаясь от разрушительной бури революции, семья Ридигеров переехала в Эстонию к родственникам. Вскоре молодой Михаил активно включился в работу созданного в 20-е годы Российского студенческого христианского движения (РСХД).

Деятельность Движения приняла здесь в конце 20-х — начале 30-х годов самые активные формы. Часто в Псково-Печерском и Пюхтицком монастырях, других местах Прибалтики проводились съезды Движения, духовником которого был избран протоиерей Сергей Четвериков — опытный в духовной жизни священник. Съезды Движения посещала и мать Мария (Скобцова), которая привлекла к себе молодежь открытостью и доступностью в общении. В Нарве, Таллине, Тарту (Юрьеве) и других городах Эстонии были созданы христианские школы и детские сады, проводились собрания молодежных обществ и кружков, была налажена взаимопомощь.

Молодежь из Эстонии часто ездила к своим сверстникам и единомышленникам в Латвию, где

также проводились местные съезды РСХД и устраивались совместные молодежные лагеря труда и отдыха.

Словом, верующая молодежь активно занималась просвещением, катехизацией и христианизацией, в первую очередь, самой себя, а посредством этого и окружающих людей.

По словам Тамары Павловны Милютиной, одной из немногих оставшихся в живых участниц Движения, те, кто в те годы вместе трудился на поприще христианского просвещения, сохранили дружбу и верность друг другу на долгие годы — молодость, ознаменованная не бурным кипением страстей, а тихим, но ярким горением христианской созидательной жизни, навсегда осталась в памяти этих людей как лучшее время их жизни.

С присоединением Эстонии к СССР в 1940 г. Движение было разгромлено советскими карательными органами. Руководитель РСХД в Эстонии И.А. Лаговский был арестован и расстрелян по обвинению в организации антикоммунистической пропаганды и деятельности с использованием террористических методов борьбы против лидеров ВКП(б). Также в застенках НКВД погибли видные участники РСХД в Эстонии: Т. Дезен и Н. Пенькин, тогда еще совсем молодые люди. Впоследствии все они были реабилитированы за отсутствием состава преступления.

Детство Патриарха

В 1926 Михаил Ридигер женился на Елене Писаревой, а в 1929 году у них родился сын, которого называли Алексием в честь св. Алексия, человека Божия. Могли ли молодые супруги предполагать, что в их семье родится будущий предстоятель Русской Православной Церкви?

Скорее всего, они об этом просто не думали, а растили сына, стараясь развить у него чувство живой

Корень учения горек...

веры и укрепить его в предании и традиции Православной Церкви.

Как вспоминает двоюродная сестра Святейшего Патриарха Елена Федоровна Камзол, уже с детства у Алеши было только одно желание — стать священником. Еще будучи мальчиком, он устроил в сарае во дворе дома “церковь”, где все было “совсем по-настоящему”.

Теперь Елена Федоровна с улыбкой вспоминает, как однажды она зашла к брату в его “церковь” и попросила его дать ей посмотреть, что у него в “алтаре”.

“Женщинам в алтарь нельзя, — строго заметил он ей и, несколько смягчившись, потом добавил: — Впрочем, если хочешь, я возьму тебя работать в церковь уборщицей”.

Этот, казалось бы, незначительный и забавный эпизод из детских лет жизни Святейшего Патриарха на самом деле говорит о многом. В первую очередь — о том, что в русских семьях царил атмосфера церковности и глубокой веры. То, что дети играли “в церковь”, — было не просто шалостью, в этих детских играх они выражали свое стремление быть

У Богоявленского храма в Йыхви. В центре слева направо: о. Михаил Ридигер, Елена Иосифовна Ридигер, о. Алексей Ридигер

похожими на окружающих их людей. И в то время как в Советской России дети маршировали в октябрятских и пионерских отрядах, русские дети в Эстонии играли "в церковь", мечтая о том, чтобы стать священниками.

Это серьезное настроение укреплялось еще и тем, что с детства на будущего Патриарха большое воздействие оказывали монастыри — и в первую очередь, Валаамский и Пюхтицкий.

Находившаяся в то время на территории Финляндии Валаамская обитель Промыслом Божиим была сохранена от разорения и до конца 30-х годов продолжала нести свое спасительное служение миру. Только в результате советско-финской войны валаамские иноки вынуждены были покинуть святую обитель и впоследствии в Финляндии основали монастырь, известный теперь как Новый Валаам.

Но чаще всего семья Михаила Ридигера, который впоследствии стал известным таллинским священником, посещала Пюхтицкую обитель. Там их встречали и принимали очень тепло. До сих пор еще живы насельницы монастыря, которые помнят, как к ним приезжал мальчик Алеша, которого они все любили как родного.

Схимонахиня Фотина, которая живет в монастыре с 1934 года, вспоминает: "Стоит в храме отрок лет семи, всю службу — а в монастыре служат долго — стоит не шелохнется. Я и думаю про себя: "Что с этого отрока будет?" А потом он стал таллинским владыкой, а теперь уж — дай Бог ему здоровья — и Патриархом. Помогите ему, Господи..."

Сначала с родителями, а потом, когда уже стал семинаристом, и один любил он бывать в этом удивительном месте.

Те, кто бывал в Пюхтицах, знают, что для монастыря сенокос —

особая пора. Алексей всегда помогал косить сено, укладывать его в стога, выполнял самую тяжелую работу. Молитва и труд — основные принципы монастырской жизни, на которых должен воспитываться любой христианин — от мирянина до Патриарха.

Организатором многих паломничеств ко святыням Эстонской и Финской земли являлся отец Александр Киселев, в храме которого в детские годы прислуживал пономарем будущий Патриарх. В то время молодой священник, отец Александр известен нынешнему поколению православных москвичей и особенно прихожанам Донского монастыря как заслуженный протопресвитер, издатель замечательного журнала "Русское возрождение", который выходит вот уже более 20-ти лет. Отец Александр начал издавать свой журнал в Париже, потом продолжил начатое им дело в Нью-Йорке, а в последние пять лет журнал печатается в России, куда всю свою жизнь стремился вернуться о. Александр. Господь сподобил его под старость снова увидеть родину, где несмотря на свой преклонный возраст отец Александр продолжает нести свое пастырское служение.

Так, в конце XX века пересеклись жизненные пути людей, кото-

Се аз и чада, яже ми дал есть Бог...

С прихожанами на отдыхе

рые еще в те далекие 30-е годы были связаны нитями духовного общения.

Первый приход Святейшего

После присоединения Эстонии к Советскому Союзу, Православная Церковь в этой республике стала подвергаться тем же гонениям, что и на всей территории СССР.

В 1952 году на свой первый приход в город Йыхви приехал молодой священник отец Алексей Ридигер. Многие из прихожан, которые в то время посещали храм, еще живы и, конечно же, сохраняют память о тех годах, когда на их приходе обыкновенным священником служил будущий Патриарх Русской Церкви. Он запомнился им как требовательный и строгий, но в то же время снисходительный к немощам паствы священник. Несмотря на тяжелые условия, в которых пастырю в те годы приходилось нести свое служение, отец Алексей стремился не ограничивать свою деятельность совершенным богослужением и треб. Он часто посещал своих прихожан, ездил отдыхать с ними на Чудское озеро, был доступным и

отзывчивым батюшкой, за что и стяжал всеобщую любовь и уважение. Великим постом любил он вместе с клирошанами петь на середине храма "Разбойника благоразумного..." Хор в годы его настоятельства был одним из лучших в Эстонии. Молодой батюшка часто организовывал паломничества в Пюхтицкий монастырь, находящийся в 25 километрах от Йыхви — в те годы подобная инициатива могла привести к печальным последствиям.

Эти труды не прошли даром. Можно сказать, что сегодня Богоявленский приход в Йыхви — один из лучших в Эстонии. По словам нынешнего настоятеля этого храма, иеромонаха Дионисия (Борисова), в этом приходе сильны многие православные традиции, которые не так легко было сохранить до нашего времени. Основная часть прихожан — русские, но немало ходит в храм и эстонцев, некоторые из которых учатся в Духовных школах Москвы и Санкт-Петербурга.

Добрые пастыри

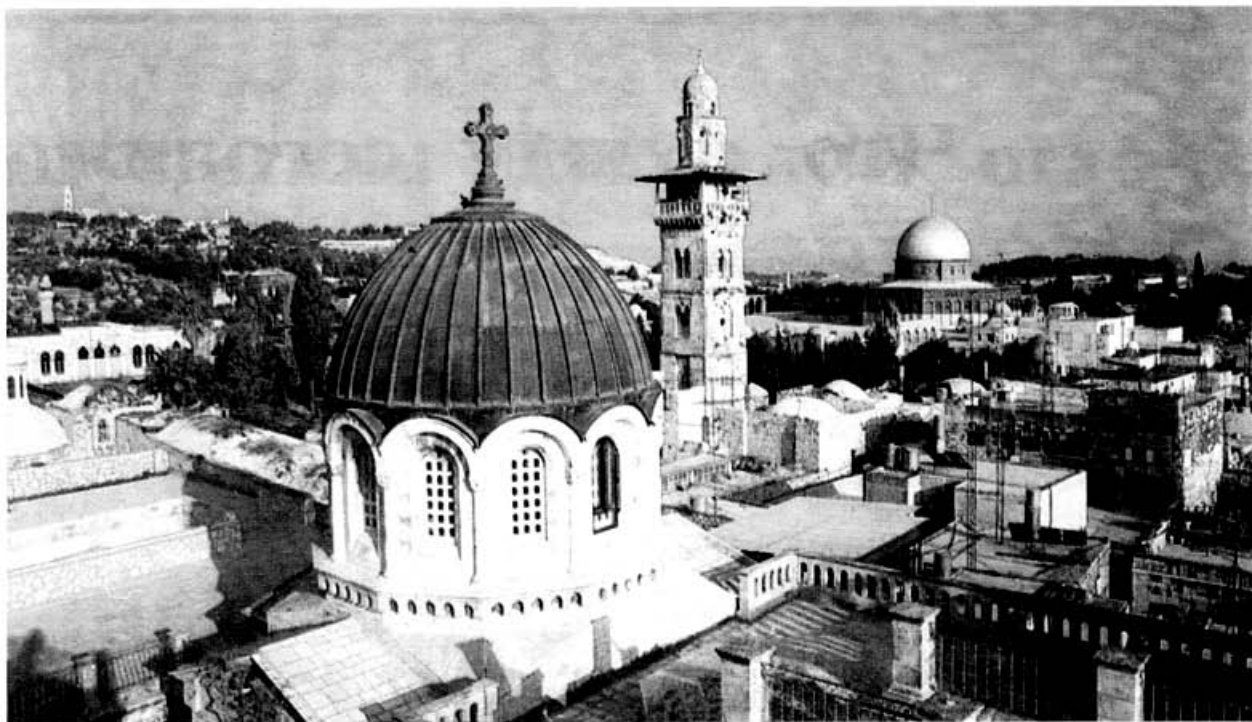
Итак, мы видим, что среда, в которой духовно возрос и развился будущий Патриарх Русской

Церкви, была по-своему уникальной и неповторимой: это было общество глубоко верующих и высокообразованных людей, которые болели душой за Россию и которые видели ее возрождение в возвращении к Православной вере, к истокам народного духа и родной культуры. Промыслу Божию было угодно, чтобы часть из них после Второй мировой войны оказалась на Западе, но и там — в чуждой среде, они не только не утратили своей живой веры, но многие из них сделали ревностными миссионерами и проповедниками Православия, свидетельствуя о нем не только как о "русской религии", а как о полноте богодарованной людям истины. Достаточно назвать имена отца Александра Шмемана, ректора Свято-Владимирской семинарии в Нью-Йорке, о. Дмитрия Гизетти, настоятеля православного храма в Лос-Анжелесе, уже упоминавшегося отца Александра Киселева. Эти пастыри были духовно взращены на благодатной духовной почве Эстонии.

Другие люди — действием того же Всеблаготворного Промысла Божия оказались в России. Это и ныне здравствующий Святейший Патриарх Алексей II, и почивший о Господе протоиерей Ростислав Лозинский, закончивший дни своего пастырского служения в Туле, и многие другие.

Но всех их объединяло и объединяет непреклонная стойкость в вере, верность Святому Православию и, что хотелось бы особенно отметить, миссионерский настрой служения. И в России, и за ее пределами выходцы из Русского студенческого христианского движения всегда стремились нести Слово Божие людям, ревностно проповедовать им Евангелие. Нынешнему поколению молодых священников есть чему поучиться у них.

Дмитрий Моисеев, 1 курс МДА

**ПРОГРАММА ПРЕБЫВАНИЯ НА СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ.
МАРШРУТ: ИЕРУСАЛИМ (3 НОЧЛЕГА) —
ТИВЕРИЯ (1 НОЧЛЕГ), ТЕЛЬ-АВИВ (2 НОЧЛЕГА)**

День 1 *Прибытие в аэропорт им. Бен Гуриона. Встреча в аэропорту с представителем принимающей стороны, отъезд автобусом в Иерусалим. Размещение в гостинице. Паломничество по старому городу. Крестный путь. Сион. Посещение Храма гроба Господня. Ужин. Ночлег в Иерусалиме.*

День 2 *Завтрак. Иудейская пустыня. Монастырь Георгия Хозевита. Иерихон, Сорокодневная гора. Монастырь Герасима Иорданского. Мертвое море. Ужин. Ночлег в Иерусалиме.*

День 3 *Завтрак. Посещение Троицкого собора Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Ужин. Ночлег в Иерусалиме.*

День 4 *Завтрак. Вифлеем. Елеонская гора. Вифания*. Горненский монастырь. Река Иордан. Размещение в гостинице в Тиверии. Ужин.*

День 5 *Завтрак. Капернаум. Фавор. Назарет. Кана Галилейская. Хайфа. Прибытие в Тель-Авив. Размещение в гостинице. Ужин.*

День 6 *Завтрак. Лидда. Храм и гробница Святого Великомученика Георгия. Русский монастырь Святого Апостола Петра в Яффе. Старая Яффа. Ужин. Ночлег в Тель-Авиве.*

День 7 *Завтрак. Экскурсия по городу. Отъезд в аэропорт для вылета на Родину.*

* Посещение Вифлеема и Иерихона зависит от политического положения.

Желающим совершить поездку за две недели до ее начала необходимо представить: паспорта (зарубежный и внутренний), две фотографии размером — 4х6 см, посольскую анкету. При выезде семейных пар представляются свидетельство о браке и свидетельство о рождении ребенка (если дети выезжают вместе с родителями) и нотариально заверенную доверенность (если ребенок выезжает с одним из родителей). Вылет группы из Москвы в пятницу. Возврат в Москву в четверг.

Мы ждем Вас по адресу: г. Москва, улица Норильская, 36. (Проезд до станции метро “Бабушкинская”, далее автобусом № 605 до остановки “Напрудная”). Получить дополнительную информацию, сделать заявку на поездку Вы можете по телефонам: 475 - 82 - 74, 475 - 67 - 95 (тел./ факс).

**ЗАКРЫТОЕ АКЦИОНЕРНОЕ
ОБЩЕСТВО СЛУЖБА “ПАЛОМНИК”
ПРЕДЛАГАЕТ ВАМ СОВЕРШИТЬ**

**ПАЛОМНИЧЕСКУЮ
ПОЕЗДКУ ВО СВЯТУЮ
ЗЕМЛЮ:**

**ПОКЛОНИТЬСЯ СВЯТЫНЯМ, ОСМОТРЕТЬ
ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ И,
КОНЕЧНО ЖЕ, ПОБЫВАТЬ В
ИЕРУСАЛИМЕ. В СОСТАВЕ КАЖДОЙ
ГРУППЫ С ВАМИ БУДЕТ
ПРАВОСЛАВНЫЙ
СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЬ.**

**Фонд единства
православных народов
Закрытое акционерное общество
Служба “ПАЛОМНИК”**

Что я жду сегодня от

На вопрос журнала "Встреча"
отвечают архиереи Русской Православной Церкви

Митрополит Киевский и всея Украины
ВЛАДИМИР

Время всегда накладывает отпечаток на пастырское служение, одновременно и помогая, и препятствуя священнослужителю достойно совершать свою миссию. Однако каким бы ни был общий фон эпохи — "в Боге нет переменения", а следовательно и идеал, и цель жизни в Церкви всегда будет одна и та же — спасение души о Господе.

Прежнее поколение православного народа и пастырей выстояло в условиях динамитно-бульдозерного атеизма, сохранили и себя, и Церковь, благодаря тому, что в них была вера и твердость духа, верность призванию и Евангелию. Это идеал пастырского служения в долге, духе и истине.

Сейчас же, когда контуры духовности размыты и процветает якобы научно обоснованный плюрализм истин, в жизни чаще встречаются христиане только по имени, а не по житию. И студент Духовных школ также не свободен от этого внешнего влияния и воздействия. Отсюда задача — воспитание таких пастырей, на твердости веры которых достойно выстояла бы Святая Церковь первые 50 лет третьего тысячелетия.

Всегда памятуя об идеале доброго Пастыря Христа, студент Духовной школы должен суметь гармонизировать в себе молодость и церковность, воспитать себя так, чтобы жить по принципу: я пришел в Церковь и к народу Божью не для того, чтобы мне послужили, но чтобы служить другим.

А сегодня в Церкви — и интеллигент-рационалист, и юноша, ищущий идеал и испытующий себя, и старшее поколение, прошедшее половину мук ада. И молодой пастырь должен развить в себе умение почувствовать вопрошающую о смысле жизни душу, очистить ее от наносного и открыть к ней доступ Истине. Значит, пастырь должен быть твердым в вере, его знания должны стать убеждениями его собеседников. Искусство полемиста сегодня пригодится, когда часто возникает необходимость опровергнуть оккультистов, магов, псевдофилософов, околоцерковных теоретиков, пытающихся предложить пылливому уму альтернативную истину о Боге. Пастырь должен помнить и уметь доказать другому, что спасительной является одна лишь Православная истина. Второй альтерна-

тивной истины нет, как нет и иного Бога! Этим сказано все задолго до нас, именно это должны будущему поколению доказать и мы!

Увидев сегодня в молодом пастыре твердую веру, высокую образованность, культуру, чистую церковную совесть, открытое доброе сердце, его паства составит сама собой, Господу содействующу, и это будет именно паства, а не так называемые "духовные клиенты". Мудрость святых отцов, освященная светом Евангелия и подтвержденная церковным подвигом многих поколений, упраздняет основу для так широко бытующего в среде молодых священников "младостарчества". Это — холодное менторство, которое способно в воспаленном воображении неопита пробудить ревность не по разуму, то есть дать обратный эффект. Его вред очевиден, так как в его основе гордыня, а попросту говоря — амбиции, зачастую не подкрепленные личным подвигом молитвы и исполнением церковного послушания.

Так строго я говорю об этих вещах потому, что условия пастырского служения сегодня обусловлены рядом факторов, прежде не так ярко проявлявшихся. Железный занавес в значительной мере закрывал все от всех, в том числе и Евангелие от многих. Сейчас же, когда лукавый попустил такой наплыв тоталитарных сект, подателей изощренно упакованных образчиков псевдодуховных истин, пастырь должен научить народ Божий отличать зерна от плевел, иначе тернии, которые вырастут в неокрепших душах, навсегда заглушат добрые всходы и закроют свет спасительной веры для ищущего сердца.

Чистота душевная всегда оградит пастыря от козней лукавого, а постоянное памятование о той ответственности, которую пастырь берет на себя при хиротонии, обязательно избавит его от многих бед и искушений.

Митрополит Крутицкий и Коломенский
ЮВЕНАЛИЙ

У меня создается впечатление, что выпускники Духовных школ без особого энтузиазма думают о возможности служения в моей епархии. Известно, что в ней подавляющее большинство храмов и монастырей являются новооткрытыми, и потому служение здесь предполагает "труд и болезнь".

Желаю будущим пастырям святой ревности потрудиться именно в таких условиях.

ВЫПУСКНИКА ДУХОВНОЙ ШКОЛЫ?

*Митрополит Минский и Слуцкий ФИЛАРЕТ,
Патриарший Экзарх всея Беларуси*

Ваш вопрос по сути означает — каким должен быть пастырь наших дней? — Об этом мы имеем наставления святого апостола Павла, которое, конечно, известно готовящимся к принятию священства студентам Духовных семинарий и Академий: *будь образцом для верных в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте* (1 Тим. 4, 12). Эти слова, начертанные на оборотной стороне священнического креста, всегда будут современны. И тем не менее, ко мне обращен вопрос, требующий такого ответа, который бы учитывал особенности современной эпохи.

Первое, на что я сегодня хочу обратить внимание будущих пастырей — необходимость дорожить той благодарностью, которую получает священник в рукоположении, дорожить апостольской преемственностью священнического служения. Мы должны помнить, что священство не есть, что-то автономное, самодостаточное, но это дар, который необходимо постоянно возгревать. И второе пожелание будущим священнослужителям — после рукоположения употребить все силы в борьбе с соблазном собственной значимости и непогрешимости, чем к сожалению страдают некоторые наши батюшки, забывающие, что право священствовать им препоручается епископом. Получая от

епископа это право, пастырь должен всегда поручать свое служение и всего себя попечению своего архиерея. Вот мой ответ, вот мое смиренное пожелание выпускникам Духовных школ.

*Митрополит Смоленский и Калининградский
КИРИЛЛ*

Служению Церкви должны быть посвящены не отработанные часы, а вся жизнь священника. Долгие годы безверия ослабили нашу способность отличать черное от белого, добро от зла, но духовная потребность человека не исчезла. И сегодня для проповеди Слова Божия нужны современные, образованные, сильные духом пастыри. Чтобы их слово было услышано и принято, они должны быть сведущи во всех областях знаний, говорить просто, умно и убедительно. Но это еще не все. Слово пастыря будет услышано, если будет подкреплено всей его жизнью.

*Архиепископ Пермский и Соликамский
АФНАСИЙ*

Церковь ждет сегодня от пастырей готовности пострадать за Христа. Примером для готовящихся принять священный сан должны стать наши новомученики и исповедники, ближайшие к нам по времени святые. Пусть в наши дни как будто нет видимых гонений, но для всех очевидно, что сегодня идет настоящая борьба за духовное возрождение России. И потому от священнослужителей требуется та же преданность пастырскому долгу, та же любовь и ревность, с которыми шли на свою Голгофу защитники веры в годы лихолетья.

*Архиепископ Тверской и Кашинский
ВИКТОР*

Выпускник духовного учебного заведения должен быть готов к служению в любых условиях. Он должен, прежде всего, достаточно глубоко знать Священное Писание, чтобы потом, на протяжении всей жизни, самостоятельно постигать сокровенные непреходящие истины, дарованные нам Господом. Он должен неукоснительно блюсти святоотеческие заветы, святые каноны Православия и быть патриотом своей Отчизны. Понятия Православия и России нерасторжимы, и православный пастырь не может не быть патриотом.

Окончивший духовное учебное заведение должен быть и человеком всесторонне образованным, иметь широкий кругозор, только тогда он сможет поступать всегда осознанно, быть убедительным в слове и безошибочным в деле.

И последнее, но столь же необходимое: избравший путь пастыря должен занимать активную позицию, не быть созерцательным, подобно Диогену, а являть собой человека действия, ибо не нами сказано, что вера без дел мертва.

Взгляд из

Проблемы реформирования Духовной школы продолжают обсуждаться: на вопросы журнала "Встреча" отвечает епископ Тихвинский Константин, ректор Санкт-Петербургской Духовной Академии и Семинарии

— Ваше Преосвященство, Вы принимали непосредственное участие в разработке предстоящей реформы. Не могли бы Вы рассказать, чем обусловлена необходимость проведения реформы духовного образования?

— Реформа образования обусловлена многими факторами. На мой взгляд, существующая система обучения — четыре года Академии и четыре года семинарии — безнадежно устарела. Она устарела так же, как устарело многое в нашей стране. Эта система чрезвычайно громоздка и невероятно дорогостояща. Церковь отделена от государства, но не от общества, и поэтому многие болезни нашего общества, особенно такие, как малоэффективность, высокая себестоимость, нерентабельность, поражают и ее. У меня есть высшее светское образование*, и я считаю, что светская школа более рентабельна, более эффективна. Крайне нерационально учить в семинарии четыре года, когда затем примерно треть материала дублируется в Академии. Во всем мире семинарии изначально являются высшими учебными заведениями с пятилетним сроком обучения, потому что считается, что человеку нормальному, со средними умственными способностями, можно дать высшее образование за пять лет. Неужели семинаристы глупее, чем студенты, поступающие в университеты и институты?

Свои задумки я апробировал в Минской Духовной Семинарии. Меня туда направили в 1990 году, вскоре после ее открытия. С одной стороны, было очень тяжело, так как многое приходилось начинать почти с нуля, а с другой стороны — легко, потому что мне не противостояла система, которую уже надо было переделывать. Я бывал за границей, изучал опыт преподавания, особенно в Германии. Немецкая система образования поражает своей великолепной

* Епископ Константин до поступления в Духовную семинарию окончил медицинский вуз, где впоследствии являлся старшим преподавателем. Имеет ученую степень кандидата медицинских наук. — *Прим. Ред.*

методикой. Кое-что я заимствовал из нее, помог также и светский опыт преподавания. Этот наш эксперимент получился. Минская Духовная Семинария получила статус высшего учебного заведения, признанного Синодом, утвержденного Патриархом и признанного государством, что тоже важно.

— Значит, вам была выдана государственная лицензия?

— Наши дипломы в Белоруссии были признаны государством. Мы выдавали дипломы бакалавра. Но я был новатором не самой идеи, а ее осуществления, потому что эта идея уже была подана на Поместном Соборе и особенно на Архиерейских соборах. Мое мнение такое, что семинария изначально по хорошо разработанным программам дает пять лет обучения, а затем три года Академии направлены в основном уже на научную работу.

— То есть, как аспирантура в светском учебном заведении?

— Да, то есть она должна соответствовать аспирантуре. Но лично я не был сторонником того, чтобы в Академии делать пять лет обучения, то есть сначала три года, а потом еще два. Потому что есть такой аспект, как здоровье, и то, что человеку надо есть, даже если будет бесплатное четырехразовое питание, общежитие и т.д. Нигде в мире нет восьмилетнего образования. Единственное, где это имеет место, — иезуитские колледжи. За восемь лет обучения у человека может возникнуть профессиональный цинизм, например, привыкание к святине. К тому же учиться в семинарии пять лет, затем писать дипломную работу, потом, проучившись в Академии три года, писать вторую работу, а по прошествии еще двух лет — третью, на это просто здоровья не хватит, я вам заявляю это как кандидат медицинских наук.

— На что будет опираться грядущая реформа: на опыт дореволюционных Духовных школ, современных светских учебных заведений или же западных богословских школ?

Петербург

— С учетом всего, но главное — это наши дореволюционные школы. Это главная составная часть. Опыт зарубежных религиозных учебных заведений, как и светских, практически не учитывается. Главные составные компоненты: дореволюционная школа, реально существующая сегодня богословская школа и светские учебные заведения.

К тому же у нас разошлись мнения по поводу учебных степеней. Я считаю, что должны быть две степени: кандидат и доктор, без устаревшего магистра. А у нас сейчас получится так: бакалавр, кандидат, магистр, доктор. Во всем мире магистр ниже кандидата, а у нас получается наоборот. То есть нужно как-то все это унифицировать, так как в прошлом вся наша

академическая система так или иначе со своими степенями соотносилась со светской системой образования.

— Какие стороны духовного образования, на Ваш взгляд, сегодня особенно нуждаются в реформировании?

— Наша школа сочетает в себе худшие стороны протестантского образования с худшими сторонами католического образования. Хочу рассказать, для примера, о системах образования в этих двух школах.

В протестантской школе образование платное. В основном платят за учащегося приходы или же частные лица. В школе предоставляется полная свобода действий для учащегося: ему платят стипендию — в Германии, например, восемьсот марок в месяц — и он сам может распределить эти деньги по своему усмотрению. Студенту предоставляется отдельная комната размером два на три метра с умывальником и небольшим коридором, за которую он должен платить примерно триста марок в месяц. Везде приходится платить: пришел в библиотеку сделать ксерокопию — плати, в столовой тоже платное питание. То есть вас приучают к самостоятельности — как хочешь, так и распределяй свой бюджет. В школе отсутствует инспектор. Вам дают два ключа: от общежития и от комнаты. Ваше дело, приходите ночевать или не приходите, но все это становится очень быстро заметно даже без специального помощника инспектора. Становится это известно ректору, который вас вызывает и говорит: “Молодой человек, вы пошли в нашу школу не по призванию, нам очень жаль, что вы всю свою жизнь будете заниматься нелюбимым делом, у вас обнаружили склонности к ночным профессиям, может быть, вы станете хорошим барменом. Пожалуйста, зайдите в канцелярию и заберите свои документы — вы уже отчислены”. Деньги, которые вы заплатили до конца года, остаются в семинарии. Экзамены платные, обучение там в основном бесплатное, а за экзамены надо платить — естественно, не экзаменатору, а в семинарскую кассу. На экзамен вы приходите с квитанцией. Экзамены очень тяжелые, на лекции хотите ходите, хотите — нет, но экзамены там просто мучение. Сам экзамен длится примерно минут сорок — час. Экзаменатор с вами просто не будет разговаривать, если вы не выложите перед ним гору общих тетрадей с конспектами. Вообще, преподаватель читает пять-шесть общих

лекций и дает список рекомендуемой литературы, а далее начинается самостоятельная работа студента. Надо сказать, студенты очень много работают самостоятельно, когда ни зайдешь в библиотеку — зал набит до отказа. Причем если не сдал экзамен, то идешь снова в кассу семинарии и платишь вторично за экзамен, и так, пока не сдашь. Протестантская система предполагает инициативу, колоссальный самостоятельный труд и умение самостоятельно распоряжаться своими деньгами, временем, выбором своих знакомств. Там незаметно, но очень строго смотрят на то, с кем вы дружите, и кто ваши знакомые, и кого вы приглашаете к себе в гости. Вот так, вкратце, обстоит дело с образованием в лютеранской школе, но это еще не все. Срок обучения пять лет. После этого два года идет так называемый викариат, там викарий — заместитель священника. Этому викария прикрепляют на два года к какому-нибудь заслуженному, маститому пастору, пользующемуся большим авторитетом, и он у него два года в стажировке, но при этом система образования о викарии не забывает и каждый месяц этот человек приезжает в семинарию и отчитывается. Например, у него было задание: посетить женщину, умирающую от рака, и провести с ней пастырскую беседу. Этот викарий провел пастырскую беседу, а через месяц он и подобные ему викарии съезжаются на семинар в семинарию. И там идет разбор: «А почему вы задали такой-то вопрос, охарактеризуйте, пожалуйста. Вот женщина семидесяти двух лет, рак печени, метастазы в мозг. Почему вы задали ей такой вопрос, у нее же метастазы в мозг, она не сможет ответить на такой вопрос, вопрос слишком тяжело задан». И разбирается каждый из этих случаев, разбирается всеми в присутствии профессоров. И вот так еще два года.

— То есть сначала теория, а потом — практика?

— Да. Этот викариат длится два года, и только потом уже начинается самостоятельная деятельность.

Католическая семинария — противоположность. Подъем в основном в 6.30, в 7 часов утра все на ежедневной мессе (присутствие обязательно), потом — испытание совести. В малочисленных семинариях — ежедневная исповедь, в многочисленных — два раза в неделю. Например, в католической семинарии Санкт-Петербурга 6-7 духовников на 40 студентов. Далее завтрак и в 9 часов — занятия. С 9 часов, когда начинаются занятия, семинаристам разрешается разговаривать друг с другом, до этого времени разговаривать друг с другом им запрещается. Занятия продолжаются до обеда, после обеда — физическая работа или же занятия спортом, с 5 часов начинается вечерняя самоподготовка и запрет на разговор до следующего дня. Также

выделяется час для размышлений на заданную тему. В самых либеральных семинариях в город выпускают раз в неделю на два часа, в обычных семинариях — один раз в две недели. Если человек просится чаще, придумывая различные предлоги, то он попадает в список неблагонадежных. Слежка за студентами страшная.

В этих семинариях существует целая система посвящений. У нас посвящают во чтеца, потом в иподиакона, в диакона. Посвящений у них гораздо больше, человек постепенно приучается к целибатству и к безусловному подчинению своему священноначалию. Там очень развит фанатизм каноники, дисциплины. Человек, окончивший за пять лет католическую семинарию, становится офицером армии Ватикана, абсолютно преданным папе, своей Церкви и безоговорочно выполняющим все послушания. У них очень сильно духовничество, и властью духовника они держат свое духовенство. Для епархиального священства исповедь проводится у них раз в месяц, а у нас — два раза в году.

А теперь сравните то, что мы имеем в наших школах, и вы убедитесь, что имеем мы, к сожалению, сочетание худших сторон этих школ. Протестантская школа готовит человека инициативного, но за его счет, католическая — бесплатно, но воспитывает офицеров армии Ватикана, а у нас — страшная дороговизна образования и крайне малая эффективность и низкая рентабельность. Каноническое сознание отсутствует почти полностью, это видно из того, как легко уходят в расколы.

Поэтому я считаю, что надо пересматривать не только учебные программы, но и быт, и распорядок дня.

— Владыка, скажите, пожалуйста, на какой научный потенциал Вы рассчитываете при проведении реформы: на преподавательские силы, которые уже имеются, или надежды возлагаются на новое поколение? За счет кого будет осуществляться новая реформа?

— Реформа — процесс длительный, и поэтому надо опираться на то, что есть.

— Наверное, будут вноситься изменения во внутренний процесс образования: время на изучение одних дисциплин сократится, на изучение других — увеличится?

— Дискуссия по этому поводу была колоссальная. Предпочтение было отдано изучению языков — и древних, и новых. Но сам я не согласен с этим мнением. Я считаю, что акцент надо было сделать на патрологию, канонику и догматику.

— А как Вы думаете, необходима ли специализация в Академии?

— Считаю, что да. В семинарии должно даваться общее образование для всех, а в Академии уже специализация. Созданы такие специальности: библейская, церковно-практическая, церковно-историческая и богословская.

Все наши лучшие преобразования могут пойти насмарку, если они не получат общецерковной поддержки, если предпочтение архиереи будут отдавать людям без образования, если в Церкви не будет цениться образование. Тогда просто никто не пойдет в Академию.

— Позвольте задать Вам вопрос как ректору Санкт-Петербургской Академии. В настоящее время имеет место некоторая отчужденность между Московскими и Санкт-Петербургскими Духовными школами. Намерены ли Вы как-то изменить эту ситуацию, то есть наладить обмен между преподавателями и студентами?

— Да, отчужденность сложилась, и она заметна. Мы с владыкой Евгением прилагаем все усилия для того, чтобы школы сошлись, не теряя при этом своего лица. Мы обмениваемся диссертациями, чего раньше не было, ездим на заседания Учебного комитета в Москву, принимаем очень активное участие во всех мероприятиях. Это крайне необходимо, так как в России осталось всего две Академии.

— Владыка, хотелось бы узнать Ваше мнение относительно изменений в дисциплинарно-воспитательной системе Духовных школ. Какая система, на Ваш взгляд, наиболее эффективна?

— Я уже говорил на эту тему и еще раз хочу подчеркнуть, что существующая система воспитания малоэффективна, и жизнь Церкви в критический момент это показывает. Думаю, что в первую очередь нужно реформировать именно систему воспитания, хотя это гораздо сложнее, чем просто перераспределить часы на предметы.

— Какими же Вам видятся пути решения этой проблемы?

— Это надо продискутировать. У меня на этот счет готовой концепции нет. Но считаю, что система воспитания в семинарии должна быть гораздо жестче, чем она есть сейчас, а в Академии гораздо свободнее, но в Академии надо сделать больше семинаров и вообще перейти на систему обзорных лекций и семинаров. Студентов Академии надо приучать к самостоятельной работе максимально и ужесточить сдачу экзаменов по примеру евангелических школ. А в семинарии — ограничить выход в

город и побольше заниматься духовными упражнениями. Реформа, в первую очередь, должна быть направлена на увеличение эффективности образования, чтобы пастырь был более инициативен, чем сейчас, чтобы он не боялся идти в полемику, дискуссию, диспут ни с католическим ксендзом, ни с протестантским пастором, чтобы он был абсолютно предан Русской Православной Церкви.

— Владыка, какова Ваша точка зрения относительно возможности для студентов наших Духовных школ получать образование в зарубежных учебных заведениях?

— Этот вопрос открытый. Я, например, как ректор боюсь посылать студентов в католические учебные заведения. Как правило, к стыду признаться, почти все, кто там проучился, становятся романофилами. Гораздо безопаснее посылать учиться в хорошее, престижное англиканское или лютеранское заведение, но только на какой-нибудь спецкурс, для конкретной узкой специализации. Если же вообще учиться, то только в Греции на богословских факультетах.

— Ваше Преосвященство, какие пожелания Вы хотели бы высказать студентам Московских Духовных школ?

— Не теряйте времени. Запомните, что школа дает всем одинаково, а от вас зависит персонально, как и что взять от школы. Православие в своей духовной жизни, в своем богословии предполагает главную идею — синергизм, то есть взаимодействие двух волей, человеческой и Божественной, на всех уровнях. То же самое и здесь, если вы будете относиться активно к этому процессу и творчески подходить к учебе, то сможете взять из Академии настолько много, что вы — выпускники Московской Духовной Академии — не будете чувствовать ни малейшего комплекса неполноценности при полемике с любыми западными богословами. То, что дала Московская школа, мне вполне хватало для участия в богословских диалогах и с католиками, и с протестантами. Школа наша неимоверно богата, но студенты наши, в силу вышеизложенных причин, не берут из этой школы. Поэтому я хочу им пожелать, чтобы они больше работали самостоятельно и учились подчиняться священноначалию. Это очень важно...

*С епископом Константином беседовали
Дмитрий Моисеев, 1 курс МДА,
и Евгений Сиротенко, 3 класс МДС*

Новый Учебный план семинарии

Предмет	Количество часов в неделю по курсам				
	I	II	III	IV	V
1. Библейская история	6				
2. Св. Писание Ветхого Завета		4	4	2	
3. Св. Писание Нового Завета		4	4	2	
4. Катехизис	4				
5. Догматическое богословие		6	4		
6. Патрология					6
7. Нравственное богословие				4	
8. Основное богословие	4				
9. Апологетика					4
10. Сравнительное богословие			2	2	
11. Богосл. Устав и Литургика	4	4	4	2	
12. Гомилетика			2	2	
13. Церковное право				4	
14. Общая Церковная история	4	4			
15. Византология			4		
16. История Поместных Православных Церквей				4	
17. История Русской Церкви			6	4	4
18. История России				2	2
19. Практическое руководство для пастырей					2
20. Сектоведение				4	
21. Церковное пение	4	2			
22. Церковное искусство		2	2		
23. Введение в философию	2				
24. История философии		2	2		
25. Церковнославянский язык	4	4			
26. Миссиология					2
27. История религий	2		2		
28. Пастырское богословие				2	
29. Стилистика	2				
30. Риторика		2			
31. Педагогика и психология		2			
32. Иностранный язык новый	4	x	x	x	x
33. Древнегреческий язык			4	x	x
34. Латинский язык		4	x	x	x
35. История русской религиозной философии				2	
36. Экономика прихода					2
Итого:	40	40	40	40	20

x — изучение языков факультативно

По благословению Преосвященнейшего Евгения, Ректора МДАиС, мы публикуем новый Учебный план Духовной семинарии, утвержденный Священным Синодом РПЦ. В МДС он будет введен в действие с 1998/99 учебного года.

Поступившие в новом учебном году на первый курс Московской Духовной Семинарии будут учиться по пятилетней программе. Предполагается существенно изменить и саму методику преподавания — имеющая место в семинарии школьная система будет заменена лекционно-зачетной, принятой в светских вузах, а также появится практика проведения семинаров. В связи с увеличением срока обучения, в программе семинарии появятся новые предметы, в том числе и из преподаваемых в настоящее время в Духовной Академии. Среди последних — Апологетика, Византология, История поместных православных Церквей, История философии и История русской религиозной философии. В целом, основа прежнего учебного плана будет сохранена, однако нельзя не заметить, что преподавание станет более концентрированным. Догматическое, Нравственное, Основное богословие, Патрология, Общая Церковная История, История Русской Церкви, а также Церковное пение будут преподаваться на протяжении меньшего количества лет, но в то же время количество часов в неделю, отведенных на эти предметы, будет увеличено. К примеру, Догматическое богословие станет преобладающим предметом на 2 курсе (6 часов в неделю), История Русской Церкви — на 3-м, Патрология — на последнем, 5-ом курсе (также по 6 часов). Более углубленным станет изучение философии, которая будет преподаваться с 1-го по 4-ый курс семинарии.

Заметный сдвиг произойдет в изучении языков. Во-первых, само преподавание будет начинаться раньше: Новых (европейских) языков — на 1-м, Латинского — на 2-м, Древнегреческого — на 3-м курсе, а во-вторых, проявившие способности и любовь к языкам смогут заниматься ими факультативно до выпускного курса включительно и, таким образом, достойно подготовятся к богословским занятиям в Академии. Получение семинарского образования отныне будет увенчиваться написанием дипломной работы, в связи с чем учебная нагрузка 5-го курса по новому Учебному плану сокращена вдвое. Немногие предметы, которые все же войдут в программу выпускного года, преследуют цель непосредственной подготовки учащихся к священническому служению. Это Экономика прихода, Практическое руководство для пастырей, Миссиология, Апологетика и последние периоды Истории РПЦ и России. Центральным же предметом выпускного курса станет Патрология, прилежное изучение которой позволит будущим пастырям в сложных обстоятельствах своего служения почерпнуть из сокровищницы святоотеческих писаний духовную мудрость.

Остается выразить надежду на то, что введение нового учебного плана пройдет успешно, и Духовная семинария в самом ближайшем будущем сможет давать своим воспитанникам высшее богословское образование.

Станет ли Духовная Академия греко-латинской?

Сейчас, наверное, уже вряд ли кто станет сомневаться в том, что нынешнее состояние духовного образования не вполне соответствует тем высоким задачам, осуществления которых ждут от выпускников Духовной Академии. Задачи эти, действительно, высоки и труднодостижимы: ведь если лозунг "все на борьбу с духовной безграмотностью" хорош для слушателей катехизаторских курсов, то выпускники Академии — академики — призваны, по идее, развивать богословскую науку и тем самым повышать уровень образования прежде всего в Духовных школах.

Но если все — или по крайней мере многие — сходятся в том, что духовное образование, как и все в нашей стране, переживает кризис, то отнюдь не многие готовы предложить какие-то реальные пути выхода из сложившейся ситуации.

Как сделать образовательный процесс наиболее эффективным, на чем нужно акцентировать внимание в духовном образовании, как направить в нужное русло богословскую мысль?

— Свою позицию по этим вопросам предлагает заведующий Греко-латинским кабинетом, кандидат филологических наук

Ю. А. Шичалин

Исходя из того, что православная среда в России существенно расширяется и в этом смысле только еще создается, о православном образовании на самых разных уровнях и в свете совершенно новых возможностей работы можно покамест говорить гораздо в большей степени как о перспективе, нежели как о реальности. С этой точки зрения грядущая реформа Духовных школ Москвы и Петербурга, а также изменение учебных программ Московских Духовных Академии и Семинарии, суть чрезвычайно показательные и важные моменты современной духовной жизни России.

Не обладая компетенцией для того, чтобы судить о программах в целом, считаю необходимым сделать несколько замечаний о роли в образовании учащихся Духовных школ древнегреческого и латинского языков, курсы которых существенно расширены и в Академии, и в семинарии.

1. Греческий и латынь суть языки неразделенной Христианской Церкви. Мы все это знаем, когда слышим данную констатацию. Но если самих православных спросить о причинах необходимости изучения греческого и латыни в наших Духовных школах, то даже у тех, кто признает эту необходимость, едва ли первым прозвучит именно такой ответ: необходимо потому, что греческий и латынь суть языки неразделенной Церкви. Чаще всего говорят либо об общей культуре, либо о филологическом аспекте, либо об известной традиции полноценного образования (классического), которая сегодня еще не потеряла своего значения, хотя и не может более считаться ведущей.

Мы редко задумываемся о том, что эти ответы являются данью привычному со времен европейского возрождения стереотипу атеистического сознания, которое стремилось именно в качестве обязательного элемента общей культуры развить культ древних греков и

римлян (=язычников) в противовес "варварским" (=христианским) средним векам. Еще в XIX веке стремление вернуться к грекам было одним из лозунгов секуляризованной, нецерковной и прямо атеистической культуры¹. Политика, педагогика, наука и искусство Европы с одинаковым рвением ангажировали языческую античность, чтобы с ее помощью осмыслить самих себя, свое происхождение, свое место и роль в том мире, где "христианский Бог" утратил свою власть над сущим и предназначением человека². Но сегодня не приходится питать иллюзий относительно возможностей и перспектив классического образования в его секуляризованном варианте. Поэтому сохраненная Православием непосредственная связь со святоотеческой традицией осмысляет изучение двух древних языков именно и только как языков неразделенной Церкви.

Точно также, говоря о филологическом аспекте, мы забываем, что филология существовала уже в V в. до Р.Х., и что с тех пор она всегда служила толкованию совершенно определенных — авторитетных — текстов. Совершенно самостоятельной и изолированной

наукой филология стремится стать не раньше конца XVIII века, а окончательно эмансипируется под влиянием лингвистики, которая поначалу противопоставляла себя классической филологии, еще хранившей прикрепленность к определенным — преимущественно классическим — текстам дохристианской античности.

Однако развитие даже вполне светской классической филологии неизбежно шло к освоению огромного корпуса текстов поздней античности и средних веков. Решительное развитие историко-филологических штудий, посвященных как западному средневековью, так и византистике, привело среди прочего к появлению знаменитых серийных изданий святоотеческих текстов (достаточно вспомнить в прошлом веке Патрологию Миня, а в этом — Sources Chretiennes). Таким образом, это смещение акцентов современных историко-филологических штудий также, в конечном счете, с необходимостью приводит нас к тому же, к чему мы приходим просто в результате понимания необходимости изучения греческого и латыни как двух языков неразделенной Церкви. Не пытаясь изобретать велосипед и вечно соревноваться с Западом в технике (в данном случае — филологической и издательской), мы тем не менее не можем остаться в стороне от общецерковного освоения святоотеческого наследия, что невозможно без соответствующего духовного образования.

Наконец, отсюда же ясно и то, что об устарелости традиции обязательного изучения древних языков для полноценного образования может говорить только тот, кто целиком принимает современную систему прагматически ориентированного светского образования и для кого наша жизненная связь со святоотеческой традицией — не более, чем пустой звук.

2. Латинский язык как более простой, рационалистически

выверенный и в самом своем развитии ориентированный на греческий, является обязательной пропедевтикой к изучению греческого.

Насколько само существование латинской традиции немислимо без греческой, настолько изучение латинского языка является необходимой пропедевтикой к изучению греческого. В чисто формальном плане латинский язык гораздо более подходит для предварительных упражнений в понимании морфологии, начал анализа синтаксиса, приобретения навыков чтения связного текста и самой этой специфической работы над сложными текстами, написанными на языке, который в значительной степени разработал школьную и научную традицию Европы и в то же время сам явился разработкой более органичной и длительной греческой традиции.

Это чисто формальное соотношение греческой и латинской традиций неизбежно сказывается и на содержательной стороне дела. Латинская традиция как более элементарная и зависимая испытывает периодические периоды подъема благодаря обращению к греческой: переводчик Плотина и Порфирия Марий Викторин раскрыл интеллектуальный горизонт блаженного Августина; переводчик Платона и Аристотеля и их толкователей Боэций задал парадигму для всего раннего Средневековья; корпус сочинений Дионисия и его толкователь св. Максим Исповедник привили неразвитой латинской традиции вкус к глубинам восточного богословия, о чем судим по Эриугене, который, однако, в силу неразвитости латинского Запада невольно подчеркивает и развивает рассудочную сторону философствования. Без Платона, Аристотеля, неоплатоников и того же Дионисия немислимы Сен-Викторская и Шартрская школы, Парижский университет и вся высокая схоластика.

¹ Это стремление было с гипертрофированной отчетливостью выражено Ницше: "Мы снова приближаемся теперь ко всем основным формам того миротолкования, которое избрал греческий дух в лице Анаксимандра, Гераклита, Парменида, Эмпедокла, Демокрита, и Анаксасгора; мы становимся с каждым днем все более и более греками, вначале, конечно, в понятиях и оценках словно грецизирующие призраки, но в надежде когда-нибудь сделаться греками и телом!" (Ф. Ницше. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. 1884-1888. Под ред. Г. Рачинского и Я. Бермана. М., 1910. С. 179-180). На сей день, я думаю, едва ли кто разделит эти восторги и упования Ницше.

² М.Хайдеггер. Европейский нигилизм. Пять главных рубрик в мысли Ницше. — Цитирую в переводе В.В.Бибихина по изданию: М.Хайдеггер, Время и бытие. М., 1993. С. 64.

Наконец, итальянское Возрождение было только на первых порах возрождением классического Рима: уже в конце XV века духовное преобладание греков было очевидно несмотря на падение Константинополя и явное смещение культурного центра Европы на Запад. При этом уже кардинал Виссарион понимал также особую и самостоятельную роль России, выступившей духовной наследницей Византии, но в плане технического освоения ее наследия традиционно уступавшей Западу.

В значительной степени развитие и наших Духовных школ было связано с западным (латинским) влиянием. Поэтому для нас изучение латыни является, помимо всего прочего, своего рода моральным долгом и в то же время средством сохранения самоидентичности, поскольку в течение определенного времени, как известно, латынь была единственным языком нашего богословия, о котором теперь и пойдет речь.

3. Развитие богословия сегодня немыслимо без непосредственного обращения к святоотеческой традиции, что невозможно без хорошего владения дренными языками. Это утверждение — как и два предыдущих — банально. Но молчать о правильных, хотя и банальных вещах можно только в одном случае: когда есть уверенность, что то, о чем идет речь, не только действительно известно всем, но и реализовано на практике. Можем ли мы сказать, что в данном случае это так?

Когда мы читаем у прот. Георгия Флоровского: "...теперь отказ от "греческого наследства" может означать только церковное самоубийство... Свою независимость от западных влияний Православное богословие сможет осознать только чрез духовное возвращение к отеческим истокам и основаниям... Отеческий опыт надлежит не только сохранять, но и раскрывать — из этого опыта

исходить в жизнь..."³ — так вот, что мы можем сказать, читая это?

Изменилось ли что принципиально в православной традиции с тех пор, как была написана только что цитированная последняя глава "Путей русского богословия"? Не то же ли самое мы должны констатировать через шестьдесят с лишним лет после того, как о. Георгий написал и следующие известные строки: "Православный богослов и до сих пор слишком зависит в своей собственной созидательной работе от западной поддержки. Свои первоисточники он получает именно из западных рук, читает отцов и сборные деяния в западных и часто примерных изданиях, и в западной школе учится методам и технике обращения с собранным материалом. И прошлое нашей Церкви мы знаем всего больше благодаря подвигу многих поколений западных исследователей и ученых. Это касается и собирания, и толкования фактов. Важна уже самая эта постоянная обращенность западного сознания к церковно-исторической действительности, эта встревоженность исторической совести, эта неотступная и настойчивая задумчивость над христианскими первоисточниками. Западная мысль всегда живет и в этом прошлом, такой напряженностью исторических припоминаний точно возмещающая болезненные изъяны своей мистической памяти. В этот мир православный богослов тоже должен принести свое свидетельство, свидетельство от внутренней памяти Церкви, чтобы сомкнуть его с историческим разысканием... Только эта внутренняя память Церкви оживает вполне молчаливые свидетельства текстов..."⁴

Ответ на вопрос "изменилось ли что?" может, конечно, звучать по-разному. Но мы, безусловно,

должны согласиться с о. Георгием в одном: "В мире нет больше ничего "нейтрального", уже нет больше простых обыденных вещей или вопросов... воистину каждый вопрос знания и жизни должен иметь и получать христианский ответ, должен быть включен в синтетическую ткань и полноту исповедания"⁵. К числу таких вопросов относится и один из тех многих конкретных вопросов, которые встанут в связи с изменением программ Духовных школ: как всерьез и реально продвинуть вперед и развить изучение греческого и латыни в семинарии и Академии при невозможности (и при отсутствии необходимости) обучить им сразу всех учащихся?

Представляется, что программа изучения древних языков, принятая Московской Духовной Семинарией и предполагающая отбор учащихся после общего обязательного годичного курса того и другого языка в специальные продвинутые группы, может дать хорошие результаты. Речь, по существу, пойдет о тех, кто в будущем намерен специально заниматься богословием, ради чего и собирается поступить в Академию: это окажется невозможным для тех, кто по окончании общего курса не захотел заниматься греческим и латынью, а также новыми языками.

Некоторый акцент на языках приходится делать не потому, что суть реформы состоит в некоей "филологизации" духовного образования. Речь идет о том, чтобы с равным успехом читать как отцов Церкви, так и уже существующие толкования к ним, что и было свойственно многим выпускникам Академии до Октябрьского переворота. Самостоятельное богословствование сможет таким образом получить для себя основательную базу, а практическая польза усвоенных вводных курсов несомненно обнаружится при изучении всех других дисциплин.

³ Прот. Георгий Флоровский. Пути русского богословия, Париж, 1937, 1983. С. 512–513.

⁴ Там же. С. 515–516.

⁵ Там же. С. 516.

Ситуация, которая в настоящее время сложилась в деле практического освоения святоотеческих текстов, непроста и требует, как кажется, участия и внимания церковной науки. Это явствует, в частности, из нижеприведенных замечаний, сделанных Юрием Анатольевичем Шичалиным по поводу недавно вышедшего в Санкт-Петербурге перевода творений священномученика Дионисия Ареопагита, подготовленного доктором филологических наук Г. М. Прохоровым.

“Суд “Ареопаг” находился вне города и был назван так, баснословят афиняне, от происходившего именно на этом холме спора между Посейдоном и Арием о границах города. Ибо согласно древним мифам афинян, на этом месте Посейдон обвинил Ария в том, что тот убил собственного сына Алирротиона. И отсюда, по имени Ария, скала была названа Ариевой...”

Св. Максим, написавший *Πρόλογος εἰς τὰ τοῦ ἁγίου Διονυσίου*, разумеется, знал, что Ареопаг — это холм Ареса, или Арея, бога войны у греков (римского Марса); ему, разумеется, было известно, что убитый Аресом Галирротий (или Алиррофий, или даже Галиррофий “Мифов народов мира”), был сыном не Ареса, а Посейдона, в связи с чем и возник означенный “арианский спор”.

Я думаю, данный миф знают и многие читатели перевода этого пролога на русский язык в книге: Дионисий Ареопагит. О божественных именах. О мистическом богословии. (Тексты, перевод с древнегреческого. Издание подготовил д. ф. н. Г. М. Прохоров. СПб, “Глагол”, 1994. С. 3). Я думаю, это в конечном счете знают и те, кто готовил названное издание. Поэтому данную грубую ошибку на первой странице перевода, конечно, следует считать досадной мелочью, разумеется, не имеющей отношения к богословским и философским глубинам текста.

Но тем не менее эта ошибка сразу заставляет с осторожностью относиться к изданию в целом, и даже беглое сопоставление перевода с приводимым оригиналом заставляет задаться вопросом: хорошо ли, когда перевод одного из авторитетнейших текстов святоотеческой традиции оказывается пробой пера для одного или нескольких любителей, явно не начитанных ни в патристических, ни в позднеплатонических текстах и просто плохо владеющих как греческим, так и элементарной техникой перевода?

Менее всего стремясь писать критики, приведу несколько примеров толь-

ко тех ошибок, которые буквально бросаются в глаза.

Пифагореец Нумений — фигура достаточно заметная и во всяком случае хорошо известная всякому, хотя бы немного знакомому с поздним платонизмом, — оказался (на с. 9) Нумением Пифагорийским (вроде Фанагорийского гренадерского полка?).

Конечно, в принципе в прошлом веке могло быть употреблено деепричастие от глагола “петь” “поя” (или “поючи”); но современный русский язык (регулярно использующий форму “поющий” от “поить”) такой формы не принимает: поэтому “...по смерти/ Живопремудрою речью поя богославные гимны” (то есть “речью поя гимны”, с. 10), — доморощенная поэзия.

Стихи, видимо, вообще переводчику не даются. Текст, название которого переведено как *Мистическое богословие (Таинственное богословие? Мистическая теология?)* предваряется в греческом оригинале гексаметрическим двуступишем, которое по-русски воспроизводится так: “И блистающий ум ты оставил, и знание сущих/ Ночи ради бессмертной, которой нельзя называть”. В первом стихе можно закрыть глаза на первый “И”, которому приходится быть ударным, но второй стих, с позволения переводчика — не гексаметр.

Часто речь идет просто о невнимательности, потому что когда в греческом тексте читаем *Τοῦ Λόγου δηλονότι*, перевод “То есть Сыну” нельзя назвать совсем неверным, но и принять нельзя (с. 48–49). Но невнимательностью объясняется далеко не все.

Οὐδένα τῶν ἐν τοῖς θείοις λογίοις ἀδιαστρόφοις ἐννοίαις ἐντεθραμμένων нельзя перевести “никто из тех, кто вскормлен неразвращенными мыслями божественных речений” (там же), во-первых, потому, что мысли божественных речений не нуждаются в эпитете “неразвращенные”; во-вторых, потому, что речь идет о тех, “чьи неразвращенные мысли вскормлены божественными речениями” (если использовать лексику переводчика), или совсем буквально: “кто в своих несовершенных помыслах воспитан на божествен-

ных речениях”⁶. С этим последним согласуется и замечание св. Максима Исповедника: “Хорошо сказано “несовращенных”, поскольку и еретики читают Писания и воспитываются на них, и тем не менее совращаются [т.е. впадают в ересь]” (а не “развращают себя”, как у переводчика).

Когда переводчик *τὰς θείας ἐκφαντορίας* передает вполне банальными “божественными изъяснениями” (с. 50 и множество других мест), то непонятно, в каком смысле “изъяснения” служат мерилем истины; непонятно, как эти “изъяснения” получают те, кто “устремляется к божественным сияниям”; наконец, непонятно, почему св. Максим Исповедник считает нужным обратить внимание на это слово и специально пояснить его. И действительно, *ἐκφαντορία, ἐκφαντορικὸς, κτλ.* отнюдь не обычные слова: они связаны с весьма специфической терминологией афинских неоплатоников и специально служили для обозначения сферы божественного откровения. Поэтому и *ἐκφάντορες* (на с. 20) никак не “изъяснители”, потому что они не “разъясняют”, а “приоткрывают в символах” (*συμβολικῶς ἐκφάνοντες*) неизреченное существо таинств, то есть как раз то, что не может быть разъяснено речью.

Кстати сказать, данная мысль совершенно последовательно проводится по всему трактату, что находит соответствующие отклики в комментариях св. Максима. Например, св. Максим подчеркивает (с. 24, прим. 36), что относящееся к богословию или к домостроительству (в переводе — “промыслу”) животворящего Бога божественные апостолы передавали сокровенно и — словно в таинствах (то есть в виде неких полных скрытого смысла, онтологически наполненных, символических обрядов; в переводе —

⁶ Я несколько не претендую на окончательные в терминологическом и стилистическом смысле варианты перевода и стремлюсь только к тому, чтобы по-русски не пропал смысл, наличный в греческом тексте.

“тайновидно”) приоткрывали совершенным (то есть тем, кто приобщен к таинствам и кому поэтою ясен символический смысл священнодействий). Завершает это пояснение следующая фраза переводчика: св. ап. Павел “и Тимофею также пишет, чтобы он передавал в тайне то, что здесь было сказано с пояснениями (ср. 2 Тим. 2, 2)”.

Я затрудняюсь истолковать смысл данного русского перевода, тогда как греческий текст ясен. Св. Максим дает и пояснение тексту: ὅσα... ἡ... κρυφία παράδοσις ἐκφαντορικῶς ἡμῖν ἐδωρήσατο (“все то, что в откровении даровало нам тайное предание”); подчеркивая, что этот пассаж опирается на апостольское предание, св. Максим ссылается на св. ап. Павла, который в *Послании к Фессалоникийцам* говорит, что они должны хранить то, чему были научены или словом, или посланием нашим (2 Фес. 2, 15); καὶ Τιμοθέῳ πάλιν παραθήκην λέγων δεδωκέναι ὅπερ ἐν ταῦθα ἐκφαντορικῶς εἴρηται (“и в *Послании к Тимофею*, говоря, что дал ему залог “в тайнстве”, о чем в нашем тексте [ср. в комментируемом тексте Дионисия] сказано “в откровении””).

Переводчик, как мы видели, ссылается в этом месте на 2 Тим. 2, 2. Этот текст св. ап. Павла (ταῦτα παράθου πιστοῖς ἀνθρώποις) поясняет замечание св. Максима о том, что апостолы открывали учение совершенным (ἀποκαλύπτοντες τοῖς τελείοις); текст 2 Тим. 1, 14 (τὴν καλὴν παραθήκην φύλαξον κτλ.) поясняет παραθήκην в тексте св. Максима; а ἐν μυστηρίῳ отсылает к 1 Тим. 3, 16, где после знаменитого определения Церкви Бога живаго как столпа и утверждения истины (15) св. ап. Павел открывает Тимофею “тайну благочестия” (τὸ τῆς εὐσεβείας μυστήριον).

Вот еще один типичный пример обтекаемого и по существу неверного перевода простой и совершенно определенной фразы. Σαφῶς ἐκ τούτων ἐστι λαβεῖν τὴν Ἀρείου καὶ Εὐνομίου μανίαν, οἱ καὶ τεχνολογεῖν τὴν ἄρρητον καὶ ὑπερούσιον οὐσίαν τοῦ Μονογενοῦς ἐθαύρησαν. — “Тут, конечно же, надо вспомнить безумие Ария и Евномия, посмевавших обсуждать неизреченную и сверхсущественную сущность Единородного” (с. 18, прим. 20). Создается впечатление, что св. Максим вроде как прикрикивает: “не смей обсуждать!” Но речь идет о другом: Дионисий говорит, что тайна Богочалия превышает ум, в связи с чем св. Максим замечает: “На основании этого можно

ясно постичь безумие Ария и Евномия, поскольку они дерзнули подчинять правилам [ср. логического искусства] несказанную и пресходящую бытие сущность Единородного”.

Еще один пример, показывающий, что переводчик видит текст не дальше, чем в пределах одного предложения (когда видит хотя бы одно). На с. 153 читаем правильный перевод: “А то, что отчасти благо, отчасти же не благо, борется (μάχεται) с неким благом, но не с Добром в целом”. Далее по-гречески: κρατεῖται δὲ καὶ αὐτὸ τῆ τοῦ ἀγαθοῦ μετουσίᾳ καὶ οὐσίῳι καὶ τὴν ἑαυτοῦ στερῆσιν τὸ ἀγαθὸν τῆ ὁλως αὐτοῦ μεθέξει, что означает: “Но благодаря участию в благе осиливается и оно [ср. это самое частичное зло], так что благо наделяет бытием даже самое лишенность себя благодаря ее причастности себе как таковому”. Вместо этого читаем: “И таковое сохраняется благодаря причастности к Добру и осуществляет и свою недостаточность своим причастием к Добру вообще”.

Св. Максим объясняет это выражение “наделяет бытием... благодаря причастности” (καὶ οὐσίῳι... μεθέξει), непосредственно продолжая его: ὅτι τῆ μερικῆ τοῦ ἀγαθοῦ μεθέξει καὶ ἡ στερῆσις αὐτοῦ οὐσίῳιται (“потому что благодаря частичной причастности благу даже лишенность его наделяется бытием”); вместо этого читаем: “Заметь, что частичным причастием Добру становится и его лишение”. Само по себе это, может быть, и стоит взять на заметку, но не как перевод данного греческого текста.

В самом начале ΠΕΡΙ ΜΥΣΤΙΚΗΣ ΘΕΟΛΟΓΙΑΣ “Ἐμοὶ μὲν οὖν ταῦτα ἤχθω. Σὺ δὲ κτλ. (“Такою пусть будет моя молитва; а ты...”) переведено (с. 341): “Молюсь, чтобы было мне так. Ты же...” (однако ἐμοὶ — dat. auctoris).

Там же читаем замечание св. Максима: Πῶς δὲ ἀγνώστως ἀνατείνεται τις πρὸς Θεόν, καὶ ἐν τῷ Περὶ θεῶν ὀνομάτων κεφαλαίῳ πεμπτῷ εἴρηται, καὶ ἐν ταῦθα μετὰ βραχέα εὐρήσεις, которое переводится так: “А о том, как неведомым образом устремляться к Богу, и в пятой главе книги “О божественных именах” говорится, и здесь немного найдешь” (с. 341). Между тем перевод таков: “Как подняться к Богу в незнании, сказано и в пятой главе *Божественных имен*, и в этом сочинении — немного дальше” (имеется в виду третий параграф той же первой главы, с. 346–347).

Я привел эти примеры только для того, чтобы с их помощью легче уяснить нынешнюю ситуацию в области освоения святоотеческого наследия.

Известно, что теперь переиздается множество старых переводов из Отцов Церкви и появляется множество новых. Переводят кто во что горазд, тем более что общеинтеллигентский интерес к Византии в 60-е—70-е годы стал в 80-е активно распространяться и на патристику. В этой специализации интереса как в таковой нет, разумеется, ничего худого. Но поскольку при этом нельзя сказать, что сегодня у нас развита воспитанная в церковной ограде наша собственная православная традиция перевода святоотеческих текстов, а тем более их издания на языке оригинала⁷, — мы неизбежно столкнемся здесь в лучшем случае с благими намерениями.

Известно, куда они могут привести. Ближайший пример — знаменитые бессмысленные порывы срочно завести новые русские переводы богослужебных текстов. Но и в данном случае, и в случае систематического освоения святоотеческой литературы речь должна идти не о личной прихоти, а об осознании той сверхличной задачи, которая либо стоит сегодня перед нашей Православной Церковью как таковой, либо Церковью отвергается.

И когда речь идет о переводе богослужебных текстов на русский язык, прежде всего важно уяснить, действительно ли нашей Церкви необходима “облегченная” и “общедоступная”, так сказать, “русифицированная” служба. И вместо того, чтобы сознательно отсекал современную Россию от необозримого живоносного пласта ее духовной культуры, не лучше ли усовершенствовать самое систему начального православного образования? Что же касается систематической работы по освоению и переводу святоотеческого наследия, то здесь главная роль должна быть отведена высшим Духовным школам.

⁷ С этой точки зрения сама затея издать корпус сочинений Дионисия Ареопагита по-гречески вызывает безусловное сочувствие. Тот факт, что в указанном издании дан большой объем в целом читаемого греческого текста, — уже замечателен. Я не указывал на опечатки и ошибки в греческом тексте только потому, что при отсутствии необходимой практики и своей сформированной традиции множество ошибок — дело почти неизбежное, а научной ценности данный греческий текст не представляет.

Благороднейший митрополит

Святитель Филарет Московский в воспоминаниях иностранных путешественников

Из Оксфорда в Лавру

Для многих иностранных путешественников, приезжавших в XIX веке в Россию, Православие казалось логическим дополнением к той политической системе Российской империи, с которой они не всегда и не во всем готовы были согласиться. Многие путешественники, если и уделяли религии некоторое внимание, то направляли его, в основном, на то, чтобы показать мнимую недостаточность Православия по сравнению с теми или иными протестантскими конфессиями. Тем не менее была и другая позиция, представленная, в основном, деятелями, связанными с так называемым "высоким течением" в англиканстве, обращенным к традиции древней, неразделенной Церкви и к истокам нашей общехристианской истории...

История христианства в Британии во второй четверти XIX века являлась предметом многочисленных исследований, в том числе и на русском языке, и в них обоснованно глубокое внимание уделяется деяниям и фигурам так называемого Оксфордского, или Тракторианского движения. Это движение особо выделяло апостольскую традицию, эстетическую красоту богослужения и социальную миссию Церкви. Такие лидеры Оксфордского движения, как Кибл, Ньюмен, Пьюзи и их последователи, явились инициаторами высвобождения огромной интеллектуальной энергии. Результаты этого высвобождения видны и в беллетристических трудах, и в научных —

Автор выражает глубокую признательность Заведующему Славянским отделом Нью-Йоркской Публичной Библиотеки Эдварду Касинцу за помощь в подготовке настоящей работы.

например, в известной понине и очень значимой серии "Библиотека отцов", начатой в 1839 году, и в "Библиотеке Англо-Кафолической Теологии". Личное благочестие ранних тракторианцев также послужило толчком к возрождению монашества в Британии, что проявилось в создании целого ряда монашеских и миссионерских обществ в 30-е годы XIX века.

Один из деятелей этого направления А.П. Стенли утверждал, что митрополит Филарет "представляет хотя бы в некоторой мере воздействие широкой волны, которая порой в нашем сознании ассоциируется с Англией, исключительно даже с Оксфордом, или лишь с несколькими именами в Оксфорде, но которая в действительности прошла по всей Европе. Так же, как исполненный радостью уход от мирской жизни в "Вифании" характеризует для нас жизненный путь митрополита Пла-

тона, так суровое возрождение средневекового отшельничества в лесах Троицы под названием "Гефсимания" представляет нам аскетический облик и безмятежное лицо святителя-старца Филарета, который воплощал в России философию подвижничества, настолько близкую нам здесь в Англии, что нет нужды раскрывать ее здесь более подробно".

Возможно, самый известный и наиболее ранний момент контактов между представителями Оксфордского движения и Русского Православия состоит в посещении России деканом колледжа Магдалины Уильямом Пальмером в 1840 и 1841 годах. Пальмер известен большинству из нас по переписке с Хомяковым и по основательному труду, который он написал о Патриархе Никоне. Во время своего пребывания в России Пальмер пытался приобрести Святых Христовых Тайн в Православной Церкви на основе так называемой теории ветвей, согласно которой все направления христианства в совокупности являют невидимо Вселенскую Церковь.

В одном из своих писем (1840) он цитирует кронштадтского священника Фортунатова, в доме которого он поселился по прибытии в Санкт-Петербург. "Знать почти вся очень плоха. В Петербурге едва ли кто из высших классов соблюдает посты, в Москве же — очень многие, в сельских городах и в деревнях — почти все".

Первой на пути Пальмера была Троице-Сергиева Лавра и размещенная в ее стенах Московская Духовная Академия. Вот как он описывает ее состояние в 1840 году: "Мы посетили несколько исключительно аккуратных классных комнат, где 140 мальчиков из близлежащих городов

получали образование. Нам пояснили, что конфискация всех монастырских земель при Екатерине Второй везде дает себя знать. Даже здесь, в таком богатом месте. Во многих частях здания наблюдается упадок, который либо совсем упущен из виду, либо ввиду нехватки средств ремонтируется лишь отчасти. Там есть приют для сирот и больница. В Лавре 40 монахов в сане священников, 15 диаконов и в совокупности с послушниками их численность составляет сто сорок человек. В семинарии, или Академии, как она называется теперь, сто пятьдесят студентов; поделены они на две части. Младшие изучают философию, а старшие — богословие. Младшие также занимаются языками, многие знают немецкий. Многие читают, но не говорят по-французски, трое читают по-английски. Но курс английского прерван с тех пор, как возникла реакция против Библейских обществ¹.

Стенли в "русском Оксфорде"

После отказа Святейшего Синода удовлетворить настойчивые требования Пальмера об интеркоммунионе² англичане стали приезжать в Россию, как правило, в качестве просто сочувствующих Православия представителей близкой и сходной конфессии, каковой в прошлом веке англиканство и являлось. Одним из таких представителей был уже упомянутый ученый-богослов А.П. Стенли, совершивший две поездки в Россию. Первая состоялась летом 1857 года, лишь два года спустя после столкновения России и Великобритании в Крымской войне. Стенли посетил много мест в России в сопровождении Сергея Николаевича Урусова и Михаила, как он пишет, Сукатина, в действительности Сухотина. Одной из первых они посетили Свято-Троицкую Лавру, о которой Стенли пишет: "Мы встали в семь и сразу пошли к настоятелю, высокому, видному человеку лет 60-ти, по имени Антоний³". Он пока-

зал нам монастырь сам. Затем отдал распоряжение приготовить экипаж, запряженный лошадьми, чтобы показать нам более удаленные места, куда мы ехали около четырех миль. Он нагрузил меня подарками, книгами, картинами и так далее. Когда я поблагодарил его и выразил опасение, что опустошаю и граблю святыню, словно поляки, он меня горячо от всего сердца обнял". Вечером Стенли повели в Академию, где он вел продолжительную беседу с ректором и профессорами П.С. Казанским и А.В. Горским. Он вспоминает: "Вначале они попросили меня разъяснить устройство Оксфорда. Я сделал это, сравнивая с Троицкой Академией. Слушали очень внимательно. Я попросил профессора описать курс Церковной истории, а ректора — курс Пастырского богословия. Далее последовала длинная дискуссия об исповеди и иконах. А затем последовали вопросы в мой адрес о службах в дни поста. Мне нелегко было это делать на французском языке. Но в этом высоком стремлении к общению было что-то трогательное и очень мотивирующее. От горения этих людей и я загорелся тоже. А ведь никто из них никогда не покидал России⁴".

Когда шепот громче грома

Стенли также побывал на нескольких службах, которые совершал святитель Филарет. Наблюдения Стенли очень интересны, особенно в части, не касающейся эстетической красоты службы и облачения клириков, которые оцениваются им традиционно высоко. Вот первое впечатление, которое произвела служба святителя Филарета в Успенском соборе Московского Кремля: "Прозрачные черты его старческого лица как бы возвышались, воспаряли над всем внешним; его жесты проникнуты удивительной простотой: даже в том, как он расчесывал волосы и приглаживал бороду данным ему гребнем, ощущалась подлинная простота в сочетании с высоким благородством". По другому случаю Стенли видел святителя Филарета в качестве председателя на благодарственном молебне в честь первой годовщины коронации Государя Александра II.

Сослужили ему викарии, епископ Иннокентий (Попов-Вениаминов) и епископ Евгений (Казанцев). Стенли рассказывает: "Царило большое оживление, когда были сделаны последние приготовления и Филарет перешел к проповеди. Ни малейшего ропота по поводу неожиданного продления уже достаточно долгой службы не наблюдалось... Напротив, прошел шепот: "Сам митрополит произнесет проповедь". Все высокие особы наклонились вперед и прислушались, чтобы уловить каждое слово. Весь храм был исполнен тишиной. Там стоял пожилой человек в длинном белом облачении. Он почти не смотрел в текст, хотя тот лежал перед митрополитом. Сначала его голос был едва громче шепота, но затем возвысился, и несколько слов достигли моего слуха. Это было замечательное зрелище, которым могла гордиться Русская Церковь: сам Филарет в возрасте 76 лет, вызывающий всеобщее поклонение и удерживающий внимание церковного собрания, состоящего Таинствами, Евхаристией из многих сотен людей. Проповедь длилась около пятнадцати минут. По лицам окружающих меня и по жестам Филарета я мог судить, насколько это было потрясающее. Он описывал этот же день прошлого года: огромное великолепное собрание, летнее солнце, пронизывающее своими лучами окна собора; Император и Императрица, восседающие на троне, столь величественные в своем смирении. Вся служба была не чем иным, как преклонением высшей земной власти перед Господом Господствующих, перед святыней церковной, святыми. Но вдруг тон его изменился: "Но не думайте, что благодать коронации, как бы велика она ни была, достаточна, чтобы помочь Монарху осчастливить и освятить свой народ без содействия последнего. И вам предоставлено преобразить благодать этой церемонии в действительную силу. Нет нужды подкреплять мои слова текстом Священного Писания. Я взываю к вашему разуму и здравому смыслу, чтобы они вам подсказали, как и что делать", — вспоминает Стенли заключительные слова проповеди святителя Филарета.

Жизненная сила Православия в Москве глубоко впечатлила Стенли, его не смутило осознание того, что

¹ Интеркоммунион — евхаристическое общение между представителями различных христианских конфессий.

² Архимандрит Антоний (Медведев), наместник Троице-Сергиевой Лавры, духовник святителя Филарета Московского.

религиозное рвение, как ему казалось, "...в подавляющей части своей было столь мало обращено против нарушений нравственности в стране и всякого зла".

Лучший подарок — портрет святителя

Стенли вновь приехал в Россию в январе 1874 года как настоятель Вестминстерского аббатства и личный священник герцога Эдинбургского, прибывшего с целью женитьбы на дочери Александра II, Великой княжне Марии Александровне. В самый день своего прибытия Стенли встретился с дочерью крупного государственного деятеля Блудова — Антонией. Стенли описывает ее как "...одну из старейших дам Двора, говорящую по-английски и владеющую им в совершенстве. Сначала она говорила с Августой и леди Эммой, затем, повернувшись ко мне, произнесла: "Что касается Вас, то Вы мой старинный друг. Я давно знаю Вас по Вашим книгам. Кроме того, я слышала о Вас от митрополита Филарета и графа Урусова... Она поставила мне в комнату маленькую красивую картину — портрет Филарета, в знак внимания ко мне". На следующий день декан Стенли получил аудиенцию у государя Императора, который сначала говорил по-английски о предыдущем посещении Стенли России и о его знакомстве со святителем Филаретом. Стенли сопровождал Императорский двор в Москву, где имел возможность встретиться со знакомыми по предыдущей поездке, хотя эти встречи носили достаточно краткий характер. О благодарственном молебне в Успенском соборе, 24 января, он вспоминает: "Храм был заполнен до отказа самыми разными представителями общества, включая и крестьян. Зрелище было величественное, очень трогательное, которое можно наблюдать только в России. Что касается внешней стороны религиозных служб в целом, меня не удивляет, что в сравнении с русскими храмами все иные представляются русским православным похожими на языческие по их убожеству".

Главная сложность — в народах

В последний год служения митрополита Филарета самым высоким из иностранных гостей был глава Шотландской Епископальной Церкви епископ Иден. 29 мая на Троицком Подворье состоялась его встреча с митрополитом. После обсуждения англиканских таинств, святитель Филарет, по описанию Идена, сделал замечание о движении двух Церквей к воссоединению, сказав следующее: "Епископы и ученые мужи с обеих сторон, возможно, способны уладить разногласия между Восточной и Англиканской Церковью. Главная сложность — в народах." На выраженное Иденом согласие по данному поводу, подкрепленное доводом, что преобладающее среди англикан отношение к Восточной Церкви столь же отрицательное, сколь и к Римской Церкви по причине неосведомленности об ее учении и дисциплине, святитель ответил: "Если Ваш народ видит сходство Восточной Церкви с Римской, я не удивлен, что он испытывает к ней сильную неприязнь".

Очевидно, Иден был очень доволен приемом, оказанным ему Филаретом, так как он заметил, что нет во всей Российской империи человека более почитаемого или более справедливо и оправданно любимого народом, чем достопочтеннейший Филарет. "Мягкий, смиренный, благочестивый, ведущий очень простой и скромный образ жизни, он отдает на дела милосердия почти весь свой крупный доход. Школы, основанные им при Троицком монастыре для образования малоимущих, для обучения их навыкам полезной работы, а также для развития высоких искусств, составляют бессмертный памятник мудрости, милосердию и сердечной доброте этого благороднейшего митрополита".

Голос Бога призывает христиан объединится

Летом того же 1867 года в Россию приехал один из основателей Ассоциации Восточных Церквей Х.П. Лиддон. В те годы он уже был одним из наиболее известных проповедников Англикан-

ской Церкви. В качестве спутника в своих поездках Лиддон избрал молодого математика И.Л. Доджсона, более известного нам под псевдонимом Льюис Кэрролл. К этому времени первое издание "Приключений Алисы в стране чудес" Доджсона уже обеспечило ему достойное место в мире изящной словесности. После посещения литургии в Исаакиевском соборе в Петербурге Лиддон написал следующее: "Не могу понять тех, кто называет Восточную Церковь образчиком археологии. Хороша она или нет, можно спорить, но эта Церковь представляет собой обширный, энергичный, мощный организм, владеющий самым сердцем крупнейшей из европейских империй; обладающий в пределах России силой, параллели которой нет на Западе в моральном смысле". Во время пребывания в Москве Лиддон и Доджсон были весьма любезно приняты викарием митрополита Филарета, епископом Леонидом (Красноповковым). Этот визит послужил поводом для следующего письма Лиддона от 14 июля 1867 года, в котором он пишет своему викарию, епископу Солсбери: "Епископ Леонид — человек огромной интеллектуальной силы и активности; очень интересуется английской политикой; очень хотел узнать все, что возможно о господине Гладстоне. Читал Ренана, Штрауса и тому подобных авторов с огромным вниманием и очень интересовался тем, как в Англии подходили к решению проблем, поднятых немецкими богословами. Он думал, что в корне всего лежит моральная слабость определенного рода. У людей были причины, по которым они не желали верить, причины в их душе. Епископ Леонид очень сердечен в своем отношении к Англиканской Церкви. Думаю, он не сомневается в действительности хиротонии наших служителей и рад любым шагам в сторону сближения. Он посоветовал мне, в частности, обеспечить перевод на русский язык Катехизиса Англиканской Церкви с примечаниями, поясняющими основополагающее сходство с Православным учением. Он же сказал, что постарается распространить эти документы среди своих священнослужителей, чтобы те могли быть лучше осведомленными об Англиканской Церкви. Он

признал, что мы обращаемся к Восточным Церквам на другой основе, чем лютеране и прочие протестанты. И мягко намекнул, что наша преданность правилу поиска изначальных древнейших основ не столь совершенна в теории и в особенности на практике, как это может показаться. Но он считает при том, что при „нарастающем неверии в Европе голос Бога призывает христиан объединиться под знаменем Христа, чтобы подтвердить своими действиями, в чем состоит истинное учение Церкви о Боге“.

Пастор Лиддон и Льюис Кэрролл в стране чудес

В августе Лиддону и Доджсону удалось получить аудиенцию у святителя Филарета в Гефсиманском скиту. В этом случае переводчиком служил сам епископ Леонид. Хотя в основном эта беседа была обращена к темам богословским и святитель Филарет критиковал определенные аспекты римского католицизма, они коснулись и более светских материй. В частности, святитель выразил англичанам свое недоумение по поводу теплого приема, оказанного турецкому султану во время визита последнего в Англию. „Для нас, восточных христиан, — говорил святитель, — кажется национальным отречением от имени Господа Иисуса Христа, когда глава другой религии, являющейся Его злейшим врагом, преследующей Его служителей и верующих в Него, получает в христианской стране такой прием“. „Я настаивал, — вспоминает Лиддон, — что христианство в Англии — это одно, а государство и правительство — совсем другое, что последнее не руководствуется христианскими принципами, как это происходит в России, и что встреча с султаном носила характер государственной политики, к которой религия не имела ровно никакого отношения. Я уверил его, что многие английские христиане желают видеть то время, когда Святая София в Константинополе будет снова во владении Вселенского Патриарха. Митрополит Филарет пожелал знать, остался ли Оксфордский университет христианским или он был лишен своего религиозного характера; это потребовало от меня длительного

объяснения отношений с антирелигиозно настроенными либералами“.

Несмотря на некоторые опасения по поводу кажущегося отсутствия стремления к социальному совершенствованию среди верующих православных русских людей, Лиддон в целом очень высоко оценивает русское Православие. В письме епископу Солсбери он пишет так: „Филарет отдаст из своего годового дохода в семь тысяч фунтов все, кроме 200. Его жизнь основана на воздержании и строгости, которые вряд ли где-либо найдешь в Англии. Но именно это и обеспечивает неограниченное влияние Церкви на народ. Ничего подобного я на Западе не наблюдал, за исключением Тироля. После литургии в Успенском соборе, например, епископ Леонид был чуть не задавлен толпой народа, которая стремилась получить его благословение. И это обычное в России явление. Когда он возил нас в Троицкую Лавру и мы появились на платформе Московского вокзала, к нему поспешила толпа самых разных людей: носильщиков, машинистов паровозов, извозчиков, чтобы поцеловать ему руку. В Англии такое событие может произойти, только если некий богатый добрый господин будет раздавать шиллинги на центральном перекрестке города. Русские люди глубоко верят в благодать, которой Христос наделяет свою Церковь, хотя, конечно, такой способ выражения своей веры кажется нам несколько странным. Частое осенение себя крестным знаменем, поклонение иконам и особенно определенным иконам превосходит все, что я знаю на Западе. И истинное, подлинное ощущение присутствия Бога проявляется во всеобщей практике молитвы перед началом долгого пути или перед встречей с духовенством. Оно проявляется даже во время купания, когда прыгающий в воду прежде осеняет себя крестным знаменем. Все это очень примечательно. Среди представителей высших сословий присутствует, боюсь, растущее пристрастие к Ренану и книгам подобного рода. Но в этих же слоях общества очень много истинно верующих мирян. Их больше относительно численности всего сословия, чем у нас. Их также больше, чем во Франции или Германии“.

От Оксфордского движения к русскому возрождению

Путевые заметки, приведенные нами, интересны с нескольких точек зрения. Самое поразительное в них — это глубокое уважение и симпатия к Русской Православной Церкви, которые чувствуются у всех этих авторов. Как уже было сказано, все они являлись последователями традиции Высокого Англиканства и, в частности, сочувствовали Оксфордскому движению. Они ощущали много общего с людьми, которых встречали на своем пути в России. И здесь встает весьма интересный для будущего исследователя вопрос о „московских друзьях“ этих путешественников. В основном, эти „друзья“ включали в себя духовенство и членов общества, связанных с теми или иными религиозными учреждениями. Но принимали путешественников и другие представители российского общества, включая самые высокие круги элиты, а также государственных деятелей и того, кого мы бы теперь назвали интеллигенцией. Все люди, отраженные в этих путевых заметках, либо интересуются религиозными проблемами, либо непосредственно живут ими. Таким образом, уделяя пристальное внимание московским друзьям этих англичан, мы получим свежий взгляд на явление, которое можно обозначить как возрождение русского Православия во второй половине XIX века, после Александровых реформ. Мы не занимались в этом кратком сообщении подробным анализом проявления этого возрождения в повседневной жизни, но можно, впрочем, заметить, что количество персонажей, участвовавших в этом возрождении, значительно больше, чем те богословы, иерархи, миряне, кого мы включили в эти заметки.

Таким образом, исследование взаимоотношений и взаимовлияния представителей русского церковного общества и последователей идей Высокой Церкви позволит более глубоко проследить процесс высвобождения русского Православия из пут мистицизма и обращения лучших богословских умов России к истокам общехристианских традиций — святоотеческому богословию.

Счастливы, кто увидит его несовершенный портрет

Коллекция личных вещей и портреты святителя Филарета Московского в музее МДА

Поистине верно древнее изречение: "Великое видится на расстоянии". Мы убеждаемся в этом всякий раз, когда слышим восторженные отзывы специалистов-искусствоведов о собрании Церковно-археологического кабинета (ЦАКа) нашей Академии — коллекции, уникальности и оригинальности которой мы, привычно проходя через залы музея на лекцию или спевку, часто не замечаем и не оцениваем. Между тем, приезжающие к нам искусствоведы восхищаются ЦАКом и с удовольствием работают здесь. К примеру, совсем недавно специалисты из Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева как бы заново открыли незаметный уголок в одном из переходных залов нашего музея и приняли участие в издании каталога находящейся в нем коллекции личных вещей святителя Филарета Московского.

Предметы, принадлежавшие великому иерарху, были в свое время любовно собраны Святейшим Патриархом Алексием I (Симанским), а в послевоенные годы они были переданы Святейшим во вновь открывшийся по его благословению ЦАК.

Первое и единственное документальное свидетельство о некоторых хранящихся в настоящее время в Академии личных вещах митрополита Филарета мы находим в каталоге выставки, которая состоялась в 1907 году в Москве, в частной гимназии Шамониной, по случаю сорокалетия преставления святителя. В организации выставки приняли участие некоторые государственные ведомства (в частности, архив Министерства иностранных дел), а также родственники святителя — протоиереи

К. Богдавленский, П. Казанский и его многочисленные почитатели.

Среди почетных гостей выставки одним из первых упомянут архимандрит Алексей (Симанский). Известно, что духовное становление будущего Патриарха проходило под влиянием проповедей митрополита Филарета, и именно они, еще в пору обучения будущего Патриарха в известном Катковском лицее в Москве, оказали глубокое воздействие на душу юного гимназиста и во многом определили его дальнейший жизненный путь. Неудивительно, что будущий искренним почитателем святителя, архимандрит Алексей был близок кругу людей, сохранявших живую и благоговейную память о выдающемся московском иерархе. Промыслем Божиим многие экспонаты выставки 1907 года оказались впоследствии в

руках о. Алексия и были им бережно сохранены.

В течение всех смутных послереволюционных лет владыка Алексей (Симанский) благоговейно продолжал чтить Филарета Мудрого, в годы же своего патриаршества возобновил празднование дней памяти митрополита Филарета, а в Московской Духовной Академии благословил с 1951 года проводить "Филаретовские вечера".

В 1967 году, к 100-летию со дня преставления святителя, по благословению Патриарха, в залах ЦАКа состоялась юбилейная выставка. С тех пор личные вещи святителя Филарета, а также ряд его живописных изображений входят в постоянную экспозицию ЦАКа.

В настоящее время в академическом музее имеется около тридцати живописных портретов московского митрополита, ряд гравюр и скульптурных изображений, богослужебные и келейные предметы. Среди последних — митра, богослужебные облачения, архиерейская мантия, шелковая ряса, скуфья, параманный крест, орлец, ореховый гребень, ложка и пасхальное яйцо.

У витрины с личными вещами митрополита перед тобой как бы оживают страницы истории. Вот его параманный крест — напоминание о начале монашеского пути. 16 ноября 1808 года в Трапезном храме Свято-Троице Сергиевой Лавры учитель Троицкой семинарии Василий Дроздов был пострижен наместником архимандритом Симеоном в монашество с именем Филарет (в честь святого праведного Филарета Милостивого). Здесь же, в Лавре, в архиерейской Сошестввенской церк-

ви, будущий святитель был рукоположен митрополитом Московским Платоном (Левшиным) в иеродиакона, мечтая остаться в монастыре и стать когда-нибудь "гробовым" священником у раки преподобного Сергия.

Но Господь судил иначе. Вскоре Комиссией Духовных училищ при Святейшем Синоде молодой иеродиакон направляется для преподавательской деятельности в Санкт-Петербургскую Духовную Академию. Зарекомендовав себя в столице как прекрасный педагог и даровитый проповедник, он скоро становится ректором Академии и возводится в сан архимандрита. В 1817 году он вступает на стезю епископского служения, которая приводит его спустя четыре года на московскую кафедру, где он (с 1826 года в сане митрополита) прослужит почти полвека.

Сохранившиеся парчовые облачения святителя и его миниатюрная скульптура, а также портреты, на которых он запечатлен в момент совершения богослужения, напоминают нам о его ревности ко храму Божию.

По свидетельствам биографов, святитель Филарет служил во все воскресные и праздничные дни почти неопустительно. Он всегда тщательно готовился к совершению богослужений, особенно Божественной литургии и, посещая многие храмы первопрестольной, митрополит Филарет чаще всего служил в Чудовом монастыре, у мощей святителя Алексия Московского. Любил он бывать и в родной Троицкой Лавре. О почитании и любви, которые митрополит Филарет питал к святителю Алексию Московскому и преподобному Сергию Радонежскому, напоминает нам

его мантия, на скрижалях которой находятся изображения двух этих великих русских святых.

Когда митрополит Филарет бывал в Лавре в день праздника преподобного Сергия, он неизменно до начала всенощного бдения служил молебен у раки с мощами основателя монастыря и сам читал акафист Преподобному. Во время же всенощной, после первой кафизмы, он выходил на амвон, садился пред Царскими вратами в архиерейское кресло и умирительно читал народу житие святого Сергия.

Служил святитель всегда благоговейно и не торопясь. Он строго следил за тем, чтобы во время соборного служения духовенство стояло по старшинству, а между равными предпочтение отдавалось ученым иереям.

Будучи в личной жизни скромным, одевался святитель просто. Но во время торжественных богослужений, официальных церемоний, не желая

Портрет епископа Филарета.
Н. Д. Штревич. После 1818 г.

уронить достоинство архиерейского сана, он облачался в дорогие облачения, преимущественно парчовые ризы. Рваных же и грязных одежд вообще не терпел.

Жители первопрестольной и ее многочисленные гости, всегда с большой любовью и усердием посещавшие богослужения, совершаемые святителем, разносили славу о нем далеко за пределы Московской епархии.

Но не только ученой и церковно-богослужебной деятельностью прославился великий архипастырь. Известны также и многие его заслуги перед Отечеством на поприще общественного служения. Об одной из них напоминает митра из нашего собрания. На ее опуши жемчужная надпись зафиксировала дату "10 марта 1831" — это дата прекращения в Москве эпидемии холеры. За усердные труды во время эпидемии святителю была пожалована высшая награда Российской империи — орден святого апостола Андрея Первозванного. Многие москвичи в то время оставили город, однако святитель, несмотря на то что Государь вызывал его в Петербург, не бросил свою паству, твердо решив "умирать вместе со своими". По его благословению были учреждены особые моления об избавлении народа от смертоносной язвы. В переполненные страждущими больницы святитель Филарет посылал священников для исповеди и причащения больных. Около ста священников в течение шести недель посещали десятки больниц, принося утеше-

ние недугующим, и никто из батюшек не заболел.

В своих проповедях святитель, видя истоки бедствий в духовных болезнях, призывал народ исправить свою жизнь, принести покаяние и творить дела милосердия. И неслучайно на дробницах митры мы видим, помимо святых врачей и целителей, образы святых Андрея Критского и Марии Магдалины. Вышитая жемчугом надпись из девяностого псалма напоминает об уповании в скорбях и болезнях на помощь Божию. Иконы радонежских святых в нижнем ряду митры позволяют нам предположить, что она была подарена святителю Филарету как настоятелю Троице-Сергиевой Лавры ее насельниками.

Другая сохранившаяся вещь архипастыря — скуфья с белым крестом — воскрешает в памяти еще одну сторону его жизни. В домашней рясе и такой же скуфье владыка изображен на сохранившемся в ЦАКе портрете, запечатлевшем его в обстановке скромной келлии Гефсиманского скита. Ревнитель монашества, святитель благоволил ко многим монастырям. Особенно же он любил родную Троицкую Лавру и выстроенный по его благословению наместником архимандритом Антонием (Медведевым) Гефсиманский скит с Черниговским пещерным отделением.

Святитель Филарет сам освятил "новую Гефсиманию" 28 сентября 1844 года. Примечательно, что во время освящения и совершения Литургии он был облачен не в архиерейские одежды, а в скромные ризы

Портрет митрополита Филарета
в келлии в Гефсиманском скиту. Середина XIX в.

Портрет митрополита Филарета.
1840-е годы.

преподобного Сергия. В этом сказалося, конечно, стремление маститого архиерея к монашеской простоте и смирению. Оно выразилось не только в одеянии, но и во всей скитской обстановке. Скитские постройки, внутренняя облицовка храмов и келлий митрополита, церковная утварь — все было сделано из самых простых, недорогих материалов. И на портрете мы видим эту замечательную простоту: тесовые стены, синее и красное сукно на скамье и неизменный письменный набор. Быть может, именно здесь, в монастырской глуши, из-под его пера вышли многие духовные сочинения, ставшие одной из причин его неувядающей славы и всенародного почитания.

Особенным же образом всеобщее уважение, почет и любовь, которые святитель стяжал среди духовенства и мирян Русской Церкви, проявились в день празднования пятидесятилетия его архиерейского служения.

Святейший Синод заблаговременно оповестил все учебные заведения и духовенство о дне предстоящего торжества, но сам святитель, узнав о приготовлениях, смутился и намеревался было уклониться от празднования. Лишь воля Государя заставила его подчиниться всеобщему желанию.

Это был поистине особый день для Русской Церкви. Наиболее известное воспоминание о нем оставил Ф.И. Тютчев, в памяти которого навсегда сохранился образ святителя, который со смирением выслушивал приветствия и получал дары. "Маленький, хрупкий, — писал Тютчев, — сведенный к простейшему

Портрет митрополита Филарета.
Середина XIX в.

выражению своего физического существа, но с глазами, полными жизни и ума, он непобедимой высшей силой господствовал над всем, что происходило вокруг него. Когда он отвечал, слышался как бы голос призрака. Губы его шевелились, но слова, вылетающие из уст, были только веянием. Пред своим апофеозом он оставался совершенством простоты и естественности; казалось, что он принимает все эти почести только затем, чтобы передать их кому-то другому, чьим случайным представителем он теперь является. Это было прекрасно! Воистину то был праздник духа”.

В тот день в числе прочих многочисленных приношений святителю был преподнесен архиерейский орлец, входящий в настоящее время в наше собрание. На его обороте сделана надпись: “1867 год, августа 5-го в пятидесятилетие епископского служения преосвященного митрополита Филарета (хиротонисан в 1817 году), приношение Д.И. Хлудова”.

Но не только воспоминания доносят до нас облик святителя. Сохранились и его прижизненные портреты. Глубокая скромность и большая занятость митрополита Филарета исключали возможность художникам подолгу писать его портреты с натуры. “Живописец ко мне не приходил, за что я ему очень благодарен. Однажды недавно напомнили мне о нем, и, правду сказать, мне не хотелось звать его. У меня почти непрерывно простуда в голове. Вам, конечно, не нужно изображение простуды...” — писал святитель 26 ноября 1851 г. А.Н. Муравьеву, известному духовному писателю, который

уговорил его позировать несколько сеансов. А несколькими годами позже, 23 июня 1856 года, святитель писал тому же адресату не без скрытого упрека: “... жаль г. Шпревича, если он потерял труд. А нам с Вами наказание: Вам за настоятельное требование бесполезного, а мне — за согласие на то”.

Упомянутый художник Н. Д. Шпревич, титулярный советник, учитель рисования, был известен как один из портретистов, который неоднократно писал святителя с натуры, хорошо знал его облик. И, видимо, нередко к нему обращались с заказами желающие иметь дома портрет митрополита.

В собрании ЦАКа имеется несколько прекрасных портретов, исполненных этим мастером. Два из них — самые ранние из вообще известных изображений святителя. Впоследствии именно один из них — владыка за рабочим столом, на котором книги, перо, чернильница, колокольчик — стал широко известным.

Сохранились в ЦАКе и парадные портреты, показывающие заслуги митрополита Филарета перед Церковью и Отечеством. На них святитель обычно представлен в белом клобуке, на груди — лента и ордена святого Андрея Первозванного и святого князя Владимира, кресты и панагии; он сидит за столом, положив на него одну руку, в другой — держит книгу. Нельзя не отметить во всем облике святителя особого благородства и достоинства, запечатленных на портретах этого типа. Заметим, что таким же митрополит предстает перед нами и на уникальной подлинной фотографии (быть может, единственной!), которая также

Портрет митрополита Филарета.
Третья четверть XIX в.

Фотография митрополита Филарета.
1860-е годы.

сохраняется в собрании ЦАКа.

Другая группа живописных изображений представляет святителя Филарета в богослужебном облачении с благословляющей десницей. Они менее портретны, поскольку писались, очевидно, не с натуры. Подобный портрет находится в Малом актовом зале МДА среди изображений других известных иерархов Русской Православной Церкви. Он является парным с аналогичным портретом митрополита Платона (Левшина), учителя и покровителя святителя. Обе работы предназначались, вероятно, для митрополитских покоев Лавры или Духовной Академии. Иерархи облачены в мантии с образами преподобных Сергия и Никона на скрижалях, в левой руке держат жезл, правой благословляют “иконно”...

Когда мы обозреваем и сопоставляем разнообразные и многочисленные изображения митрополита Филарета, хранящиеся в ЦАКе, невольно возникают в памяти слова, сказанные о святителе его ближайшим сподвижником, архиепископом Леонидом (Краснопевковым): “Пройдут века, имя его вырастет необыкновенно. Мысль будет искать в прошедшем его великого образа, и счастлив, кто увидит его несовершенный портрет...”

Таков незаметный на первый взгляд уголок столь знакомого всем нам ЦАКа. Лишь малая часть его сокровищ раскрыла перед нами столько замечательных страниц церковной истории. А сколько их еще может открыться перед взором благоговейного и внимательного посетителя?

Михаил Гуляев, 4 класс МДС

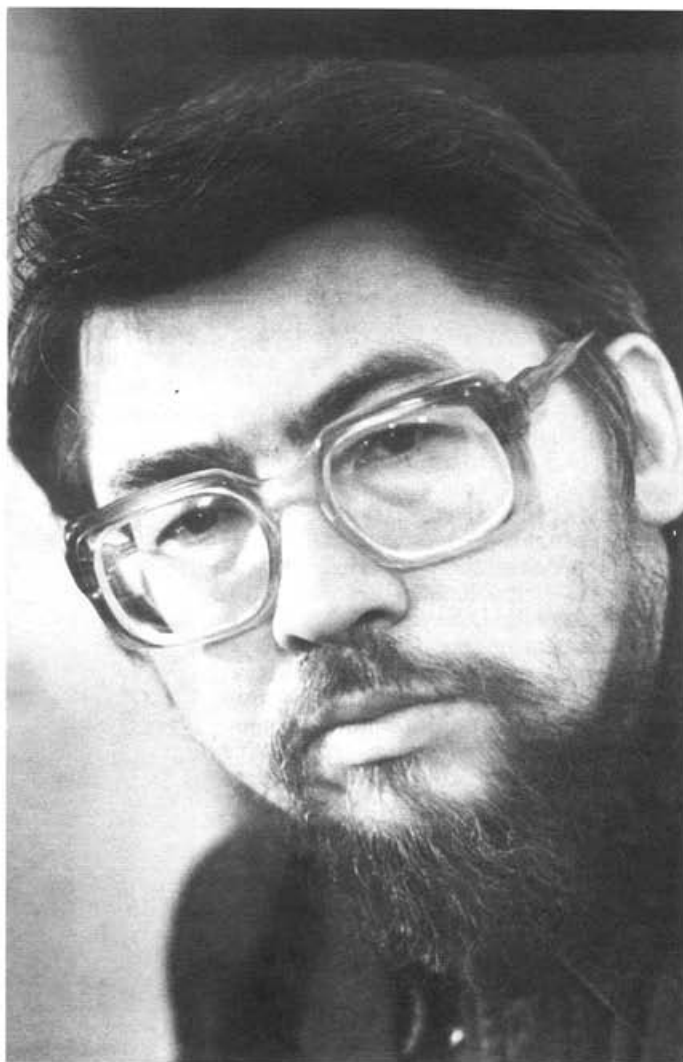
В наше время, когда даже среди церковных людей иногда слышны голоса “о нашем поражении”, жизнеутверждающе и с новой силой звучат слова великого русского писателя Н.В. Гоголя:

Праздновать победу будем на том свете

Интервью с литературоведом Владимиром Воропаевым

В данной рубрике мы уже старались знакомить читателя с современными русскими писателями и поэтами. При этом как-то само собой разумеется, что у настоящего писателя писательство — главное дело его жизни, и это действительно так. Но наряду с профессиональными писателями существуют и профессиональные читатели — литературоведы, то есть люди, которые задались целью изучать написанное когда-либо и кем-либо. С какой целью? Неужели только для того, чтобы самим уразуметь смысл прочитанного? — Очевидно, нет. Они занимаются тем, что интерпретируют, комментируют, толкуют литературные произведения. Плоды их деятельности — это всевозможные учебники, пособия, справочники, словари и прочая учебная литература, с помощью которой у большинства “читателей-непрофессионалов” формируется представление о том или ином писателе и его произведениях. Как видим, это не такие простые люди, как может показаться на первый взгляд. Тем интереснее будет познакомиться с одним из них.

Владимир Алексеевич Воропаев — доктор филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы МГУ им. Ломоносова, занимается преимущественно исследованием творчества Гоголя. В прошлом году он защитил докторскую диссертацию на тему “Гоголь в последнее десятилетие его жизни: Новые аспекты биографии и творчества”, в которой впервые раскрывается подлинный духовный облик Гоголя, глубоко православного русского писателя-классика.

— Владимир Алексеевич, в предыдущих номерах нашего журнала мы уже знакомили читателя с некоторыми из современных писателей и поэтов. Литературоведа, к тому же преподавателя филологического факультета Московского университета, мы представляем впервые. Поэтому не могли бы Вы сначала рассказать нам, чем занимается литературоведение вообще и что оно значит для Вас — это Ваша профессия, дело всей жизни, которое непосредственно связано с Вашим мировоззрением?

— Не совсем так. Главное в моей жизни, если говорить о профессии, — преподавание русской классической литературы в университете и научная работа над избранной темой. Что касается литературоведения, то это, как известно, одна из гуманитарных наук, которая занимается изучением литературы. Но не бывает науки, вообще, чистой или, как говорят, объективной. Ведь и в математике или физике результаты исследований прямо зависят от представлений ученого о мире. Помнится, когда я готовился к поступлению в университет и читал работы литературоведов о Гоголе, то был поражен, насколько эти писания не соответствуют моему читательскому восприятию его произведений. Потом я понял причину такого несоответствия. Гоголь был православным христианином, что я и постарался показать в своей докторской диссертации. Писали же о нем по большей части люди, в лучшем случае имеющие весьма поверхностное представление о православной духовности. Между тем православие Гоголя было не номинальным, а действенным. Без учета этого мало что можно понять в его жизни и творчестве.

В современном литературоведении есть разные направления. В мои студенческие годы был очень популярен структурно-семиотический метод, который и доньше некоторыми считается чуть ли не единственно научным. Показательны названия тогдашних “образцовых” исследований, — к примеру: “Как сделана “Шинель” Гоголя”. Однако людей всегда интересовала духовная сущность явлений, в том числе в искусстве и литературе. Сегодня — тем более. Вы найдете в таких трудах ответ, например, на то, как сделаны “Мертвые души”, но не узнаете, почему Гоголь так назвал свое великое творение. Чтобы понять это, надо знать евангельскую традицию. Без этого знания все теряет смысл. Примечательно название одной литературоведческой монографии о “Мертвых душах”, выдержавшей не одно издание: “В поисках живой души”. Оно свидетельствует о непонимании автором именно духовной сути вещей. Получается, что Гоголь ищет в России живую душу, а находит одни мертвые. Между тем мертвыми душами являемся в определенном смысле мы все. Гоголевский замысел созвучен христианскому нравственному закону, сформулированному святым апостолом Павлом: *Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут* (1 Кор. 15, 22). Этот духовный смысл названия поэмы раскрыт Гоголем в предсмертной записи, обращенной ко всем нам: “Будьте не мертвые, а живые души. Нет другой двери, кроме указанной Иисусом Христом, и всяк, прелезай иначе, есть тать и разбойник”.

— Стало быть, Вы, как исследователь, остановили свой выбор на Гоголе?

— Я не сразу стал заниматься им. В годы учебы в университете я изучал Чехова на семинаре замечательного педагога и ученого Владимира Борисовича Катаева и дипломное сочинение писал о Чехове: о библейских мотивах

в его творчестве. И только в аспирантуре решил профессионально заняться Гоголем, писать о нем диссертацию — первая любовь победила.

— Насколько я знаю, Вы не только занимались произведениями Гоголя, но много сил посвятили изучению его биографии и тех людей, с которыми он был близок. Значит, литературоведение не может ограничиваться изучением текстов — оно должно, наверное, заниматься и личностью самого писателя, изучать его жизненный путь и в целом ту эпоху, в которую он жил. Очевидно, только тогда наше знание литературы будет цельным и литературные памятники оживут и представят нам ясную картину той эпохи, когда они были созданы. Так получается?

— Разумеется, Вы правы, когда говорите, что литературоведение не может ограничиваться изучением текстов. Оговорюсь только, что слово “текст” введено в науку представителями формальной школы, оно не несет в себе никакой окраски, претендует на объективность. Так, стихотворение Лермонтова “Белеет парус одинокой...” — текст, “Мертвые души” — текст, Евангелие — текст, объявление на столбе — текст. Часто этот “текст” изучается без учета содержания. Конечно, текстология как одна из научных дисциплин — необходимая вещь. Но это только одна сторона, хотя и существенная. Без знания биографии писателя, его жизненного пути, эпохи, в которую он жил, наши представления о его произведениях не могут быть полными. Да, литературовед в некотором смысле самозванец. Никакой автор, тем более из наших классиков, не уполномочил бы ни одного из нас быть посредником между ним и читателем. Если кто-то и должен взять на себя этот нелегкий труд, он должен совершать его добросовестно и со смирением. Не все литературоведы, к сожалению, придерживаются этих принципов. Многие накладывают свои представления и на произведения, и на жизнь писателей, не смущаясь ни скудостью своих знаний, ни заданностью своих идейных построений. Что касается окружения писателей, то и здесь выстраиваются схемы, — об одних людях можно рассказать побольше, о других умолчать, а то и оболгать. Так, например, в связи с Гоголем, выставлены в неблагоприятном свете близкие ему лица — граф Александр Петрович Толстой и ржевский протоиерей Матфей Константиновский, духовный отец Гоголя. То же можно сказать и об эпохе — она подается часто тенденциозно, для чего и подбирается нужный для определенной идеи материал. Только православные взгляды литературоведа позволяют достичь высокой степени объективности. Если коротко, — евангельские истины освещают все в истинном свете. Без духовного постижения явлений всякие знания теряют смысл.

— Вернемся к Гоголю. В одном из своих писем он высказывает идею, что литература и культура в целом должны служить ступеньками духовного восхождения человека, той *лествицей*, которая может возвести человеческую душу от земли на Небо. Известно, что в XX веке подобную идею развивал протопресвитер Василий Зеньковский, пытаясь построить даже целую философскую концепцию православной культуры. Как по-Вашему, насколько эта идея продуктивна?

— Гоголь в “Выбранных местах из переписки с друзьями” действительно писал о том, что назначение искусства — служить незримой ступенью к христианству, так как современный человек не в силах встретиться прямо

со Христом. Искусство для Гоголя — отблеск небесной красоты. В беседе с русскими художниками в Риме он говорил: “Чистая, истинная красота — хвала Богу на земле”. Эту же мысль Гоголь не раз высказывал и в своих художественных произведениях. Например, в “Портрете”: “Намек о божественном, небесном рае заключен для человека в искусстве, и потому оно уже выше всего”. Этим и определяется для Гоголя ценность писательского дела. Оно важно не само по себе, а именно как ступень на пути восхождения человека к Богу.

Свою книгу “Выбранные места из переписки с друзьями”, вызвавшую столько толков и разговоров в русском образованном обществе, Гоголь адресовал в первую очередь тем, кто не ходит в церковь. Вот что он писал, например, отцу Матфею Константиновскому: “Мне кажется, что если кто-нибудь только помислит о том, чтобы сделаться лучшим, то он уже непременно потом встретится со Христом, увидевши ясно, как день, что без Христа нельзя сделаться лучшим, и, бросивши мою книгу, возьмет в руки Евангелие”. Можно сказать, что эта мысль Гоголя и есть тот итог, к которому он пришел в результате своих размышлений о писательстве. Но этот итог не запрещал ему художественного творчества, а лишь подвигал к решительному его обновлению в свете евангельского слова.

Что же касается Вашего вопроса о воцерковлении культуры, то скажу, что Гоголь справедливо видел в этом единственную возможность духовного возрождения России. Однако в наши дни о соединении светской и духовной культур, кажется, мечтать не приходится. Мы видим, и это закономерно, что происходит все большее разделение. Духовная культура собирается вокруг Церкви, а мирская возрастает в своей враждебности к Православию. Это неизбежный процесс апостасии — отпадения от Бога. Хотя изначально любая культура — и европейская, и русская — связана с Церковью. Современная массовая культура и есть предельное выражение светской. Успех ее связан с тем, что человек утратил представление о том, для чего он живет, что он должен делать со своей жизнью. Раньше он это понимал через религию. Отсюда и всевозможные неурядицы, начиная от экологического кризиса и кончая неудачами в личной жизни, разрушением семьи и прочим. Вы знаете, Гоголь очень точно говорил, что у человека тогда все ладится, когда он внутренне устроен. А чтоб устроенным быть внутренне, — надо искать Царствия Божия, и все остальное приложится вам.

— **Фактически мы подошли с Вами к вопросу о взаимодействии светской, секулярной культуры и культуры православной, духовной, которую нам привычнее было бы именовать церковной традицией или церковным Преданием. Однако это огромная тема, а в чисто практическом плане: в какой степени полезно, на Ваш взгляд, студенту Духовной школы, будущему пастырю, читать произведения светских писателей?**

— Еще святитель Василий Великий рекомендовал юношам читать античных авторов, хотя и с разумением. Важно, что приносит душе человека искусство в широком смысле — духовную пользу или вред, ведет к Богу или отвращает от Него. Конечно, в произведениях светских писателей много соблазнительного, хотя это случается и с духовными сочинениями — вспомним, например, книгу Фомы Кемпийского “О подражании Иисусу Христу”. Не-

даром наши святители, в особенности Игнатий (Брянчанинов) и Феофан Затворник, равно как и преподобные Оптинские старцы, с осторожностью относились к художественному творчеству, понимая, что в нем таится немалый соблазн и что без помощи Божией читатель противостоят ему не может. Лучшие русские писатели, в том числе Гоголь, прекрасно сознавали это. В повести “Портрет” старый монах говорит: “Дивись, сын мой, ужасному могуществу беса. Он во все силится проникнуть: в наши дела, в наши мысли и даже в самое вдохновение художника”.

Пастырь должен представлять себе, чем живет его паства. Нельзя говорить, что мы православные и не хотим знать светской культуры. Студенту Духовной школы, как мне думается, нужно выработать в себе, так сказать, духовное чутье, научиться различать пшеничные зерна и плевелы по немногим приметам. Для этого надо читать русскую классическую литературу в лучших ее образцах, но не давать им заслонить святоотеческого учения.

— **Как ученый-филолог Вы специализируетесь в литературе XIX века: Пушкин, Гоголь, Достоевский, другие русские писатели-классики — это объект Вашего внимания и изучения. Но для духовной истории России XIX век был не менее плодотворным — всем известны имена святителей Филарета, Иннокентия, Игнатия, Феофана и др. Вы считаете, что эти явления в культурной и духовной жизни России взаимосвязаны между собой или же они появились независимо друг от друга?**

— К сожалению, литература светская в очень малой степени взаимодействовала с теми духовными очагами, которые существовали у нас в России. Развившись в образованном обществе, она вольно или невольно противостояла Церкви. В глазах многих эта литература — едва ли не единственная, так что ее нередко называют даже “духовной пищей”, не подозревая об истинном смысле этих слов. Она посягает на духовное руководство, пытается подменить собою Церковь, то “единое на потребу”, без чего душа человека мертва. Тут явно нарушена иерархия ценностей. Однако русская классическая литература XIX века не с неба свалилась. Она возникла на духовном фундаменте тысячелетней России. Древнерусская, по преимуществу церковная, литература была весьма самобытна. И наша классика в своей глубине всегда была христианской. Не зря же русских писателей так тянуло в Оптину Пустынь. Вспомним Гоголя, Достоевского, даже Льва Толстого, не говорю о фигурах менее значимых. В Оптиной Гоголь прочитал книгу преподобного Исаака Сирина, с которой позднее старцем Макарием было сделано печатное издание. И ему многое открылось в понимании природы человеческой души. В монастырской библиотеке хранился экземпляр “Мертвых душ”, принадлежавший графу Александру Петровичу Толстому, а после его смерти переданный оптинскому насельнику отцу Клименту (Зедергольму), с пометами Гоголя, сделанными по прочтении этой книги. Вот я Вам сейчас читаю, что заметил Гоголь на полях одиннадцатой главы против того места, где речь идет о “прирожденных страстях”: “Это я писал в “прелести”, это вздор — природженные страсти — зло, и все усилия разумной воли человека должны быть устремлены для искоренения их. Только дымное надмение человеческой гордости могло внушить мне мысль о высоком значении природженных страстей — теперь, когда стал я

умнее, глубоко сожалею о “гнилых словах”, здесь написанных. Мне чужалось, когда я печатал эту главу, что я путаюсь, вопрос о значении прирожденных страстей много и долго занимал меня и тормозил продолжение “Мертвых душ”. Жалею, что поздно узнал книгу Исаака Сирина, великого душеведца и прозорливого инока. Здоровую психологию и не кривое, а прямое понимание души, встречаем у подвижников-отшельников. То, что говорят о душе запутавшиеся в хитросплетенной немецкой диалектике молодые люди, — не более как призрачный обман. Человеку, сидящему по уши в житейской тине, не дано понимания природы души”.

Каково сказано! Что называется, не в бровь, а в глаз.

С другой стороны, в Оптиной хранились “Выбранные места из переписки с друзьями” с вложенным в них отзывом святителя Игнатия, переписанным рукой старца Макария. Читатель, взявший книгу Гоголя, должен знать и мнение Церкви о ней.

Писатель часто пишет почти буквально “кровью сердца”. В то время как большая часть читателей потешалась над его героями, считая себя неизмеримо выше них, Гоголь страдал и томился, понимая, что и он несовершенен. Он почувствовал, что ему не только не удаются положительные герои, но и не могут удалиться. Почему это так, отчасти можно понять из писаний святителя Игнатия. В статье “Христианский пастырь и христианин-художник”, недавно напечатанной в очередном томе “Богословских трудов”, он высказывает глубокую мысль. Вот послушайте: “Большая часть талантов стремилась изобразить в роскоши страсти человеческие. Изображено певцами, изображено живописцами, изображено музыкою зло во всевозможном разнообразии. Талант человеческий, во всей своей силе и несчастной красоте, развился в изображении зла; в изображении добра он вообще слаб, бледен, натянут. <...> Когда усвоится таланту Евангельский характер, — а это сопряжено с трудом и внутреннею борьбою, — тогда художник озаряется вдохновением свыше, только тогда он может говорить свято, петь свято, живописать свято”.

Этим путем шел Гоголь. И это есть путь всякого большого художника. Кстати, святитель Игнатий, прекрасный писатель, за образец работы над языком своих произведений, по его признанию, брал Пушкина. Приведу один пример. Лет семь назад мы с Виктором Афанасьевым подготовили для журнала “Литературная учеба” публикацию произведений святителя — это была одна из первых, если не первая, публикация его творений в светской печати. Тогда еще не было переиздано всем известное сейчас семитомное собрание, и мы печатали очерк “Поездка на Валаам” по отдельному изданию. При верстке решили сделать сверку по собранию сочинений. И оказалось, что святитель кардинально переработал произведение, — и именно в плане стиля, так что пришлось перебирать текст заново. Как писатель он понимал важность этой стороны. Гоголь говорил, что благозвучие не такое пустое дело, как думают те, которые незнакомы с поэзией.

— Из Ваших рассуждений следует, что русскую литературу нельзя ограничивать общепринятыми рамками классической, художественной, так как есть и духовная литература, с особыми, присущими только ей жанрами. И хотя у нас в Академии написаны некоторые работы о духовных писателях и их творениях, но в этих трудах, как правило, почти не затрагивается

круг вопросов, находящихся в поле зрения литературоведов. Значит, нужно и литературоведам взяться за изучение незаслуженно пренебрегаемой светскими учебными заведениями части русской литературы. **Что Вы скажете по этому поводу?**

— Скажу, что настоящая картина отечественной словесности гораздо обширнее и богаче расхожих представлений о ней. Огромный пласт ее был насильственно отторгнут от нашей культуры. Русские духовные писатели — такие, как святители Филарет Московский, Игнатий (Брянчанинов), Феофан Затворник, как и писатели XVIII века — святители Димитрий Ростовский и Тихон Задонский, — продолжали в нашей литературе святоотеческую традицию. Они были действительно народными писателями, хотя народ мог и не знать их имен. Четьи-Минеи святителя Димитрия читала вся грамотная Россия. Или вот, например, Андрей Николаевич Муравьев, замечательный писатель, издавший при жизни около пятидесяти книг, — значит, были у него читатели. А духовные журналы... Посмотрите библиотечные каталоги — какие журналы читали в России прошлого века.

Что же касается изучения духовных писателей, равно как и православных традиций в русской классической литературе, скажу, что такая работа только началась. Могу назвать в этой связи профессоров Котельникова, Захарова, Тарасова, Есаулова, вашего преподавателя Михаила Дунаева, издавшего уже три тома своего капитального труда “Православие и русская литература”.

— **Все то, что Вы говорите, чрезвычайно интересно, однако до сих пор речь у нас шла только о литературе XIX века. Хотелось бы услышать Ваше мнение и о современном состоянии литературного процесса. Как Вы думаете, возможно ли сейчас развитие русской литературы именно в том русле, в каком это делал, например, Гоголь?**

— Честно говоря, современных авторов, за редкими исключениями, я не читаю. Когда на книжной полке стоят святые отцы, не очень-то возьмешь в руки нынешних книг или журналов. Наша земная жизнь коротка, а святоотеческая мудрость неизмерима. Притом, конечно, приходится много читать по специальности. Я, например, просматриваю всю доступную мне литературу о Гоголе. Что же касается перспектив развития отечественной словесности, то скажу не новость: писатель есть отражение жизни своего народа. Будет трепетное ожидание нового Гоголя — и он явится. Семьдесят лет вавилонского пленения не прошли бесследно для нашего народа. Все лучшее, созданное за эти десятилетия — отзвуки русской классической литературы. Как пойдет дальнейшее развитие нашей литературы — одному Богу известно. Во всяком случае, если говорить о том, что у нас на виду, — то это картина, мало чего обещающая в грядущем.

— **Владимир Алексеевич, спасибо за интересную беседу. Что бы Вы хотели сказать нашим студентам в заключение?**

— Я человек мирской, мне поучать не пристало, тем более будущих пастырей духовных. Могу пожелать только как себе, так и вам, крепости духа, мужества. Как говорил Гоголь: “Мы призваны в мир на битву, а не на праздник: праздновать победу мы будем на том свете”.

*С В.А. Воропаевым беседовал студент I курса МДА
Дмитрий Моисеев*

Мы все работаем у одного Хозяина

Н.В. Гоголь в Московской Духовной Академии

В течение своей жизни Гоголь бывал во многих известных русских монастырях, в том числе не раз и в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре. Но Духовную Академию он посетил, по-видимому, однажды. До последнего времени мы не могли назвать никого, кроме архимандрита Феодора (Бухарева), с кем бы был знаком Гоголь в Московских Духовных школах. Ныне стало известно о его встрече с двумя выпускниками Академии — Михаилом Антоновичем Германовым, будущим кафедральным протоиереем в Томске, и Василием Петровичем Нечаевым, впоследствии настоятелем московского храма Святителя Николая в Толмачах, а потом епископом Костромским и Галичским Виссарионом (владыка известен как духовный писатель и один из основателей журнала "Душеполезное Чтение").

Василий Нечаев в 1844 году окончил Тульскую Духовную семинарию и как один из лучших воспитанников был направлен для получения высшего богословского образования в Московскую Духовную Академию, которую окончил в 1848 году также в числе лучших студентов. Его магистерское сочинение — "Святой Димитрий, митрополит Ростовский" — было написано на тему, предложенную профессором, а затем ректором Московской Духовной Академии протоиереем Александром Васильевичем Горским, и опубликовано отдельной книгой в Москве в 1849 году. 20 ноября 1848 года Горский обратился к историку Михаилу Петровичу Погодину, у которого было известное собрание русских древностей, с письмом, рекомендуя ему двух студентов, только что окончивших Академию — Нечаева и Германова (также окончившего курс со степенью магистра и направленного в Воронежскую Духовную семинарию). "Один из них (Нечаев. — В.В.), — писал Горский, — имеет до вас особенную нужду; другой желает воспользоваться кратким временем пребывания в Москве, чтобы вместе с товарищем познакомиться с вашим богатым музеем. Оба посвятили свои последние труды в Академии русской церковной истории. Оба из лучших наших воспитанников, ныне окончивших курс, и оба, как еще школьники, не смелы. Имеющий до вас покорнейшую просьбу г. Нечаев занимался в последнее время обзорением жизни и трудов святителя Димитрия Ростовского. Сочинение его приготовлено к печати. Между тем, мы узнали, что ме-

жду бумагами, переданными вам И.М. Снегиревым¹, есть перечень слов святителя, находящийся между рукописями Новгородской Софийской библиотеки и не изданный в свет. (Об этом сказывал мне сам Иван Михайлович.) Сделайте милость, позвольте нам списать этот перечень..."²

Погодин, хорошо знавший профессора Горского, исполнил его просьбу и принял молодых людей 22 ноября того же 1848 года. В дневнике Погодина за этот день помечено: "Студенты из семинарии. О семинарии. Показывал Гоголю"³. О встрече с Гоголем рассказывает и сам Нечаев в письме к Горскому от того же 22 ноября: "Высокоуважаемый мой наставник Александр Васильевич! Благодаря вашему письму был я с Михаилом Антоновичем (Германовым. — В.В.) у М.П. Погодина. Он был так снисходителен, что показал нам все свои археологические и исторические редкости с объяснениями и замечаниями, в числе редкостей показал нам также Н.В. Гоголя, который промолвил при нас пару слов и в ту же минуту скрылся в свой кабинет писать свои "Мертвые души"⁴.

Осенью 1851 года, после возвращения из Оптиной Пустыни, на Покров, Гоголь решает ехать в Троице-Сергиеву Лавру, чтобы помолиться в день именин своей матери. 30 сентября он заходил к Степану Петровичу Шевыреву, профессору Московского университета, но не застав его дома, оставил ему записку: "Я еду к Троице с тем, чтобы там помолиться о здоровье моей матушки, которая завтра именинница".

В тот же день Гоголь приезжает в Абрамцево, где его появление, никем не ожидаемое, всех изумило и обрадовало. На следующий день он едет к обедне в Троице-Сергиеву Лавру, находящуюся в тринадцати верстах.

¹ Иван Михайлович Снегирев — известный собиратель и знаток церковных древностей.

² Корсунский И.Н. Преосвященный Виссарион, епископ Костромской. По случаю 50-летнего юбилея церковно-общественной его деятельности. М., 1898. С. 6.

³ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Спб., 1895. Кн. 9. С. 476.

⁴ Корсунский И.Н. Преосвященный Виссарион, епископ Костромской. С. 7.

Там он вместе с отцом Феодором (Бухаревым), с которым познакомился еще в 1848 году, посетил студентов Московской Духовной Академии. В предисловии к своей книге, вышедшей в 1860 году, архимандрит Феодор так рассказывает об этом: "Студенты приняли его с восторгом. И когда при этом высказано было Гоголю, что особенно живое сочувствие возбуждает он к себе тою благородною открытостью, с которой он держится в своем деле Христа и Его истины, то покойный заметил на это просто: "Что ж? Мы все работаем у одного Хозяина"⁵.

Об этой встрече также рассказывает Василий Крестовоздвиженский, бывший тогда студентом Академии. Его воспоминания были опубликованы в 1860 году в газете "Московские Ведомости". Впоследствии фрагменты из них не раз перепечатывались

с искажениями и неточностями. Приведем это важное свидетельство с возможно большей полнотой: "Не знаем, как теперь, — пишет В. Крестовоздвиженский, — но в пятидесятых годах (1848–1852 гг.) студенты Московской Духовной Академии с особенною любовью читали и перечитывали сочинения Гоголя; многие выдержки из его повестей, особенно из "Мертвых Душ", учили наизусть; а "Ревизора" и "Женитьбу" несколько раз даже играли в своих комнатах, хотя без всякой почти сценической обстановки, но зато без помощи суфлера. Словом, произведения Гоголя были в то время постоянным предметом суждений и занятий воспитанников. При таком настроении, при этом дружном увлечении Гоголем, весьма естественно в каждом из воспитанников проявлялось желание видеть Николая Васильевича лицом к лицу. Что если б он встретился где-нибудь? Что если бы вошел сюда? и так далее. Зная, что Николай Васильевич нередко бывает в Лавре, студенты, в встречавшихся лицах, напоминающих какими-нибудь чертами

Нашим современникам открывается подлинный лик Гоголя как великого духовного писателя России.

Патриарх Алексий II

портрет Гоголя, воображали, что видят самый оригинал. Как бы то ни было, но счастье видеть Николая Васильевича казалось несбыточным, хотя Троицкая Лавра не слишком удалена от Москвы, куда уже возвратился Гоголь. Но судьба ли сжалилась над бедными студентами, или, как говорят, сердце сердцу весть подало, только настал и для студентов счастливый день, в который они увидели, наконец, желанного Гоголя. Это было 1-го октября 1851 года. В послеобеденное время, часа в четыре или пять, студенты пользовались по-своему свободным от учебных занятий временем: одни гуляли по саду; другие, оставшиеся в комнатах, или читали, или ходили и курили, или покоились на диванах и столах, положив под головы огромные фолианты. Один, помнится, играл на скрипке. Вошедший

в это время в комнаты старших студентов профессорский слуга, по физиономии и приемам лучший тип гоголевского Петрушки, объявил, что сейчас придет о. Феодор с *Голицыным*.

"Так что ж?" — спрашивают студенты. "Только-с! Так приказано сказать." И с этими словами он вышел из студенческих комнат, где в ожидании гостя порядок несколько не изменился. Через несколько минут показался в дверях почтенный наставник студентов в сопровождении псевдо-Голицына. Студенты встали. Некоторые, видя в незнакомом посетителе знакомые черты, заметили вполголоса: "Это Гоголь!" О. Феодор, подойдя к группе студентов, сказал: "Вы, господа, просили меня (полновесное спасибо тому товарищу, который передал почтенному наставнику единодушное желание студентов) представить вас Николаю Васильевичу Гоголю, — я исполняю ваше желание". Обращаясь потом к дорогому гостю, он прибавил: "Они любят вас и ваши произведения".

"Не берусь, да и мудрено слишком передать, — замечает далее мемуарист, — что чувствовали в это время воспитанники, смотрящие прямо в лицо Гоголю, которым

⁵ Феодор (Бухарев), архимандрит. Три письма к Н.В. Гоголю, писанные в 1848 году. СПб., 1860. С. 5–6.

грезил каждый из них, как грезят пансионеры черными усами и эполетами. Очень естественно, что при такой неожиданности студенты не сказали ни слова. Молчал и Николай Васильевич. Он казался нам скучным и задумчивым. Это обоюдное молчание продолжалось несколько минут. Наконец, один из студентов, собравшись с мыслями, сказал за всех: "Нам очень приятно видеть вас, Николай Васильевич, мы любим и глубоко уважаем ваши произведения". Николай Васильевич, сколько можем припомнить, так отвечал приветствовавшим его духовным воспитанникам: "Благодарю вас, господа, за расположение ваше. Мы с вами делаем общее дело, имеем одну цель, служим одному Хозяину... У нас один Хозяин". Начав говорить несколько потупившись, Николай Васильевич произнес последние слова, устремив глаза к небу. Заметно в нем было какое-то смущение; он хотел сказать еще что-то, но как будто не нашелся и вслед за тем навсегда раскланялся со студентами, произнеся последнее "прощайте!" Только теперь очнулись воспитанники от тупого чувства, в которое повергла их неожиданность появления Николая Васильевича, и он вышел из дверей академических комнат при дружном, но отрывистом рукоплескании студентов".

Несмотря на краткость сказанных Гоголем слов, он все же выразил перед будущими пастырями очень важную мысль о том, что чувствует свою общность с ними в служении Христу.

О популярности Гоголя в стенах Московской Духовной Академии сохранилось еще одно свидетельство ее бывшего студента — протоиерея московской церкви Священномученика Ермолая на Козьем болоте отца Сергия Модестова. По его словам, многие выдержки и типичные выражения из "Мертвых душ" некоторые из студентов знали наизусть. "Помню, — рассказывает он, — наш товарищ из Тверской семинарии Владимир Николаевич Ретивцев, впоследствии монах и епископ Хрисанф,⁶ один из даровитейших, особенно любил декламировать эти выдержки. О Гоголе даже на классе Священного Писания читал лекции известный о. архимандрит Феодор Бухарев, причислявший Гоголя чуть ли не к пророкам-обличителям вроде пророка Иереми, плакавшим о пороках людских"⁷.

Близость взглядов своего профессора и Гоголя отмечали и казанские ученики архимандрита Феодора. Так, В.В. Лаврский, впоследствии протоиерей, написал в своем студенческом дневнике за 1856 год: "А замечательное сходство между идеями о. Феодора и идеями Гоголя; ныне мы читали его переписку с друзьями: при этом старшие студенты беспрестанно поражались удивительным сходством между идеями и даже выражением того и другого. Известно, что они были коротко знакомы; но кто из них у кого заимствовал этот дух и взгляд? — Невероятно было бы думать, что духовный от светского"⁸.

⁶ Преосвященный Хрисанф, епископ Астраханский, потом Нижегородский, — духовный писатель.

⁷ Из воспоминаний протоиерея С.С. Модестова. У Троицы в Академии. 1814–1914. Юбилейный сборник исторических материалов. М., 1914. С. 121.

⁸ Лаврский В., протоиерей. Мои воспоминания об архимандрите Феодоре (А. М. Бухареве)//Богословский Вестник. 1906. Т. 2. № 5. С. 118.

И тем не менее, совершенно очевидно, что в данном случае Гоголь повлиял на отца Феодора.

Судьба Александра Матвеевича Бухарева (в монашестве архимандрита Феодора) в некотором смысле представляет как бы перевернутый вариант судьбы Гоголя. Оба стремились внести христианские начала во все сферы человеческой жизни — личную, семейную, общественную. Но направление их в следовании по этому пути было противоположным. Отец Феодор впоследствии подал прошение о снятии с себя сана и выходе из монастыря (хотя был, по его словам, "монахом не фальшивым, а по совести"), оправдывая свой поступок тем, что собирався проповедовать христианство в миру, — он стал литературным критиком и церковным публицистом.⁹ Гоголь, напротив, тянулся к монашеству из мира, который вполне не мог его удовлетворить.

На обратном пути из Троице-Сергиевой Лавры Гоголь в коляске, присланной из Абрамцева, заехал в Хотьково в Покровский женский монастырь за Ольгой Семеновной Аксаковой, и сам заходил за ней к игуменье Магдалине. В монастыре, в храме Покрова, погребены родители преподобного Сергия, схимонах Кирилл и схимонахиня Мария, у гробницы которых читали несусаемую Псалтирь и служили панихиды. Отсюда Гоголь вместе с Ольгой Семеновной приехал в Абрамцево, отстоящее в трех верстах от монастыря. "За обедом Гоголь поразвеселился, — вспоминал Сергей Тимофеевич Аксаков, — а вечером был очень весел. Пелись малороссийские песни, и Гоголь сам пел очень забавно. Это было его последнее посещение Абрамцева и последнее свидание со мною".

3 октября Гоголь возвратился в Москву. На этот день была назначена свадьба его сестры Елизаветы Васильевны с саперным офицером Владимиром Ивановичем Быковым.

Вечером того же дня Гоголь пишет письмо матери и сестрам Анне и Елизавете: "Не удалось мне с вами повидаться, добрейшая матушка и мои милые сестры, нынешней осенью. Видно, уж так следует и угодно Богу, чтобы эту зиму я остался в Москве. <...> Бог, ижеждо хочет, побеждает естества чин. А потому верю, что если вы будете обо мне усердно молиться, то и здесь соберутся во мне силы и я буду здоров и годен для труда и работы". В приписке Гоголь сообщал: "В день ваших именин, матушка, молился я у мощей св. Сергия о вас и о всех нас. Здоровье ваше с новобрачными было пито мной за обедом у Аксаковых, которые все вас поздравляют". А сестру Ольгу, которая лечила крестьян в Васильевке, извещал в записке, что посылает ей десять рублей серебром на бедных и лекарства.

Больше Гоголь Москвы не покидал.

⁹ Под своим светским именем он напечатал несколько богословских и критико-публицистических статей, в том числе о романах "Отцы и дети" И.С. Тургенева, "Что делать?" Н.Г. Чернышевского, "Преступление и наказание" Ф.М. Достоевского (большинство работ вошло в сборник: О современных духовных потребностях мысли и жизни, особенно русской. М., 1865). Отдельные сочинения его переизданы в книге: Русские духовные писатели. Архимандрит Феодор (А. М. Бухарев). О духовных потребностях жизни. М., 1991.

Вольнослушатель

В.С. Соловьев в Московской Духовной Академии

Владимир Сергеевич Соловьев родился 16 января 1853 года. По материнской линии он являлся потомком выдающегося философа XVII столетия Григория Саввича Сковороды (1722–1794). В 1864 году он был определен в гимназию, которую закончил в 1869 году с золотой медалью. В том же году Владимир Сергеевич поступил на физико-математический факультет Московского университета, а в 1872 году перешел вольнослушателем на историко-филологический факультет. В 1873 году, сдав экзамены и получив степень кандидата историко-филологических наук, В.С. Соловьев поступил вольнослушателем в Московскую Духовную Академию. В университете на него оказали влияние, очевидно, всего два профессора: П.Д. Юркевич (1826–1874) и протоиерей А.М. Иванцов-Платонов (1835–1894). В университете Соловьев уделял мало¹ времени учебному процессу и предпочитал заниматься самообразованием². Мирозренческую эволюцию Соловьева от материализма к религиозному миропониманию можно представить следующим образом. В 16 лет он познакомился с учением Спинозы и под его влиянием мало-помалу стал освобождаться от материалистических идей. После Спинозы он изучает Фейербаха и Милля. Внимательное изучение Канта и Шопенгауэра более всего способствовало идейному прозрению еще совсем юного философа. Далее идет увлечение Фихте, Гартманом, Шеллингом, Гегелем. Шеллинг оказал огромное влияние на Соловьева, сопоставимое разве что с влиянием Шопенгауэра. После освобождения от идей материализма “для Соловьева

наступает уже иная пора: постепенно он является создателем своей особой, собственной философской системы...”³ Надо думать, что общение с П.Ю. Юркевичем было так же весьма полезным в философском плане для Соловьева. Ведь Юркевич был хорошим знатоком древней философии.⁴ Известное влияние особенно в юношеские годы на Соловьева оказали славянофилы А.С. Хомяков (1804–1860) и И. В. Киреевский (1806–1856).⁵ Однако Соловьев никогда не был всецело славянофилом или западником. “Призывает он... к новому будущему, которое не есть ни Восток, ни Запад, а синтез того и другого” — говорит С.М. Соловьев.⁶ Он был оригинальный мыслитель, и именно в этом его таинственная притягательность. Он, как “русский Ориген”, занимался постановкой и разработкой именно тех вопросов, над которыми трудились следующие поколения русских философов. Именно с его именем связано возрождение самостоятельной русской философии, хотя он и не был на этом поприще первопроходцем. Не будь тех же Хомякова и Киреевского, неизвестно, состоялся бы Соловьев как оригинальный мыслитель философии всеединства.

³ Лопатин Л.М. Философские характеристики и речи. М., 1911 // Философское мирозерцание В. С. Соловьева. С. 124.

⁴ Попутно следует отметить, что Юркевич интересовался спиритизмом, которому достаточную часть своей юности отдал и Соловьев. Он же рекомендовал Соловьеву для чтения Беме, Сведенборга именно в 1873 году, то есть в год поступления Соловьева вольнослушателем в Духовную Академию. Этому совету, как мы увидим впоследствии, молодой философ внял. Видимо, связь между двумя мыслителями была большей, нежели считают некоторые исследователи творчества Владимира Сергеевича?

⁵ См.: Лопатин. Цит. соч. С. 132. Трубецкой; Е.Н. Мирозерцание Вл. С. Соловьева. М., 1995. Т. 1, гл. XII.

⁶ Соловьев С.М. Цит. соч. С. 80.

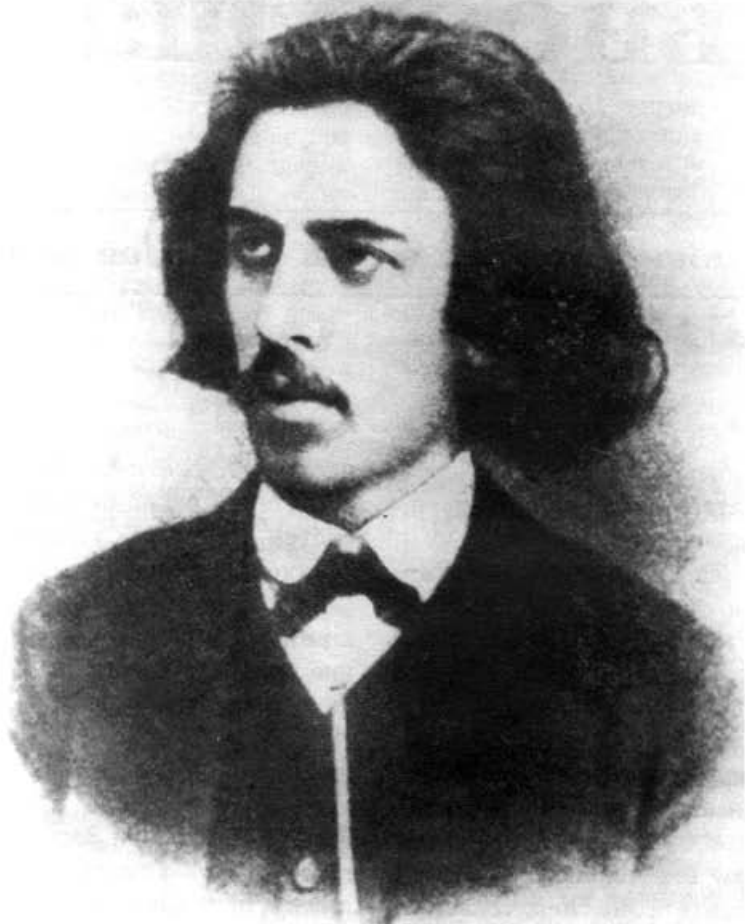
¹ Лукьянов. Т.1. С. 170, 173–175.

² Н.И. Кареев вспоминал: “Соловьева, как студента не существовало...” // Цит. по: А. Ф. Асмус. Владимир Соловьев. М., 1994. С. 21.

Рождение смысла

О том, что после университета Соловьев хотел слушать лекции в Московской Духовной Академии, сохранилось свидетельство его самого. О этом своем желании он пишет своей кузине Е.В. Романовой следующее: "...представь себе, что некоторая, хотя бы небольшая часть человечества вполне серьезно, с сознательным и сильным убеждением будет исполнять в действительности учение безусловной любви и самопожертвования: долго ли устоит неправда в мире? — но до этого... далеко. Теперь же нужно еще сильно поработать над теоретической стороной, над богословским вероучением. Это мое настоящее дело... Ты, вероятно, знаешь, что я этот год буду жить при Духовной Академии для занятий богословием. Вообразили, что я хочу сделаться монахом и даже думаю об архиерействе. Нехай — я не разуверяю. Но ты можешь видеть, что это вовсе не подходит к моим целям. Монашество некогда имело свое высокое значение, но теперь пришло время не бегать от мира, а идти в мир, чтобы его преобразовывать".⁷ Из этого письма мы видим, что собственная философская система Соловьевым уже вынашивалась и, видимо, уже приняла к тому времени довольно определенные очертания. Родители Соловьева были против его пребывания в Академии,⁸ не понимали этого поступка и

В. С. Соловьев в студенческие годы

его товарищи.⁹ Однако выбор был сделан. В.С. Соловьев в письме кузине от 6-го сентября 1873 года возвещает о своем переселении в Сергиев Посад через два дня, т.е. 8-го сентября. В этом же письме прилагается и адрес: "Московская губерния, Сергиев Посад, Новая монастырская гостиница, № 49, В.С.С."¹⁰ Соловьев, таким образом, прибыл в Академию к началу учебного года. "Официально учебный год в Духовных Академиях продолжался тогда от 15 августа до 15 июня. В МДА собственно учебные занятия начинались, впрочем, лишь с 9 сентября, после молебна накануне, в праздник Рождества Пресвятой Богородицы".¹¹

Существует предположение, высказанное отцом Павлом Флоренским (1882–1937) биографу Со-

ловьева, С.М. Лукьянову, что "Соловьев был принят вольнослушателем по частному письму Московского митрополита Иннокентия к ректору".¹² Сколько точно по времени являлся Соловьев вольнослушателем, сведений не имеется, хотя время это, безусловно, ограничивается одним учебным 1873/74 годом. Вот, что пишет сам Владимир Сергеевич о своем прибытии в Сергиев Посад в письме к Е.В. Романовой: "Я нахожусь теперь в довольно оригинальном положении. Приезд мой произвел в Академии почти такое же впечатление, как прибытие мнимого ревизора в тот знаменитый город, "от которого хоть три года скачи, ни до какого государства не доскачешь". Профессора здешние воображают, что я приехал с исключитель-

⁷ Соловьев В.С. Собрание сочинений. Т. 3. С. 89 // Лукьянов С.М. Цит. соч. С. 244.

⁸ "Соловьев С.М. этому плану не сочувствовал" // Лукьянов С.М. Цит. соч., С. 313. Отец Павел Флоренский сообщал С.М. Лукьянову, что "ему лично приходилось слышать (в конце 1904 или в начале 1905 гг.) очень неодобрительные отзывы об Академии от П. В. Соловьевой, матери Владимира Сергеевича" // Лукьянов С.М. Цит. соч. С.329.

⁹ "Некоторые из гимназических товарищей видели тут просто чудачество" // Лукьянов С.М. С. 313.

¹⁰ "Письма Вл.С. Соловьева" под редакцией Э.Л. Радлова. Т. 1-3. Спб., 1908-1911. Т. 3. С. 99.

¹¹ Лукьянов С.М. Цит. соч. С. 314.

¹² Там же. С. 315.

ной целью смутить их покой своею критикою. Любезны все со мною до крайности, как городничий с Хлестаковым. В благодарность за это оставляю их по возможности в покое (хотя те лекции, которые я до сих пор слышал, довольно порядочны). Впрочем, они сами весьма низко ценят себя и свое дело и никак не могут поверить, чтобы постороннему человеку, дворянину и кандидату университета, могла прийти фантазия заниматься богословскими науками; и действительно, это первый пример; поэтому и предполагают во мне какие-нибудь практические цели. А между тем Академия не представляет такой абсолютной пустоты, как университет..." Далее в этом же письме Соловьев рассказывает о своей работе: "Во-первых, пишу Историю религиозного сознания в древнем мире (начало уже печатается в журнале)...; во-вторых, продолжаю заниматься немцами и пишу статью (также для журнала) о современном кризисе западной философии...; в-третьих, читаю греческих и латинских богословов древней Церкви. Их изучение... необходимо для полного понимания христианства"¹³. В Академии находилась одна из крупнейших библиотек в России. "Академия тех лет еще сохранила дух митрополита Платона. Великолепная библиотека, с Аристотелем во всех изданиях, с Беме, Сведенборгом, вероятно много дала начинающему философу"¹⁴. С.М. Лукьянов говорит, что "мы с товарищами старались точнее определить, какие именно книги брал Соловьев в академической библиотеке. К сожалению, справки, наведенные отцом Павлом Флоренским, показали, что все библиотечные записи того времени, даже профессорские, не говоря о студенческих, уничтожены"¹⁵.

"На обычном акте Академии 1 октября 1873 года присутствовал и С.М. Соловьев"¹⁶. Видимо, "посещение им Академии... связано с тем, что его сын находился под ее покровом"¹⁷. Нам кажется, если появление Владимира Соловьева и вызвало некоторое волнение в Академии, то это связано не столько с ним самим, сколько с тем, что он приходился сыном С.М. Соловьеву,¹⁸ уважаемому всеми ученому.

Сергиевopосадский отшельник

Сергиев Посад того времени представлял собой захудалый провинциальный городок и для желающих проводить веселую жизнь был совершенно неподходящим местом, и напротив, для желающих заниматься наукой был идеальным уголком. "В Сергиевом Посаде Соловьев жил отшельником,

немецкие философы и греческие богословы "в трагательном союзе" наполняли его жилище"¹⁹. Пребывание Академи в Лавре давало особенный настрой для богословских занятий. К сожалению, воспоминаний о пребывании Соловьева в МДА имеется очень мало. Сохранилось воспоминание архиепископа Николая (Зиорова), являвшегося в то время студентом. Он сообщает о Владимире Соловьеве: "У ректора (А.В. Горского — С.Е.) была всегда полна аудитория... Приезжал слушать его лекции и В.С. Соловьев, впоследствии знаменитый философ и публицист. Бывал он (т.е. Соловьев) и на лекциях В.Д. Кудрявцева и В.Н. Потапова. Помню его фигуру худощавую, всегда серьезную, задумчивую. Дружил Соловьев только со студентом Александром Хитровым"²⁰. Имеется также воспоминание о Соловьеве профессора Муретова, который в 70-е годы также учился в Академии, но они касаются больше внешнего облика философа. В воспоминаниях Муретов, в частности, отмечает, что "ни с кем из студентов я не видел его разговаривающим... Встречал я его на лекциях у Потапова по истории философии. Мерещится почему-то, что видел его на лекциях архимандрита Михаила Лузина... Но возможно, что видел я Соловьева... у... Кудрявцева или кого другого..."²¹. М.Д. Муретов, как и архиепископ Николай, также отмечает то, что Соловьев слушал лекции прот. А.В. Горского.²² Друг Соловьева по гимназии и университету Н.И. Кареев, впоследствии известный историк, сообщает о пребывании Соловьева в Академии: "Сам хорошо помню поездку к нему с А.А. Соколовым зимою... Мне довелось слышать шуточные отзывы (Соловьева про Академию), но я сам не придавал им значения подлинных мнений Соловьева об Академии. В общем, однако, сквозило некоторое разочарование, выразившееся в таких преувеличениях, как, например, заявленное о том, что некоторые профессора настоящие нигилисты. Было немало веселых анекдотов..."²³. Отец Павел Флоренский сообщает со слов В.С. Смирновой о том, что Соловьев был в дружеских отношениях с С.К. Смирновым, который в бытность вольнослушателем Соловьева в Академии исполнял обязанности инспектора. Философ навещал его на квартире и вел с ним беседы.²⁴ Как можно видеть из всего вышесказанного, Соловьев слушал лекции прот. А.В. Горского (1812–1875), проф. В.Д. Кудрявцева (1828–1891), В.Н. Потапова (1836–1890), был знаком с С.К. Смирновым (1818–1889) и, очевидно, слушал архимандрита Михаила (Лузина) (1830–1887). О прот. А.В. Горском Соловьев был очень высокого мнения. В 1896 году Владимир Сер-

¹³ "Письма Вл. С. Соловьева" под редакцией Э.Л. Радлова. Т.1-3. Спб., 1908-1911. Т. 3. С. 105-106.

¹⁴ Соловьев С.М. Цит. соч. С. 68.

¹⁵ Лукьянов С.М. Цит. соч., примечание № 621.

¹⁶ Там же. Примечание № 623.

¹⁷ Лукьянов С.М. Цит. соч. С. 324.

¹⁸ Там же. С. 323.

¹⁹ Соловьев С.М. Цит. соч. С. 67.

²⁰ Лукьянов. Цит. соч. С. 325–326.

²¹ Там же. С. 328.

²² Там же. Примечание № 631.

²³ Там же. С.329.

²⁴ Там же. См. примеч. № 634.

геевич писал, что “в один из последних годов жизни А.В. Горского я был с ним близок в качестве вольного слушателя Московской Духовной Академии, где он был ректором”.²⁵ М.Д. Муретов высказывает мысль о том, что в богословском плане Соловьев в некоторых вопросах следует за А.В. Горским. “Вообще, при знакомстве со специально богословскими мыслями Соловьева мне почему-то всегда припоминался Горский. Вероятно, Горский имел самое сильное влияние на Соловьева — с этой стороны. Быть может, ему же обязан философ и своею религиозностью, и устремлениями в богословские области”²⁶. С последним суждением Муретова можно согласиться лишь отчасти, так как внимание к богословию у Соловьева обнаружилось еще до знакомства с Академией и, в частности, с ее ректором Горским. Это хорошо видно из письма Соловьева к своей кузине.

В.Д. Кудрявцев-Платонов ко времени появления Соловьева в Академии был уже довольно зрелым философом. Его влияние на Соловьева также не стоит игнорировать.²⁷ Один из студентов в своих воспоминаниях замечает, что “Владимир Соловьев становился на ноги не без помощи Виктора Дмитриевича (т.е. Кудрявцева — С.Е.); он слушал его лекции в Московской Академии. Как знать не будь Кудрявцева, Соловьев, может быть, и не устоял бы против бешеного натиска позитивизма”.²⁸ В связи с этим, интересную информацию сообщает С.М. Лукьянов: “Нельзя, однако же, не отметить одного небольшого труда, который подготовлялся как раз в то время, когда Соловьев состоял посторонним слушателем Академии. Труд этот, под заглавием: “Критический разбор учения О. Конта о трех методах философского познания”, представляет собою речь (Кудрявцева-Платонова — С.Е.), произнесенную на публичном акте Академии 1-го октября 1874 г. <...> “Магистерская диссертация Соловьева, направленная тоже против позитивизма, заканчивалась печатанием именно в одиннадцатой, т. е. ноябрьской, книжке православного обозрения за тот же год”.²⁹ Очень возможно, что между двумя работами существует не только хронологическая связь.

²⁵ Там же. С. 335.

²⁶ У Троицы в Академии. 1814-1914 гг. Юбилейный сборник исторических материалов. М., 1914. С. 224.

²⁷ “Личная приязнь и доверие к профессору Московского университета П. Д. Юркевичу и Московской Духовной Академии В.Д. Кудрявцеву давали ему неисчерпаемый источник радости и самоусовершенствования” // *Величко В.Л.* Владимир Соловьев. Жизнь и творения. Изд. 2. Спб., 1904. С. 21

²⁸ У Троицы С. 182, 183.

²⁹ С.М. Лукьянов. См. прим. № 646 С. 338. Там, в частности, написано о том, что по словам Э. Л. Радлова “в особенности” усердно Соловьев посещал лекции В.Д. Кудрявцева-Платонова // См. *Радлов Э.Л.* Вл. Соловьев. Жизнь и учение. Спб., 1913. С. 13.

Соловьев и София

Есть еще одно небезыңтересное свидетельство или, скорее, догадка о влиянии академической среды на Соловьева. Дело в том, что, когда Соловьев был вольнослушателем, профессор Д.Ф. Голубинский, сын известного философа о. Феодора Голубинского, преподавал естественно-научную апологетику в МДА. Вот выдержка из письма отца Павла Флоренского на имя С.М. Лукьянова от 2 марта 1916 г.: “... считаю нужным отметить один интересный, думается, пункт, могущий пролить свет на генезис философии Вл. Соловьева. Вл. Соловьев был близок с Д.Ф. Голубинским, сыном известного протоиерея — философа Ф.А. Голубинского. Последний же, как выясняется, глубоко вынашивал в себе идею Софии (см. в Богословском вестнике, 1915 г. окт. нояб. дек. А.И. Бухарева (архим. Феодора) стр. 785–867), которая перешла от него к Бухареву. Дм. Ф. Голубинский, читатель памяти и идейных заветов отца своего, вероятно, сообщил ее и Соловьеву. Нужно думать, что именно из Академии, по-видимому, вынес эту идею Соловьев, так как после Академии он специально посвящает себя поиску литературы в этом направлении (путешествие за границу). Мне представляется, что Соловьев поступил в Академию просто для занятий богословием и историей Церкви, но потом, набредя на предустановленную в его душе Софию, бросил и Академию, и богословие вообще и занялся специально Софией. Это, конечно, моя догадка. Но весьма интересно было бы проверить ее. Если бы она подтвердилась, то тогда вышло бы, что Соловьев нашел себя именно в Московской Академии. — Очень важно было бы узнать об отношениях Соловьева к Д.Ф. Голубинскому. В Академии имеется еще не рассмотренный Дневник последнего, и очень может быть, что там говорится о Соловьеве”.³⁰ Как будто в косвенное подтверждение предположения отца Павла Флоренского имеется свидетельство племянника Вл. Соловьева, С.М. Соловьева-младшего: “В подтверждение догадки П. А. Флоренского могу сообщить, что я читал “Христософию” Беме из библиотеки Академии и заметил, что пометки синим карандашом, сделанные на полях, очень напоминают руку Соловьева, который — увы! — не церемонился с академическими книгами и испещрял их своим карандашом...”³¹ Однако доподлинно известно то, что Соловьеву Беме и Сведенборга рекомендовал для чтения Юркевич, еще в университете, и вовсе не обязательно связывать чтение этих книг с суждени-

³⁰ Лукьянов С.М. Цит. соч., примеч. № 662. С.343–344. О судьбе этих дневников нам ничего не известно. В библиотеке МДА они отсутствуют.

³¹ Соловьев С.М. Вл. Соловьев. Жизнь и творческая эволюция. М., 1997. С. 69.

ем отца Павла Флоренского, которое к тому же носит гипотетический характер.

Небесполезно будет несколько коснуться и личности отца Ф. Голубинского. На сегодняшний день хорошо известно то, что Ф. Голубинский имел определенные связи с масонством, более того, он дошел до степени мастера.³² Думается, что именно оттуда им была воспринята идея Софии, которая, возможно, впоследствии "по наследству" перешла и к Соловьеву.³³ Но вполне допустимо и то, что Соловьев обратил внимание на идею Софии под косвенным влиянием Юркевича (ведь он же рекомендовал Соловьеву Беме), а знакомство со взглядами отца Ф. Голубинского имело определяющее значение для Соловьева. В любом случае, трудно точно определить, что явилось побудительным мотивом для софиологии Соловьева.

Если бы Соловьев женился?..

Этим практически и ограничиваются наши знания о жизни и занятиях Соловьева в Академии. Какое влияние Академия имела на мировоззрение Соловьева, окончательно может выясниться при сопоставлении идей Соловьева с учением тех профессоров, слушателем которых он являлся в МДА, но такой работы, насколько нам известно, никто еще не предпринимал. Многие исследователи склонны считать, что о каком бы то ни было влиянии Академии на Соловьева говорить вовсе не приходится.³⁴ Однако нам представляется такое суждение поспешным и не могущим претендовать на объективность. Во всяком случае, мы твердо знаем, что Соловьев был в Академии, слушал здесь лекции, пользовался библиотекой, общался с преподавателями, и уже одно это позволяет нам говорить о связи Соловьева с Академией. Если она и не имела влияния на Соловьева, как думают некоторые исследователи, в частности А.Ф. Лосев³⁵, то такое суждение еще более приложимо к университету, так как отзывы философа об Академии более положительные, чем о Московском университете. В первую очередь, это вызвано тем, что по сравнению с Духовными Академиями положение философии в университетах

было более печальным.³⁶ "В то время как в Московской Духовной Академии читались рефераты по философии, обсуждался смысл и значение философии Канта, в журнале, издававшемся при Московском университете ("Вестник Европы"), Канта, Фихте и Шеллинга называли сумасшедшими и их сочинения "немецкой галиматей". Юные студенты (МДА — С.Е.) удивлялись невежеству и нелепости суждений университетского журнала".³⁷ Может, и Академия³⁸ сыграла не последнюю роль в том, что Соловьев так много времени уделял собственно церковной проблематике, хотя его идеи зачастую и не согласуются с учением Православной Церкви. "В Сергиевом Посаде, с которым Соловьев не порывал связи и в позднейшие годы, было, можно сказать, лишь окончательно закалено то орудие, с которым выступил наш даровитый мыслитель на поприще общественной деятельности".³⁹

После Академии для Соловьева начинается творческий путь философа, который состоял как в радостях, так и в разочарованиях, как в приближении к Истине, так и в уходе от Нее. Его жизнь вышла надломленной, и в итоге Владимир Сергеевич, подорвав свои физические силы различного рода разочарованиями и неурядицами, ушел из жизни достаточно молодым. Кончина Соловьева последовала 31 июля 1900 года. Отпевали его в университетской церкви святой великомученицы Татианы. Жизнь его оборвалась неожиданно и, можно сказать, трагично.

Кто знает, не пленись Соловьев идеей софии, может быть, его жизнь и деятельность протекали бы в ином русле. Не пройди он мимо ценностей Православия и такого удивительного явления как старчество (хотя он бывал у преподобных Амвросия Оптинского и Варнавы Гефсиманского), послушайся он слов старца Варнавы, который советовал ему жениться, тогда, вполне возможно, жизнь Владимира Сергеевича сложилась бы иначе.

Путь и опыт Владимира Соловьева способен заставить задуматься всех тех, кто ознакомится с его жизнью и творчеством. Складывается впечатление, что он принес себя в жертву. Кому? На этот вопрос каждый может попытаться ответить себе сам.

Диакон Сергей Ефимов, 1 курс МДА

³² Гаврюшин Н.К. Самопознание как таинство (предисловие) // Русская религиозная антропология. Т. 1. М., 1997.

³³ Назвав свою путеводительницу Софией, направив русскую философию в сторону искания "божественной мудрости", Соловьев, в сущности, перебрал мост традиции в рубеж XVIII—XIX вв.: прецедент софиологии в истории русской культуры — это идеология масонства XVIII в. вместе с мистическими исканиями эпохи Александра I". Бонецкая Н.К. Русская софиология и антропософия // Вопросы философии. 1995. № 7. С.97.

³⁴ Лосев А.Ф. Вл. Соловьев и его время. М., 1990. С. 24.

³⁵ Там же. С. 24—25.

³⁶ Асмус В. Ф. Вл. Соловьев. М., 1994. С. 21.

³⁷ Глаголев С. Прот. Ф.А. Голубинский "Памяти почивших наставников". Изд. Имп. Моск. Дух. Акад. ко дню ее столетнего юбилея. Сергиев Посад, 1914. С. 20—21.

³⁸ Асмус В.Ф. отмечает, что "при всех сознававшихся самим Соловьевым недостатках, Духовная Академия сыграла немаловажную роль в идейном развитии философа" // Асмус В.Ф. Вл. Соловьев. М., 1994. С. 23, 24.

³⁹ Лукьянов С.М. Цит. соч. С.349.

Воспоминания об Академии

(1910–1915)

Продолжение. Начало в № 2 (5), 3 (6) за 1997 и 1 (7) за 1998 г.

1913–1914 УЧЕБНЫЙ ГОД

В Академии есть перемены. Новый инспектор — архимандрит Иларион (Троицкий). На место помощника инспектора, иеромонаха Николая, назначен только что окончивший Академию иеромонах Иоасаф (Шишковский), впоследствии, в первые годы революции — епископ Кашинский. Кроме них увидели еще двух новых монахов, студентов Академии Олейникова и Сапожникова, постриженных на летних каникулах.

Приехали и разом окунулись в привычную “институтскую” обстановку. Лекции, обед, ужин, прогулка по Вифанке, навещаем старых добрых знакомых, вечером — легкое чтение и изучение ... инспекторских приказов:

“Впредь, до особых объявлений, студентам ходить в Трапезную церковь Сергиевой Лавры. Вставать на правой стороне в стройные ряды и по курсам, в порядке: 1, 2, 3, 4-й;”

“Быть студентам на молебне перед началом учебного года в Троицком соборе 9 сентября 1913 года.”

И 7 сентября субинспектор иеромонах Иоасаф уже разыскивал отсутствовавших за всенощной по студенческим номерам. Из нашего номера в церкви не были: я, Покровский, Голубцов. Куханов ушел из церкви прежде времени и получил замечание. Я — за нехождение в церковь — имел замечание несколько позже.

Исчез из Академии знаменитый Алмазов, на его место заступил юноша Александр Васильевич Ремезов, только что окончивший Академию, из так называемых “братчиков”, но парень добрый, и ничего против него не скажешь. “Братчики” — это студенты, составившие добровольное общество религиозной пропаганды. Они вели церковно-общественную деятельность, выражавшуюся, главным образом, в произнесении проповедей в академической церкви и в церквях Сергиева Посада.

Появился и ряд других новых профессоров, таких же юных и по возрасту, и в науке.

15 сентября инспектором вывешено объявление-приказ, в котором он просит студентов I курса не брать примера со студентов старших курсов и не делать от-

ПРОФЕССОРА

ступлений от установленной формы одежды для студентов Академии. Старших студентов просит "по крайней мере" не надевать одежду зеленого цвета в официальных случаях. "Все уклонения от нормы будут рассматриваться как проступок против дисциплины".

17 сентября. Во время молитвы, после ужина, студенты почему-то рассмеялись. Что послужило поводом к смеху, — не помню. Смех во время молитвы неуместен. Это понятно каждому, но случилось так, что бородатые дети фыркнули, и Сомов (помощник инспектора) тут же вслух сделал общее замечание: "Молитву не смеются, а поют!" Помнится, подобный случай был со мной, когда я учился в первом классе семинарии и за обедней рассмеялся, но тогда субинспектор, стоявший за обедней недалеко от меня, после Литургии подошел ко мне и сказал: "Учитесь самообладанию." А в Академии — тут же всем и при всех: "Не смей смеяться!" <...>

25 сентября — торжественный и праздничный день Сергиева Посада. Торжественный перезвон 100 колоколов лаврской колокольни. Праздничный день и в Академии, и не менее торжественная, чем в Лавре, служба. У меня в гостях сестра Мария, Елена Егоровна Зверева с двумя младшими своими сыновьями. С разрешения инспектора все обедали у меня в номере. Меню: заливная рыба с хреном, пирог с капустой, уха из свежего судака, жареная белуга с огурцами, арбуз.

Священно-Вася

У инспектора, архимандрита Илариона, был келейник. Говорят, что его родственник, привезенный им из Тульской губернии, с его родины. Звали его Василий, по фамилии Федулов, молодой человек... Других биографических сведений мы о нем не имеем. У отца Илариона Вася был и эконом, и служба, и друг, и наперсник. Вася убирал комнаты своего учителя, производил закупки, бегал на академическую кухню за обедом, убирал посуду и т. д.

Характера Вася был весьма подвижного, любил пошучить и посплетничать. Общительность Васи скоро позволила ему завести знакомства со студентами, но так как он был человек малограмотный, то все его знакомство и ограничивалось одними пересмешками и сообщением кое-каких сплетен из гостиной инспектора. Но эти свои "новости" Вася доверял далеко не всем, а наиболее близким ему знакомым; среди них не были отвергнуты и поклонники Бахуса. Вася любил выпить, но так как он очень боялся "атца Илариона", как он называл своего патрона, то это последнее он делал с большими предосторожностями. Студенты знали, что Вася ведет хозяйство у инспектора, знали и то, что у него можно было призанять деньжонок, а иногда особо доверительным лицам Вася наливал чашечку водки, которая у отца Илариона всегда была, хотя сам он не пил никогда и ничего. Добрый по натуре, Вася не мог отказать просившему приятелю, и, если обстановка позволяла ему сотворить "доброе дело", в просьбе студенту он не отказывал. При этом он очень любил, чтобы его приглашали в компанию, которая случится у его "приятелей". Однажды Вася из-за любителей выпивок попал в весьма неудобное положение перед отцом инспектором, и тот с тех пор водочные дела взял на особый учет, а Вася стал более осмотрителен и осторожен.

Все профессора, с которыми мы встретились в аудитории в этом году, были молодые, новички в науке, только что закончившие обучение в Академии: Протасов, иеромонах Варфоломей, Ремезов, иеромонах Пантелеимон. Из этой плеяды, пожалуй, один только Протасов был с будущим.

Иеромонах Варфоломей — профессор по кафедре Ветхого Завета.

На первой лекции Варфоломея присутствовал Преосвященный ректор. Студенты Варфоломея слушали. Когда же закончилась лекция и новоиспеченный профессор вышел из аудитории, слушатели проводили его улыбаками до входной двери. В дальнейшем круг слушателей Варфоломея определился сам собою: клубуконосцы, а из "зеленых брюк", по обязанности — дежурные и те, кому надо было согласно учебному плану кафедры.

11 сентября. Варфоломей защищал своего "Аввакума", магистерскую диссертацию на соискание ученой степени. На диспуте его особенно донимал профессор по кафедре еврейского языка Е.А. Воронцов. "Ходишь, — говорил он, — немецкими дорожками — похвально, немцы народ почтенный, но ... нужно бы сначала изучить еврейский и латинский языки, а с ними вместе и эпоху, в которую жил пророк Аввакум ..." С.И. Смирнов, а затем А.П. Шостын (почему-то!) диспут покинули, не дождавшись его окончания.

Рецензенты резюмировали свою дискуссию так: "Степени магистра богословия заслуживает, но только при условии, что отец Варфоломей будет еще работать в этом направлении и его "Пророк Аввакум" будет не последним".

Ремезов Александр Васильевич — кафедра истории и обличения русского сектанства.

По виду совсем юноша, немного экзальтированный, он не мнил из себя "профессора". Держался с нами — как обычно держатся старшие студенты, более умудренные академической мудростью, в отношении к младшим. Он не кичился и не был заносчив. Говорил красиво, но без эффектаций, и это подкупало. А так как он и сам себя чувствовал "неожиданно для него преобразенным", то вел себя на кафедре, как старший товарищ. Погиб он в первую империалистическую войну, во Франции.

Иеромонах Пантелеимон (Успенский) — профессор по кафедре патрологии.

Пантелеимон, как лектор, не блистал ни словом, ни содержанием. Скромный и тихий от природы, он не кичился тем, что профессор, и смиренно нес тяготы монашеского послушания и своего профессорствования. Восшед на кафедру, отец Пантелеимон спокойно вынимал свои тетради из глубокого кармана монашеской одежды и, размеренно читая, излагал нам святоотеческие творения. Он, как и сам говорил, только еще излагает учения отцов Церкви и делает нам пересказ творений.

Архимандрит Иларион (Троицкий) — кафедра Нового Завета.

Вот это была вполне законченная личность. Вождь академических монахов и монашествующей братии, из которых весьма и весьма многие умильно поглядывали на ученого монаха, архимандрита и отца инспектора Академии. Обладая огромнейшей памятью, а отсюда и эрудицией, он в своих умозаключениях был смел и напорист, ломая все и всякие авторитеты, если они не входили в рамки его собственного мировоззрения.

О его полемических приемах М.М. Тареев, профессор нравственного богословия, так говорил: "Для его полемических задач выгодно представлять дело так, что всякая теория христианства неизбежно ведет к толстовщине и сектантству, но такое упрощение вопроса не лучше толстовской нетовщины и не выше приемов старообрядческого начетничества. Для христианской философии, для постижения христианства в его собственной сущности требуется мышление потоньше и поглубже, чем для апологии Церкви от внешних приражений"¹.

В этой характеристике обрисован весь о. Иларион. Он на первой же лекции бросил лозунг: "Академия для монахов!" — и как инспектор Академии объявил поход против вольномыслящих — и профессоров, и студентов. Лозунг ректора Феодора "Дело не в уставе, а в составе", брошенный им в сторону профессоров, Иларионом был целиком перенесен на студенческую среду. Свое инспекторство он рассматривал как часть практическую от Священного Писания Нового Завета.

Туберовский Александр Михайлович (Догматическое богословие) и **Алмазов Александр Иванович** (Церковное право) — люди, совершенно новые для нас, начали свои лекции в 20-х числах января. Мы их не знали. Туберовский — мистик. Алмазов, профессор Московского университета, принес в нашу аудиторию непривычную нам веселость изложения.

Виноградов Василий Петрович — кафедра гомилетики (церковное искусство проповеди). Василий Петрович — это тоже светлая личность среди наставников III курса. Большой почитатель М.М. Тареева, Василий Петрович требовал от проповедника прежде всего искренности, его личной веры и убежденности. — "Не заботься о том, чтобы было только блестяще прочитано, думай о том, что проповедуешь". У нас же обычно бывает так: списал, прочитал и слава Богу! Чего же еще — назидательно, спасительно и учительное! Василий Петрович требовал вдумчивого изложения религиозного опыта, убежденности. "А как делаются у нас проповеди, — говорил Василий Петрович, — в частности, вами, студентами: списал у какого-нибудь святого отца Церкви и думает: "Пусть-ка Виноградов поставит святому отцу три с плюсом!?"

Монашествующая братия не любила Василия Петровича за его "модернизм", за его насмешливое отношение к схоластике и официальной церковности. Особенно много неприятностей они доставили ему, когда Василий Петрович подал свою магистерскую диссертацию. Главным оппонентом был назначен его идейный противник Гумилевский, бывший преподаватель гомилетики в Московской Семинарии. Вторым — С.И. Соболевский, который заявил, что если Гумилевский согласится на присуждение Виноградову степени магистра богословия, то он возражать не будет.

Передавая свои "Уставные чтения" С.И. Соболевскому, Василий Петрович шутя говорил:

— Боюсь, Сергей Иванович, греческого языка — ошибок много...

— Что ж ошибки, — отвечал Соболевский, — поимем чего-нибудь посущественнее.

23 сентября состоялся диспут В.П. Виноградова. Советом Академии ученая степень Василию Петровичу была присуждена после долгих споров и настояний "инакомыслящих" профессоров.

ЭКЗАМЕНЫ

С 20 марта начались экзамены. Набираемся сил и усиленно готовимся к ответам.

25 апреля состоялся первый экзамен по Священному Писанию Нового Завета. Получил у Илариона балл 3.

Следующий экзамен по патрологии. Около стола стоял 35 минут. Получил 4 с половиной балла.

Не обходится дело и без инцидентов. На II курсе Поль (Павел Петрович) Соколов не допустил до экзаменов 10 человек за несдачу практических работ. Иларион Мещерскому, в сане диакона, за молчание у стола поставил 4 с половиной балла; С.И. Смирнов на II курсе принес и положил на стол свои программы "во избежание недоразумений" и одному студенту посоветовал экзамен пересдать.

Почему Сергей Иванович принес свои программы? Ведь у нас у каждого имелись на руках свои, отпечатанные в типографии программы? А ларчик просто открывался. Программы мы подписывали или, как говорили, подковывали. Приходит к Георгиевскому Ф. Вознесенский и спрашивает книгу для подготовки к экзамену: "Скоро кончишь ковать?"

А "ковали" добросовестно! Некоторые попадались с "подкованными" программами. Вот Сергей Иванович "во избежание недоразумений" и принес свои, чистенькие.

5 мая — литургика. Перед выходом к столу развернул программу и прочитал первый попавшийся билет под номером 23. Вышел к столу, вытащил 23 билет, получил 4 с половиной балла.

10 мая — экзамен по Ветхому Завету у Варфоломея. Один из студентов в одно из своих посещений ректора пожаловался, что Варфоломей дал к экзаменам очень большой материал, на что ректор ответил: "Что же? Он хочет вас сделать такими же учеными, как и он сам". Нечто подобное в ироническом тоне сказал ректор на экзамене и в адрес ученика. Варфоломей на экзамене почти каждому студенту предлагал вопрос: какой труд имеется у такого-то ветхозаветного пророка на русском языке (конечно, если отвечающий "вытащил пророка"). Никольский Николай отвечал о пророке Захарии. Ответ закончен, тогда экзаменатор задает вопрос:

— Какой труд о пророке Захарии знаете на русском языке?

— Рождественского отца Димитрия, — отвечает Никольский.

А отец Димитрий сидит тут же за экзаменационным столом, член комиссии. Эти вопросы или надоели ректору, или ради иронии, когда один из студентов повествовал о пророке Аввакуме, он, улыбаясь, спросил:

— А кто написал ученое экзегетическое исследование на книгу пророка Аввакума?

— ?! Отец Варфоломей, — последовал ответ.

И все весело улыбались: и профессора, и аудитория. Догматическое богословие изучил к экзамену сполна. Взял 17 билет, получил 4 с половиной балла.

Я на четвертом, последнем курсе Академии!

(Продолжение следует)

¹ Тареев. М.М. Философия жизни. Сергиев Посад, 1916. С. 265.

К. Е. СКУРАТ,
профессор Московской Духовной Академии,
доктор Церковной истории

Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин — отец Востока и Запада

Продолжение. Начало в № 1 (7) за 1998 г.

III. БОГОСЛОВИЕ ПРЕПОДОБНОГО ИОАННА КАССИАНА РИМЛЯНИНА

1. ПРЕПОДОБНЫЙ ИОАНН КАССИАН РИМЛЯНИН — УЧИТЕЛЬ ВНЕШНЕГО УКЛАДА ЖИЗНИ ПОДВИЖНИКОВ

*Великий Кассиан рассуждает превосходно
и возвышенно.*

Преподобный Иоанн Лествичник.¹

Цель, к которой стремится православный подвижник, состоит в пересоздании себя самого по внутреннему человеку, в облечении в нового человека праведности, святости (Еф. 4, 24). Эта цель и определяет описание преподобным Иоанном Кассианом внешнего уклада, строя истинного подвижника. Сему он посвящает, по преимуществу, первые четыре книги «О постановлениях киновитян». 1) «Об одежде монашеской». 2) «О ночных молитвах и псалмопении». 3) «О дневных молитвах и псалмопении». 4) «О правилах отвергающихся от мира». Как видно, в творениях преподобного Кассиана описание внешнего вида и строя жизни подвижника предшествует изображению подвига внутреннего человека. Это вовсе не значит, что последнее им умалется перед первым. Наоборот, описание действий «внешнего человека» служит лишь некоей подготовкой — основанием к более важному.

Другой причиной такой последовательности служило опасение Преподобного не успеть в своей земной жизни завершить задуманный большой труд. «Мы заботимся прежде всего о том, чтобы на случай, если преждевременный конец нашей жизни воспрепятствует нам изложить предполагаемый трактат, оставить вам в этом сочинении хотя начало особенно важного предмета» (17)². Надо сказать, что это «особенно важное» преподобный Кассиан не откладывал надолго и уже все последующие восемь книг «О постановлениях киновитян» посвятил теме внутренней жизни идущего к Богу человека.

Желающий вступить в киновию подвергался испытанию в искренности его намерения, в опыте его смирения и терпения. Строго проверялось, нет ли у вновь вступающего желания сохранить в своей келлии что-либо из своего прежнего имущества. Не принимали от него денег даже в пользу монастырей, остерегаясь, чтобы он из-за этого приношения не стал бы надмеваться и возноситься перед беднейшими. С удостоенного вступить в братство снимали прежние одежды и облекали в монастырские, научая этим отвергнуть все мирское (28–29). Одежда давалась простая, но опрятная, теплая, которая покрывала лишь наготу и защищала от холода. Щегольство не допускалось. Для постоянной памяти о хранении детской невинности инок носил днем и ночью небольшой кукуль («наглавник»). В руках он имел жезл, напоминающий о необходимости отражать нападающих «духовных зверей». Ноги при холоде или жаре обувал в полусапоги в

¹ Цит. по книге: *Архим. Феодор. Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин. (Его жизнь и богословско-аскетические воззрения)*. Казань, 1908. С.8.

² Стоящая в скобках цифра (или цифры) указывает страницу творений преподобного Кассиана по книге: *Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин. Писания. Перевод с латинского. Сергиев Посад, 1993.*

знак легкости и готовности благовествовать мир. Но, становясь на молитву или приступая к принятию Святых Тайн, полусапоги снимал. Как воин Христов, всегда готовый к брани, инок постоянно был препоясан (9–13). Снятая со вступающего в монастырь одежда некоторое время хранилась у эконома, пока окончательно не убеждались в ревности испытуемого. Если добродетели его становились очевидны, одежду его отдавали нуждающимся. В ином случае — возвращали ему, а монастырские одежды отнимали. Возроптавший и непокорный выгонялся из монастыря (29–30).

Важное место в жизни иноков-подвижников занимало участие в общественной молитве. Частная — келейная молитва была неизменным продолжением богослужбной.

Во всех Египетских монастырях строго соблюдалось на общих молитвенных собраниях правило чтения двенадцати псалмов с присоединением к сему чтений из Священного Писания Ветхого и Нового Заветов. Такая строгость и повсеместность объясняется тем, что правило это было установлено Ангелом, который во время вечернего богослужения, при напряженном внимании молящихся, “пропел единообразно 12 псалмов, по 12 псалме аллилуйя и сделался невидим” (14–16). Египтяне “почитают важным не то, чтобы прочитать много стихов, но то, чтобы понять содержание их”, — замечает преподобный Кассиан о порядке чтения у них псалмов (18). Днем на всем Востоке собирались на богослужение в часы 3, 6 и 9 (по-нашему соответственно в 9, 12 и 15), ибо “в эти часы исполнились важнейшие обетования и совершено наше спасение”. В третий час сошел Дух Святой на святых Апостолов; в шестом часу Господь наш Иисус Христос принес Себя в жертву ради спасения мира, в этом же часу святому апостолу Петру открылась тайна призвания в святую Церковь язычников (сходящий с неба сосуд (Деян. 10)); в девятом — Господь сошел во ад и извел оттуда ветхозаветных праведников (23). Во время монастырского богослужения царило такое молчание, что при множестве молящихся создавалось впечатление, “будто нет никого, кроме читающего псалмы” (17). Читающий псалмы или поющий стоит, все прочие сидят, “потому что от поста и работ дневных и ночных они так устают, что если не дать им этого послабления, то не смогут слушать псалмов” (19). После общественного бдения молитва не с меньшим вниманием продолжается по келлиям, “даже до восхода солнца”, чтобы таким образом “не потерять и той чистоты, какая приобретена псалмопением и молитвами, и ночным размышлением подготовить неослабное усердие, которое нужно сохранить в течение дня” (19, 20, 25). Не преминул преподобный Кассиан также отметить, что с отлученным от участия в молитве нельзя молиться до тех пор, пока он не покается публично, “и настоятель пред всеми братьями не простит ему вину в проступке” (21).

С молитвой у подвижника тесно связан и труд физический. Преподобный Кассиан свидетельствует, что египтяне, творя непрестанную молитву, занимались и рукоделием (22). Праздность подвижниками считалась недопустимой. “Что касается до их занятий, то они и малейшего времени не проводят в праздности, но не-

престанно занимаются не только делами, свойственными дню, но и теми, кои сделать не может препятствовать самая глубокая ночь. Они думают, что чем усерднее будут к рукоделию и работам, тем больше возгорится у них желание высшей чистоты духовного созерцания” (19).

Недопустимым также считалось собирать для себя сокровища земные и даже называть что-либо своим. “В иных монастырях это правило столь строго соблюдается, что... считается большим преступлением для монаха говорить: это моя книга, моя письменная доска, мой грифель, моя одежда, мои полусапоги. За это он должен принести покаяние, если случайно, по неосторожности или по неведению, произнесет такое слово” (32). Если даже кто-либо зарабатывал своими трудами много — не хвалился своей прибылью, все отдавал в общее пользование, себе брал лишь необходимое для пропитания — “только два хлеба” (32–33).

Общая трапеза была у египетских подвижников самая скромная и простая. “Они, — говорит преподобный Кассиан, — считают величайшим наслаждением, если на трапезе братьев предлагается вареная дикая капуста, приправленная солью” (32). Во время трапезы они опускают клубки на глаза, чтобы видеть только предложенную им пищу и чтобы не возникало любопытства, “как или сколько другой употребляет пищи”. Принимается пища при полном молчании. Даже старец, если ему нужно сделать

какое-либо распоряжение, то подает знак не словом, а стучением. Кроме общего стола не позволялось чего-либо вкушать ни прежде, ни после. Проходя через сад, они не только не смели рвать яблоки, но даже поднять и съесть упавшие. Считалось святотатством "дотрагиваться руками до того, что не предлагается всем открыто, за общим обедом, и не готовится экономом посредством братьев же" (34-35).

Для выработки душевной добродетели, приобретения ее и утверждения в ней требуется послушание. Оно предполагает полнейшее подчинение общим монастырским правилам, а также подчинение настоятелю или старцу вплоть до отсечения своей воли, до исполнения любого их указания. Старец, стараясь возводить новичка по ступеням совершенства, приучает его открывать ему все свои помыслы, не таить их "по ложному стыду" (31). Такое открытие помыслов необходимо в духовной жизни: "От того хитрый враг ни в чем не может уловить молодого монаха, как неопытного, ничем не может обольстить того, кто полагается не на свое, а на старцево суждение, и не может убедить скрывать от старца его внушения, как огненные стрелы, бросающиеся в его сердце" (31). Одновременно старец научает младшего побеждать свою волю, свои желания и с этой целью дает ему всевозможные приказания, иногда непонятные новичку, а подчас и противные ему (30). Так, авва Иоанн, подвизавшийся в Фиваиде и послушанием стяжавший дар пророчества, по приказанию старца в течение года ежедневно поливал сухую ветку, воткнутую старцем в землю. Он же по приказанию старца, нисколько не противореча, выбросил за окно сосуд с маслом, который был единственным в пустыне "для своего употребления и для посетителей" (38). А авва Муций по послушанию старцу бросил было даже своего сына в реку. И лишь посланные для тайного наблюдения братья вытащили его (39-40). Говоря вкратце, считалось "худым или добрым только то, что старец признает таким" (31). Что касается исполнения общих монастырских правил или ежедневных послушаний, то о них преподобный Кассиан говорит также назидательно: "Эти службы они (иноки Месопотамии, Палестины, Каппадокии и всего Востока. — К.С.) совершают с таким усердием и смирением, с каким никакой раб не служит господину самому строгому и вельможному. Они не довольствуются теми послушаниями, кои несут по назначению, но еще, вставая ночью, тайно стараются делать за других" (35). Таким образом, послушание в монастырской жизни, и вообще в жизни духовной, занимает одно из первых мест. "Многими опытами доказано, что не может обуздывать своих похотей тот монах (особенно из молодых), который не научился чрез послушание умерщвлять свою волю" (30).

Применялись и наказания к провинившимся. Примечательно, что обращалось внимание на самые, казалось бы, незначительные погрешности или оплошности, не говоря, конечно, о проступках более серьезного порядка. Например, кто-то случайно разбил глиняный кувшин для воды, уронил несколько зерен чечевицы и не собрал их, немного опоздал на общие работы или молитвы, покачнулся при пении псалма, грубо ответил, не сразу после окончания собрания ушел в келлию, без ведома игумена принял письма и ответил на них, небрежно исполнил любое по-

слушание... К вольным и невольным нарушителям порядка, как правило, применялось публичное покаяние, иногда — отлучение от молитвы. За грубые проступки изгоняли из монастыря (33-34, 36).

В основе внешнего и внутреннего уклада жизни подвижников лежит страх Господень и происходящее от него смиренное сознание своей греховности, сокрушение о своих грехах. Этот страх, проникнутый смирением, понуждает подвижника: подчинять свою волю и помыслы старцу — все делать только по его суду; во всем соблюдать послушание, кротость, терпение; никого не оскорблять и ни на кого не обижаться; ничего не допускать не согласного с общим уставом; быть довольным своим жребием; не превозноситься; удерживать свой язык не только от зла, но и не повышать голос; не смеяться легкомысленно (46). Потому-то преподобный Кассиан и призывает: "Решившись служить Богу, пребывая в страхе Божиим и приготовь душу свою не к покою, бездействию и наслаждению, а к искушениям и огорчениям (Сир. 2, 1); ибо "многими скорбями подобает внити в Царствие Божие" (Деян. 14, 22)... Знай, что ты в числе немногих избранных, и, смотря на пример и холодность многих, не охладевай, но живи так, как живут немногие, дабы с этими немногими удостоиться тебе Царствия Небесного" (45). Спасется не тот, кто хорошо начал добродетели, "но кто до конца сохранит их" (Мф. 10, 22) (45).

Описанных условий к спасительной жизни не подобает ждать от кого-либо, кто принесет, создаст их, а должно, по слову Преподобного, самому подвижнику приобретать "своим смирением и великодушием", которые в его власти (48). "Будь слепым, глухим и немым; — слепым, чтобы тебе, подобно слепому, не смотреть ни на кого, кроме избранного тобою для подражания; ... глухим, чтобы не внимать, подобно глухому, тем словам, кои произносят непокорные, упорные, порицатели и подобные им; ... немым ... чтобы быть тебе неподвижным и ничего не отвечать, подобно немому, когда слышишь злословия, когда наносят тебе обиды. К сим правилам надобно присовокупить особенно четвертое ... то есть... в простоте сердца и с верой неси послушание, почитая святым, полезным и мудрым только то, что тебе повелевает Закон Божий или старец" (47).

Итог всему сказанному о внешнем укладе жизни подвижников подводит сам преподобный Кассиан: "Начало нашего спасения и премудрости есть страх Господень; от страха Господня рождается спасительное сокрушение сердечное, а от сего — отречение от мира, то есть нищета и презрение всех стяжаний; от нищеты происходит смирение; от смирения же происходит умерщвление воли; а умерщвлением воли истребляются все пороки; по истреблении пороков добродетели плодятся и возрастают; при возрастании добродетелей приобретается чистота сердца, а чистотою сердца приобретается совершенство апостольской любви" (48).

Этот итог не только подводит черту под вышеизложенным, но и открывает перспективу дальнейших наставлений преподобного Иоанна Кассиана Римлянина.

(Продолжение следует)

Пасха на Афоне

В прошлом году трое студентов нашей семинарии побывали на Святой горе Афон в дни Страстной и Светлой седмиц, сподобившись встретить там праздник Святой Пасхи. Один из паломников делится своими впечатлениями об этих незабываемых днях...

...Утренняя Великой Субботы с чином погребения Спасителя закончилась в Дионисиате* еще до рассвета, а потому у нас оставалось несколько часов на сон. Вернувшись из храма по узенькой петляющей монастырской улочке на архондарик**, в предоставленную нам на ночь келлию, мы, кратко помолвившись, распростерли наши изрядно уставшие (после почти суточного пешего перехода и ночной службы) тела на мягких постелях.

Через какое-то время мы были разбужены звуками била, сменившимися перезвоном колоколов. По афонскому обычаю, звонить начали за полчаса до службы. Прочитав утренние молитвы, мы снова направили наши стопы в соборный храм монастыря, освященный в честь Рождества святого Иоанна Предтечи.

Солнце уже взошло, и при утреннем свете мы лучше смогли рассмотреть собор, напоминающий снаружи высокий четырехугольный столп. Внутри он был несколько тесен. Стены расписаны удивительными древними фресками.

Часы вычитывались в притворе, причем центральные ворота, ведущие из притвора в храм, были закрыты завесой. По прочтении часов завеса была отодвинута, и братия начала чинно входить в церковь, каждый занимал свою стасидию, пономари стали возжигать свечи.

Началась вечерня Великой Субботы. По святогорской традиции, во время пения "Господи, воззвах..." кандильжигатели при помощи особых шестов раскручивали хорос***, все свечи которого были зажжены, что создало необычайно красивое зрелище. При этом диаконы совершали каждое ручными кадильницами-кацеями, увешанными позвонцами, которые ритмично позванивали в такт пению.

Несколько необычным нам показался сохранившийся на Афоне древний обычай, отраженный на иконах святых архидиаконов, покрывать диаконам плечи и левую руку особым праздничным платом — воздухом (поверх ораря).

Во время пения прокимна "Воскресни, Боже..." игумен стал усыпать пол храма лавровым листом из коробочки,

пока церковь не покрылась сплошным благоуханным ковром. Во всех афонских храмах листы лавра оставались на полу и в день Пасхи, и в течение первых дней Светлой седмицы.

К сожалению, мы не смогли остаться в Дионисиате на Божественную литургию, так как хотели в этот день успеть засветло вернуться в Русский Пантелеимонов монастырь. Перед самым отъездом из обители нам, как гостям, разрешили поклониться частице Животворящего Креста Господня и мощам святых угодников, хранящимся в диаконнике соборного храма, а также одной из древнейших чудотворных икон Божией Матери "Похвалы".

Через полчаса мы уже окидывали с пристани прощальным взглядом огромное лесистое ущелье неописуемой красоты, в устье которого на высоком скалистом камне притулился монастырь Дионисиат, как бы нависающий над морем и похожий на средневековый замок. Чем-то домашним и родным веяло от него.

Маленькое суденышко "Агия Анна" доставило нас от арсаны* Дионисиата до Дафни, главной афонской пристани, откуда мы паромом добрались до арсаны Руссика, расположившегося на невысокой пологой скале на самом берегу живописного залива.

Прибыв в Пантелеимонов монастырь, мы даже успели на литургию, так как богослужения в нем совершаются по особому святогорскому (византийскому) времени, тогда как жизнь Дионисиата строится согласно времени гражданскому. Совершалась обедня во втором соборном храме монастыря — Покровском, находящемся над жилым братским корпусом.

Сразу после литургии в монастырской трапезной всем нам предложили по "красовуле" вина и по несколько кусочков хлеба. Эта незатейливая и скудная трапеза показалась нам тогда почти пиром. Потом мы направились на архондарик, где посветили оставшееся до праздничного богослужения время отдыху и подготовке к Таинству Святого Причащения.

Пасхальная служба должна была совершаться в главном храме Руссика, построенном в византийском стиле и освященном в честь святого великомученика Пантелеимона. Туда мы и пришли часа за два до богослужения, дабы успеть исповедаться у духовника обители отца Макария.

* пристань.

По удару железного била в храме начали читать Деяния святых апостолов. Монах-уставщик время от времени подходил к кому-либо из находившихся в церкви, читавших правило и ожидавших исповеди, и просил сменить предыдущего чтеца. Так и каждый из нас сподобился прочитать по нескольку глав из книги Деяний.

Братия и паломники все более и более заполняли собор. Удары большого монастырского колокола ознакомили начало предвоскресной службы. Инок-пономари, возжегши свечи и лампы в больших подсвечниках, стали раздавать свечи всем находившимся в храме. По окончании канона "Волною морскою...", во время чтения пасхального слова святого Епифания Кипрского, все священнослужители стали входить в алтарь для облачения. В храме вновь были погашены все огни. На середину церкви вышли послушники с хоругвями и фонарями в руках. Вот закончилось чтение, бесшумно открылись Царские врата. Настоятель монастыря отец Иеремия, согбенный седовласый старец, с возженной свечой в руке вышел из них с пением стихир: "Приидите, примите свет..." Эту стихирю вслед за ним по одному разу пропели два хора.

Духовенство выходило из алтаря. В это время все молящиеся зажигали свои свечи от свечи отца настоятеля. Стоящие ближе передавали огонь стоявшим дальше, и вскоре целое море огоньков разлилось по церкви.

После этого, с пением "Воскресение Твое, Христе Спасе", все вслед за священнослужителями стали выходить из храма. "...Ангели поют на небесах..." — крестный ход медленно шел вокруг собора. "...И нас на земли сподоби..." — слегка покачивались хоругви, трепетали на ветру огоньки свечей. "...Чистым сердцем Тебе славити..." — все остановилось у закрытых дверей храма. Архидиакон возгласил: "И о сподобится им...", и настоятель начал читать воскресное Евангелие. Чтение продолжил другие священники, каждый по очереди прочитал по нескольку стихов.

Затем отец Иеремия, взяв кадило, трижды покадил Евангелие.

Мерно звенел позвонцы на кадиле. Потом на минуту воцарилась абсолютная тишина, все затаили дыхание. Даже ветер затих. Молчливо взирал небес на землю звезды, казаясь, вся вселенная замерла в ожидании... И вот:

* один из монастырей, находящийся на юго-западе Святой Горы.

** гостиница для паломников.

*** паникадило в виде большого обруча или колеса, на котором в ряд устанавливаются свечи.

— Слава Святей Единосущней Животворящей и Нераздельней Троице, всегда, ныне и присно и во веки веков...

— Аминь, — раздалось в ответ, и как будто исчезла стена, отделяющая мир видимый человеческий от мира ангельского, век сей от века будущего.

— Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ и сущим во гробех живот даровав.

Слезы радости выступили на глазах у многих, и никто даже не пытался их сдержать. И вдруг словно воздух сгустился, не стало слышно не только хора, но даже собственного голоса; низкий гул заполнил собою все и потряс землю — это ударил большой монастырский колокол.

Старый греческий монах-отшельник, пришедший в Руссик на праздник, громко запел тропарь Пасхи по-гречески. По восточному обычаю, хоругвеносцы стали вращать и раскачивать хоругви, как знамена победы Христа над смертью.

“Христос воскрес!” — “Воистину воскрес!” — неслось в нечном воздухе. Двери собора открылись, людская река хлынула в храм и нашему взору предстало потрясающее зрелище, невольно слившееся в нашем восприятии с доносившимся до нашего слуха ликующим пасхально-победным колокольным звоном: огромные возженные паникадила буквально летали под потолком, вращаясь вокруг своей оси и раскачиваясь, подобно маятникам, из стороны в сторону — “крестнакрест”. Хорос также был раскручен, и внутри него “летало” по кругу главное храмовое паникадило. Казалось, мы попали в какой-то иной мир, словно небо спустилось на землю, все светила пришли в движение и, охваченные пасхальной радостью, прославляют Спасителя. У всех захватило дух от увиденного, и многим, наверное, пришли на ум строки пасхального канона: “Нѣса убо достойно да веселятся, земля же да радуется” и “Да празднует убо вся тварь востание Христово...”

Началась пасхальная утренняя. Канон пелся споро, но “и 19” — каждые ирмос, тропарь и акафастия повторялись по нескольку раз. На шестой песне вместо каждения священник брызгал молящихся розовой водой из небольшого сосуда.

В конце утрени все крестосовались. Сначала из алтаря вышел отец архимандрит, держа в руке малое напре-

стное Евангелие, и встал на архиерейской кафедре, по древней традиции расположенной у правой храмовой колонны. Затем вышел духовник, отец Макарий, с иконой Воскресения, поцеловал Евангелие, а настоятель — изнесенную икону, оба они покрестосовались, и он встал в ближайшую к кафедре стасидию. Следом стали выходить и другие священники с иконами и мощевиками в руках, диаконы — с крестами и, таким же образом крестосуюсь с отцом Иеремией, отцом Макарием и друг с другом, заняли следующие стасидии. Следом — братия в порядке старшинства, и, наконец, паломники. И так, пока все не покрестосовались.

После этого настоятель читал “Слово на Пасху” святителя Иоанна Златоуста. Во время пения пасхальных часов кто-то из братии, по-видимому, пономарь, трижды обходил вокруг собора, стуча в ручное деревянное било. Одновременно с ним звонари ударяли во все большие била и колокола.

На литургии пасхальное Евангелие читалось на нескольких языках, и, в связи с этим, языки пламени свечей в хоросе и паникадилах невольно напомнили нам об огненных языках Пятидесятницы. На Афоне, как и на всем православном Востоке, Евангелие во время обедни читается лицом к народу.

Ектении об оглашенных были опущены, и почти сразу после Евангелия началась Херувимская песнь. Как выяснилось, это очень древняя церковная традиция: в первохристианские времена был обычай к Пасхе крестить всех оглашенных, следовательно, ни

ектения, ни молитва о них, ни возгласы, требующие, чтоб они покинули храм, ни отдельные прошения и моления о верных не имели места. Во время Великого входа вновь раскачивались хорос и паникадила. Символ веры и “Отче наш...” по греческому обычаю читались, а не пелись. “Верую” читал на своем родном языке старый отшельник-грек, причем когда он дошел до слов “И воскресшаго в третий день по Писанием...”, то особо выделил их, возвысив голос.

Причащались в эту “всепраздничную и светозарную ночь” практически все люди, находившиеся в храме. Сподобились принятия Святых Христовых Тайн и мы.

Свечи молящиеся не гасили до самого конца литургии. После же службы, под звон колоколов, все из храма направились в монастырскую трапезную. Возглавлял это пасхальное шествие отец настоятель в праздничной мантии и с жезлом.

После разговления все снова вернулись в собор, где, при раскачивании паникадил и хороса, было пропето многолетие отцу Иеремии и всей братии.

После нескольких часов сна мы покинули Пантелеимонов монастырь и отправились в дальнейший путь по Святой Горе, по пасхальному Афону. Господь сподобил нас провести в этом уделе Своей Пречистой Матери всю Светлую Седмицу, пролетевшую словно один день, словно одно большое пасхальное богослужение.

Дмитрий Лепешев, 4 класс МДС

Причастен Святой Пасхи

(для мужского хора)

Подвижно.

Муз. А. Бессарабова, 4 класс МДС

Те- ло Хри- сто- во

tr Те- ло Хри- сто- во при- и-

-ми- те, ис- точ- ни- ка Без- смерт- на- го вку-

mf си- си- те, вку- си- те, вку- си- те. *f*

f Ал- ли- лу- йя, ал- ли- лу- йя,

rit.

dim. ал- ли- лу- йя.

Благотворительный концерт

четверг **29 января** в Большом актовом зале МДА состоялся концерт заслуженной артистки России Людмилы Илларионовой в сопровождении ансамбля народных инструментов "Московская балалайка". Это выступление талантливой певицы в стенах Духовной школы явилось продолжением благотворительной акции "Православие и культура", которая началась на родине артистки — в белорусском городе Слониме, где средства, собранные от концерта, были перечислены на счет строящегося православного храма. Предполагается, что дальнейший путь этого благотворительного марафона пройдет через Гродно, Лиду (Беларусь), Рязань.

В своих концертных вечерах певица чередует исполнение старинных русских романсов с размышлениями о значении Православия в становлении русской культуры и о сегодняшнем влиянии христианских идеалов на современное общество.

Александр Болонников, 3 курс МДА

Заседение богословской комиссии

3 февраля, делегация Всемирного Совета Церквей, которую возглавлял генеральный секретарь ВСЦ пастор д-р Конрад Райзер, посетила Московскую Духовную Академию и приняла участие в деятельности 4-го пленума Синодальной богословской комиссии Русской Православной Церкви.

Митрополит Кирилл, возглавляющий делегацию Русской Православной Церкви во Всемирном Совете Церквей, заявил, что кроме Русской Православной Церкви ни одна Православная поместная Церковь в лице своих делегатов не выступает критически во Всемирном Совете Церквей.

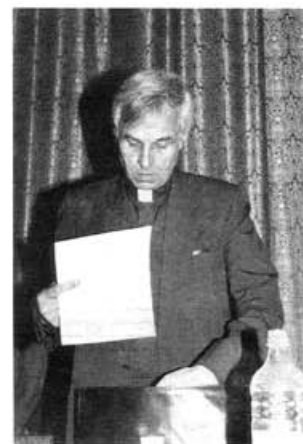
Отсюда у генерального Секретаря ВСЦ Райзера создалось впечатление, что все проблемы в отношениях между ВСЦ и РПЦ возникают из-за "неуступчивых" и "консервативных" делегатов Русской Церкви. Одна из причин визита Конрада Райзера как раз состоит в том, чтобы услышать мнение

других представителей РПЦ. Встречи г-на Райзера с Патриархом и членами Синода, а также четырехчасовая дискуссия в ОВЦС показали д-ру Райзеру, что существуют объективные причины, по которым РПЦ выражает свое неудовлетворение нынешним положением дел в ВСЦ, состоянием экуменического движения и ставит под вопрос само свое участие в работе Всемирного Совета Церквей.

Далее ход заседания комиссии шел уже с участием д-ра Конрада Райзера и делегации Всемирного Совета Церквей, в которую входили: архиепископ Вроцлавский и Щецинский Иеремия (Польская Православная Церковь), епископ Хенрик Свенунгссон (Церковь Швеции), профессор Н.В. Лосский (Русская Православная Церковь, Париж), г-н Йорго Лемопулос (ВСЦ, Константинопольский Патриархат), г-н Александр Белопопский (ВСЦ, Константинопольский Патриархат).

Генеральный секретарь ВСЦ д-р Конрад Райзер выступил с докладом, в котором подтвердил мнение многих о том, что экуменическое движение пребывает в переходном состоянии и ознакомил присутствующих с основными положениями программного документа "Об общем понимании и видении ВСЦ". В частности, по вопросу природы ВСЦ он отметил: "Будучи содружеством церквей, Совет сам по себе не является церковью и никогда не должен становиться сверхцерковью... Однако характеристика Совета как содружества церквей открыта для разных толкований. Факт сосуществования разных экклезиологий и различий в понимании значения содружества церквей в ВСЦ неизбежно вносит в жизнь Совета экклезиологическую неясность. Совет определяется как сообщество церквей на пути к цели зримого единства в одной вере и одном евхаристическом общении, выраженных в молитве и в общей жизни во Христе посредством свидетельства и служения миру".

В последовавшем затем выступлении секретаря ОВЦС по межхристианским связям, иеромонаха Илариона (Алфеева), были поставлены вопросы богословской комиссии, ее позиция и реакция на доклад д-ра Конрада Райзера. Была суммирована критика в адрес документа, о котором шла речь в докладе Конрада Райзера и который является экуменической хартией ВСЦ в XXI веке.

Генсек ВСЦ д-р Конрад Райзер после выступления в МДА

В частности, было сказано, что в документе ощущается недостаток логичности, последовательности, связности, нечетко обозначены и несогласия между церквями; нет ответа на вопрос, разделяют ли церкви-члены общее понимание Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви; не выявлено, какова связь ВСЦ и церквей-членов; термин "видение" используется без различия в двух смыслах — видение единства и видение обновленного ВСЦ. Документ нуждается в серьезном предисловии, которое бы объясняло, что остаются вопросы, по которым церкви не согласны — это и цели экуменического движения, и природа самого содружества. Не ясны статус документа и его значение для будущего ВСЦ.

Отец Иларион отметил, что, по мнению многих, документ явно не "тянет" на роль, которую, по-видимому, изначально должен был играть.

Докладчик обратил внимание на двусмысленность лежащей в основе ВСЦ концепции киновии: происходит смешение киновии тринитарной, киновии евхаристической и киновии, понимаемой как общение церквей, входящих в ВСЦ. Такие понятия как киновия, соборность, в их классическом значении, не должны использоваться как инструмент выражения общей концепции ВСЦ.

С критикой выступления г-на Райзера выступил профессор МДА А.И. Осипов, который отметил игнорирование

Всемирным Советом мнения Русской Православной Церкви о введении института женского священства как факта, устанавливающего непреодолимое разделение между церквями. Кроме того, профессор отметил, что многие церкви-члены официально декларируют новую мораль, прямо осужденную Евангелием. Но, несмотря на все протесты Православных Церквей, эта новая мораль не только находит себе место в жизни отдельных церквей-членов, но и открыто пропагандируется на экуменических форумах и, более того, даже провоцирует свое признание и другими церквями-членами в качестве нормальной морали.

В заключение выступил митрополит Кирилл, который, подводя итог состоявшемуся заседанию Богословской комиссии, еще раз напомнил о призыве Святейшего Патриарха Алексия II, обращенному ко всем Патриархам и главам всех Православных Поместных Церквей, собраться на всеправославное совещание и отметил, что у нас нет иного пути, как осмыслять и переосмыслять свою историю, тем более, что еще не исчерпан потенциал, позволяющий нам двигаться дальше.

В этот же день состоялась встреча делегации Всемирного Совета Церквей с воспитанниками и студентами Московских Духовных школ в Большом актовом зале МДА. На встрече выступили г-н Райзер с объяснением целей и задач ВСЦ и профессор Н.В. Лосский, высказавший свои соображения по поводу участия Православной Церкви во Всемирном Совете.

Последовавшие затем небольшие выступления учащихся Духовных школ отличались более резкой критикой, чем доклады, замечания и вопросы членов Богословской комиссии на утренней встрече. Думается, одна из основных причин резких выступлений заключается в более чем недостаточной информированности студентов о деятельности ВСЦ и участии Русской Православной Церкви в работе Совета, о причинах визита делегации ВСЦ в Россию.

Интересно мнение о причинах имевшей место реакции аудитории на доклады К. Райзера и Н.В. Лосского доктора филологических наук, доцента филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, преподавателя МДАиС А.А. Волкова, который произвел филологический анализ материа-

лов встречи и сделал следующие выводы:

1. Ораторы, скорее всего, невольно нарушили основные принципы речевой этики, существующие в современном русском обществе.

2. Ораторы непредусмотрительно вызвали в аудитории отрицательные эмоции гнева и раздражения.

3. Оба оратора допустили ошибки в композиции и предмете речи, выдвигая на первый план полемические аспекты в условиях, когда возможности дискуссии были ограничены.

4. Ораторы пытались решить вопросы, которые не входят в область их компетенции.

Указанные обстоятельства приводят к заключению: характер реакции аудитории на выступления г-д Райзера и Лосского определяется особенностями этих выступлений. При ином построении и ориентации речи даже критически настроенная аудитория не стала бы реагировать столь бурно и некорректно".

Сергей Зрянин, 3 курс МДА

"Встреча" с "Лицейским вестником"

19 февраля в Московском Православном Классическом Лицее состоялась встреча представителей двух редакций — студенческого православного журнала "Встреча" и ученического православного журнала "Лицейский вестник".

В начале этого года к празднику Рождества Христова Лицей издал около 100 экземпляров первого номера своего журнала. Редакционный совет состоит из учащихся, большинства которых — пятиклассники.

Главный редактор "Лицейского вестника" Даша Николаева (5 класс) рассказала, как был издан журнал: "Однажды на уроке литературы мы обсуждали книгу Авенариуса "Отроческие годы. Пушкина". На этом уроке присутствовала Наталья Владимировна — наш директор. Она с интересом слушала наши мнения, а потом спросила, не хотим ли мы тоже издавать свой журнал, как лицеисты, о которых мы только что говорили. До того эта мысль нам понравилась, что мы сразу решили взяться за дело и, честно говоря, не подумали, какие трудности нас ожидают и какие труды нам предстоят. Название журнала мы позаимствовали у царскосельских лицеистов,

так как и наше учебное заведение называется Лицей..."

Естественно, юные издатели журнала столкнулись со многими трудностями, которые они смогли преодолеть благодаря своим учителям. И вот результат — как рождественский подарок родителям и друзьям вышел первый номер. В нем можно найти размышления, стихи, рисунки лицеистов; статьи и интервью, взятые у учителей; слово пастыря, беседа с духовником Лицея; летопись лицейской жизни и многое другое.

Название рубрик и оформление журнала чем-то напоминает "Встречу". Сами издатели и не скрывают, что именно этот журнал был взят ими за основу. Поэтому "Лицейский вестник" может по праву называться младшим братом "Встречи".

Разговор с ребятами затянулся до позднего вечера. Они рассказывали нам о своих трудностях и творческих планах, с большим интересом задавали вопросы о работе редакции журнала, о жизни в Академии и, вообще, о жизни... Мы, в свою очередь, поделились опытом и традициями нашего издания и пригласили юных журналистов на ответную встречу в Сергиев Посад.

Заждавшиеся родители повели детей домой, а наша беседа продолжилась с учителями за праздничным столом (где нам удалось отведать настоящей лицейской каши). Из этой беседы мы сделали вывод, что издавать журнал в школе — дело не такое уж и сложное: достаточно поддержать инициативу в детях и найти доступную копировальную технику. При этом оно весьма полезно, ведь участие в издании школьного журнала поддерживает творческую активность детей, развивает язык, умение выражать свои мысли, обогащает общение и помогает организовать досуг. Таким образом, издательская деятельность в школе способствует воспитанию творческих личностей и учебному процессу в целом.

*Александр Войтенко,
Михаил Первушин, 2 класс МДС*

Миссионерская поездка членов редакционной группы

С 19 по 21 февраля в рамках программы "Россия: религия, философия, культура", при поддержке Центра МГИМО "Церковь и международные отношения", редакторы и сотрудники

православных изданий "Встреча" (МДАиС), "Фома" (МГИМО) и "Татьянин день" (МГУ) совершили миссионерскую поездку в г. Липецк и провели ряд встреч в высших и средних учебных заведениях города под общим названием "Церковь: мифы и реальность". Участники поездки желали познакомить учащуюся молодежь г. Липецка с основами православного вероучения, а также, по возможности, разрешить недоумения и вопросы, которые порой мешают светскому человеку изменить свое отношение к церковной жизни, для того чтобы полноценно участвовать в ней.

19 февраля у нас состоялась встреча с учащимися старших классов средней школы № 17. Заранее договорившись не утомлять собравшихся долгими речами, мы решили провести эту встречу в форме ответов на вопросы, чтобы сделать ее максимально доверительной и полезной для обеих сторон, к тому же обстановка классной аудитории как нельзя лучше способствовала этому. Достаточно скоро нам стали задавать вопросы. Спрашивали, что такое рай и ад, спасаются ли одни православные, почему Православие только себя считает истинной религией, можно ли верить сновидениям и т. д. Были вопросы, оживлявшие нашу беседу. Так, одна девочка рассказала о "православном" обряде погребения, согласно которому в могилу покойного, на гроб, бросают деньги, чтобы покинувшая тело душа смогла расплатиться ими где нужно, за свои прегрешения. На это отвечающий резонно заметил, что не завидует умершим в канун деноминации рубля. Активное участие в дискуссии и доброжелательность к гостям со стороны школьников свидетельствовали о их неподдельном интересе к жизни Православной Церкви и ее вероучению.

В середине того же дня мы были приглашены в гости к журналистке Елене Бредис, которая желала написать репортаж о нас для липецкой прессы.

Интервью проходило нелегко, и тому виной спор, который возник между нами и журналисткой при обсуждении поднятых ею проблем.

В начале беседы нам был задан вопрос о том, реально ли возрождение духовности в нашем Отечестве в тяжелых условиях давления западной псевдокультуры и поддерживающих ее средств массовой информации. Впро-

На одной из миссионерских встреч в Липецке

чем, духовность, оказалось, может быть разной. Например, буддизм.

Естественно слышать о возрождении подобного рода "духовности" на территории, скажем, Бурятии или Колмыкии, но о каком возрождении буддизма и других "измов" среди великороссов или малороссов никогда не видевших живого ламу, может идти речь? Впрочем, нужно сказать, что темы, обсуждаемые нами с журналисткой, были весьма показательны. Современная интеллигенция ждет ответа Церкви на волнующие общество вопросы политики и культуры. Это реальность наших дней, и от нее не уйти подчас даже приходскому священнику.

Еще одним подтверждением этому стала встреча с педагогическим коллективом школы-лицея № 44, которая состоялась на следующий день, 20 февраля.

Живой интерес у собравшихся вызвало обсуждение романа М.А.Булгакова "Мастер и Маргарита", тем более что первое представление о Священной истории формируется у школьников именно после его прочтения. Нас также спрашивали о причине недостаточной активности Русской Православной Церкви по ряду социальных вопросов, нежелании реформировать богослужебный язык и идти на сближение с западными конфессиями.

На каком-то этапе нашей беседы прозвучал вопрос о нашем отношении к газете "Русь Православная" и ее главному редактору г-ну Душенову.

Нельзя не заметить того, что проблемы внутрицерковной жизни, порочное поведение отдельных священно-

служителей — это темы популярных репортажей журналистов, которые формируют соответствующее отношение людей к Церкви. К сожалению, миссионеру часто приходится вести не апологию основ христианского вероучения, а защиту церковного быта. Людям же, еще не вкусившим, "яко благ Господь", очень трудно объяснить, что дурная личная жизнь пастыря не умаляет полноты и достоинства совершаемых им таинств.

Пожалуй, самым трудным для нас было выступление в Липецком педагогическом институте. Во время 3 и 4 пары студентов 2 курса исторического и филологического факультетов собрали в холодный актовый зал. Нас же, усадили на сцену, снабдив микрофонами. Официальная обстановка, пропитанная скептицизмом молодых людей, не располагала к диалогу, а выкрики из зала: "Зачем вы сюда приехали?" — тем более не содействовали ему. Впрочем, постепенно аудитория успокоилась, число вопросов росло и, несмотря на прозвеневший звонок, студенты не расходились.

При общении с аудиторией, нетрудно было заметить, что "лоточная" литература уже сделала свой отпечаток в сознании молодых людей. Доверие к "научным" данным, опровергающим религиозные верования, как это ни странно, до сих пор живо и достаточно сильно у будущих учителей, и тем печальнее это выглядит на фоне безразличного отношения к религиозной жизни как таковой.

Эта встреча показала нам еще одну часть нашей будущей паствы и, пожа-

луй, самую большую. Она уверена в себе и, подчас, даже агрессивна, но, наверно, никто не скажет, что от нее нужно отказаться.

Весь следующий день (21 февраля) мы посвятили осмотру достопримечательностей города, его храмов. Посетили "Ассоциацию отечественной культуры и интеркультурных контактов" при ЛГУ и беседовали с ее президентом Людмилой Николаевной Аленкиной, которая поделилась с нами своими мыслями о проблемах, связанных с возрождением в современном обществе национальной культуры на основе традиционных идеалов Православия.

В заключение хотелось бы поблагодарить организаторов поездки, клириков и православных мирян Липецка. Особенно теплые слова нужно сказать Александре Ивановне Борисовой не престанно опекавшей нас, а также тем, кто еще стоит около церковных стен, и кто взял на себя ответственность пригласить нас в вверенные их попечению учебные заведения.

Сергей Елисеев, 3 курс МДА

Вера — знание — действие

С 18 по 20 марта Всемирный Русский Народный Собор провел в двух древнейших и известнейших русских обителях — Московском Свято-Даниловом монастыре и Свято-Троицкой Сергиевой Лавре — Соборные слушания на тему "Вера и знание: наука и техника на рубеже столетий". К участникам слушаний обратился Глава Собора — Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II. Слушания также приветствовали руководители высших органов законодательной и исполнительной власти России. Среди основных докладчиков были президент Российской Академии наук Ю.С. Осипов, министр науки и технологий Российской Федерации В.Е. Фортов, председатель Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл.

Участники слушаний — священнослужители и богословы Русской Православной Церкви, ученые, представители творческой интеллигенции, общественные деятели, преподаватели и студенты Московских Духовных Академии и Семинарии — провели разностороннее обсуждение следующих проблем: "Богословское осмысление нынешних реалий науки и техники", "Духовно-

нравственные основы профессиональной деятельности", "Новые технологии и будущее человечества", "Этика служения в российской науке", "Судьба научно-технического и культурного достояния России в XXI веке". В ходе соборного обсуждения участники слушаний пришли к обобщающим выводам.

"Религиозное постижение мира как творения Божия не отрицает закономерности, научного познания его закономерностей. Противостояние же науки и религии наблюдается в тех случаях, когда они формулируют ультимативные суждения о предметах, выходящих за пределы их ведения, — говорится в итоговом документе. — События 1917 года прервали эволюционный ход русской истории. Многие научно-технические достижения России, целый пласт духовной культуры и традиций оказались сознательно изъяты из народной жизни при советской власти. Наша общая задача — выявить духовные и иные факторы, приведшие к национальной катастрофе, вернуть светскому обществу утраченные им знания, восстановить насильственно оборванную связь времен и дать новый импульс созидательной работе, основанной на верности традициям и на устремленности в будущее. Научно-техническое и культурное наследие России было и остается соборным достоянием. Оно должно принадлежать и служить всему народу и требует государственного охранения, общественной заботы и церковного попечения. В сегодняшней критической ситуации, когда многие ресурсы выживания народа и государства близки к исчерпанию, спасительным резервом России следует признать духовный и интеллектуальный потенциал всего нашего общества. Наука давно стала мощным инструментом, преобразующим окружающий мир, но она же таит в себе опасность для человека. Особенно актуальным является вопрос о необходимости введения определенного моратория на практическое применение открытий теоретической науки, представляющих реальную угрозу существованию человечества и всепланетарной жизни. Предлагается целесообразным провести международные слушания по теме "Нравственные основы научного служения". Принцип "не навреди" должен стать категорическим императивом каждого ученого, сознающего свою

ответственность перед Богом и людьми.

Пастыри, окормляющие ученых, должны быть знакомы с нравственными проблемами, связанными с их профессиональной деятельностью, проявлять неподдельный интерес к работе своих прихожан, к делу их жизни. Необходимо специально готовить священнослужителей к подобной работе. Ученые готовы к сотрудничеству в этом с ведущими духовными центрами России. Сегодня такое сотрудничество, осуществляемое трудами многих пастырей и ученых, уже приносит зримые плоды. Представляется целесообразным расширение форм взаимодействия между учеными и священнослужителями, учащимися духовных школ и студентами технических вузов и университетов. Для определения конкретных направлений и видов такого взаимодействия необходимо учредить при Соборе постоянно действующую комиссию, которая совместно с Президиумом определит план практической работы на основе предложений участников настоящих слушаний.

Ясно понимая, что единство веры и знания должно утверждаться в народе через образование и воспитание юношества с самого раннего возраста, участники слушаний поддерживают повсеместное введение в средних общеобразовательных школах уроков Православия, проводимых на добровольной основе в рамках сетки учебных часов.

Как воцерковленные, так и идущие к вере ученые, все чада Церкви и России, призываются всеми своими силами, человеческими и профессиональными возможностями служить восстановлению традиций православной культуры, строя общественные и личные взаимоотношения на принципах любви, терпимости, милосердия и взаимного уважения, стремясь к христианскому разрешению конфликтов. В этом деле они могут вдохновляться примерами великих сынов России — православных ученых Ломоносова, Менделеева, Павлова, Пирогова, Ушинского, архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого), многих других.

Участники слушаний убеждены, что в качестве соборной общности русский народ, как и любой другой, равно как и каждый отдельный человек, имеет свое индивидуальное божественное предназначение, должен вне-

сти свой неповторимый духовный вклад в симфонию мира. Стержнем духовного и государственного становления русского народа явилось Православие — вера, изначально бывшая основой домостроительных принципов и жизненных установок наших предков.

Преодолевая последствия периода государственного богоотступничества и богоборчества, деятели науки, священнослужители и богословы призваны сообща, всеми силами способствовать восстановлению поколебленного духовного смысла человеческого бытия и жизни Отечества, воспрепятствовать размыванию основ христианства и попранию богообразной природы человека.

Собор, объединяющий священнослужителей и мирян, отмечает необходимость восстановления в полном объеме домостроительной миссии Церкви в обществе, изначально присущей ей на Руси.

Мы, представители веры и знания, встретились здесь как братья и сестры в предчувствии совместной вдохновляющей работы на благо России и во имя жизни на нашей планете.

Необходимо отметить, что встреча ученых и священнослужителей на таком высоком уровне произошла впервые, а найденное взаимопонимание по многим важным вопросам свидетельствует о принципиально новом этапе взаимоотношений науки и религии. Характерно и очень важно, что ведущая роль в деле духовного окормления российских ученых была признана именно за Православной Церковью, которая в лице своих верных чад явила миру многих выдающихся ученых и мыслителей.

Дмитрий Моисеев, 1 курс МДА

Круглый стол в МГИМО

Состоявшаяся **20 марта** в МГИМО встреча студентов и преподавателей МДА, МГУ и МГИМО продолжила традицию круглых столов с участием представителей этих учебных заведений и на этот раз затронула тему, вызвавшую оживленную дискуссию: "Нужна ли Церковь в XXI веке?" Вступительные размышления "на заданную тему" (с ними выступили настоятель университетского храма святой мученицы Татианы, преподаватель МДА священник Максим Козлов, профессор МГИМО Владимир Сергеевич Глаголев, студент МДА

Дмитрий Моисеев) носили общий характер и отразили реальную озабоченность судьбами Православия, России и общества. Широкая тема — разнообразные вопросы: "каково место Церкви в будущем обществе?", "Возможна ли православная дипломатия?", "Почему Церковь против клонирования?" и немного неожиданно: "Россия достаточно долго стояла на коленях. До каких пор вы будете уничтожать наше самолюбие и гордость?" Последовавшая затем дискуссия, состоявшая в основном из вопросов и ответов, отличалась открытостью и непринужденностью.

Второй "Открытый день Московской Духовной Академии"

22 марта состоялся второй "Открытый день Московской Духовной Академии", организованный по инициативе журнала "Встреча". В этот раз вниманию гостей Академии — в основном студентов и преподавателей московских вузов — была предложена лекция доцента МДА Николая Константиновича Гаврюшина на тему "Церковь и культура", а также концерт духовных песнопений в исполнении хора учащихся Академии, Семинарии и Регентской школы под управлением С.Е. Семеновы.

Собравшихся приветствовал ведущий отделом проектов журнала "Встреча", иеромонах Роман (Лукин). Он рассказал о возникновении традиции проведения "Открытых дней" в МДА и объявил программу текущего мероприятия.

Затем состоялась лекция Н.К. Гаврюшина. В начале своего выступления он отметил, что беседа о Церкви и культуре проходит в стенах МДА, старейшего высшего учебного заведения России, которое само по себе является памятником русской христианской культуры. Николай Константинович предложил рассмотреть поставленную тему в исторической перспективе, а затем попытаться понять, каковы могут быть отношения Церкви и культуры сегодня.

Сопоставляя религиозные культуры Ветхого и Нового Заветов, лектор указал на то, что в Ветхом Завете преобладает идея спасения рода, а центральная идея новозаветной религии — спасение личности. "Богосознание в христианстве распространяется

на весь род человеческий, — подчеркнул лектор, — поэтому религия Нового Завета должна была вобрать в себя и отобразить в своей культурной традиции то, что принадлежит совершенно различным культурам".

Показав историческую постепенность формирования христианской культуры, Н.К. Гаврюшин указал вместе с тем и на происходящее на протяжении веков столкновение двух пониманий христианского идеала. Должно ли христианство идти в мир, чтобы преобразить его, или оно должно уходить от этого мира и целиком концентрироваться на стремлении к жизни вечной? Пример проявления этой антитезы лектор указал в споре XVI века между Заволжским старцами и сторонниками преподобного Иосифа Волоцкого, а также в научно-богословской полемике профессоров МДА М.М. Тареева и священника Павла Флоренского в начале XX века.

Подводя итог лекции, Николай Константинович сделал зарисовку современной ситуации и подчеркнул, что отмеченное противоречие имеет полную силу и в наше время.

Среди множества последовавших вопросов аудитории некоторые напрямую относились к рассмотренной теме и затронутым проблемам — это вопросы о возможности разделения русской культуры на светскую и церковную, о христианском творчестве, о культуре, пропагандируемой средствами массовой информации. Были и вопросы более общего характера: об отношениях с Зарубежной Церковью, о проблеме формирования военного духовенства, о вопросе женского священства и другие.

Во время перерыва гостям был предложен очередной номер журнала "Встреча" и кассеты с записью лекции профессора А.И. Осипова, прозвучавшей на первом "Открытом дне МДА". Учитывая пожелания участников предыдущей встречи, для гостей был организован буфет.

Завершилась программа "Открытого дня" концертом смешанного хора учащихся Духовных школ.

Проводить такие встречи предполагается один-два раза в семестр. О времени их проведения можно узнать из сообщений радио "Радонеж", а также из газет "Радонеж" и "Московская студенческая газета".

Александр Войтенко, 2 класс МДС

Воронеж: Религия, Философия, Культура

С 22 по 24 апреля в Воронеже в рамках программы "Россия: религия, философия, культура" проходил ряд встреч студентов МДА, МГУ и МГИМО со студентами и преподавателями воронежских вузов. Данная программа, учредителями которой являются молодежные православные издания "Встреча" (МДАиС), "Татьянин день" (МГУ) и "Фома" (МГИМО) вызвала немалый интерес со стороны воронежских студентов. В ходе встреч задавались самые разные вопросы, начиная с традиционного "Зачем вы сюда приехали?", кончая вопросами о смысле жизни, роли, которую Церковь играет в современном обществе, и т.д.

При организации этих мероприятий предполагалось, что главная установка будет сделана на диалог, которого, к сожалению, не всегда удавалось достигнуть. Оказывается, хорошая реклама — это не только двигатель торговли, но и залог успешного проведения встреч с теми же студентами — к сожалению, в иных местах сильно сказывался недостаток информированности студентов о приезде издателей молодежных православных журналов.

Несмотря на все усилия молодежного отдела Воронежской епархии информировать вузы о нашем приезде, руководство некоторых институтов часто с недоверием относилось к идее организации подобных мероприятий.

До сих пор появление в стенах вузов не только священника, но и студента Духовной школы вызывает настороженность у руководства многих вузов, не говоря уж о том, что слабые нервные студентки охают и шарахаются в сторону при виде человека в подряснике.

Не нам судить, принесли ли эти встречи пользу воронежским студентам, но для студентов Духовных школ и издателей православных журналов эта польза была очевидной — мы получили возможность лицом к лицу встретиться с современной молодежью, еще раз увидеть ее жизнь и те проблемы, которые ее волнуют.

Было бы желательным, чтобы каждый студент Духовной школы еще во время своего обучения приобретал необходимый в будущей пастырской деятельности опыт встреч и живых контактов с современной молодежью.

Дмитрий Моисеев, 1 курс МДА

Издательская деятельность Фонда единства православных народов

На книжных прилавках столицы появилась изданная трехтысячным тиражом книга "Сергей Есенин". Она выпущена в свет Фондом единства православных народов.

В сборнике собраны лучшие стихотворения поэта, отражающие различные периоды его творчества.

Книга иллюстрирована рисунками художника Владислава Байкова.

Книга Ираиды Разумневич "Столица древняя, родная" — сборник очерков об истории столицы государства Российского. В каждом из них органично соседствуют прошлое и настоящее Москвы.

Отличительная особенность книги (кстати, основу ее составили публикации на страницах журнала "Россия молодая" в 1995—1997 гг.) — попытка автора взглянуть на стольный град под необычным, может быть, углом зрения — как на "большую деревню", вобравшую в себя множество селений, некогда существовавших на большем или меньшем удалении от исторического центра, а ныне вошедших в черту Москвы и ставших ее неотъемлемыми составными частями, "именными" микрорайонами: Ясенево, Фили, Медведково, Тушино, Красное село и др.

Очередная новинка — книга "Школа православной России" (составитель А.И.Шлеко).

На ее страницах — выступление Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на VI Международных Рождественских образовательных чтениях, интервью и статьи руководителей православных вузов и факультетов страны, священников, учителей обычных и воскресных школ, известных общественных деятелей. "Школа православной России" освещает различные стороны отечественной образовательной системы, актуальные вопросы ее становления и развития.

Названные книги можно приобрести по адресу: г. Москва, ул. Норильская, д. 36.

Тел. для справок: (095) 475-82-74

Дни славянской письменности и культуры

23—25 мая в Ярославле в рамках международной программы проходили торжества, посвященные Дням славянской письменности и культуры.

Инициатор праздника, Фонд славянской письменности и культуры, по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II и при поддержке Министерства культуры Российской Федерации собрал на древней ярославской земле, родине основателя первого отечественного театра Федора Волкова и великого русского поэта Николая Некрасова, видных деятелей науки, культуры и искусства братских славянских народов.

В празднике приняли участие Митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий, Президент Республики Беларусь Александр Лукашенко, министр культуры России Наталья Дементьева и многие другие церковные и государственные деятели.

Свой скромный вклад в проведение Дней славянской письменности и культуры в древнем русском городе внес и Международный Фонд единства православных народов, предоставив жителям Ярославля и их гостям в качестве благотворительного дара любовно изданные книги по православной тематике и истории Отечества.

Работа с детьми

В конце мая завершились занятия в учебных группах молодежно-просветительского центра Фонда единства православных народов. В течение учебного года более 100 детей посещали классы "Основ православия", "Слова Божия", студию искусств «Русские узоры», детский клуб "Моньш", "Ладья". Занятия бесплатно проводились священнослужителями и опытными педагогами.

Для детей были организованы праздничные представления и экскурсии. Ребята из студии искусств "Русские узоры" подготовили выставку своих работ по бисероплетению, художественному вязанию и вышивке.

Христианам о литературе

Вышла в свет третья часть книги М.М. Дунаева "Христианство и русская литература", которая была составлена на основе лекций, прочитанных автором в МДАиС. Она посвящена творчеству русских писателей второй половины XIX столетия: И.С. Тургенева, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Некрасова, Н.Г. Помяловского, И.А. Гончарова, А.Н. Островского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Ф.М. Достоевского. Это писатели, творчество которых составляет бесценный вклад в отечественную культуру и которые дали миру ряд бессмертных творений, отображающих в себе борьбу плоти и духа, о сути которой примечательно пишет автор: "История есть перенесенная в земной мир борьба дьявола против Бога — проявляемая через борьбу поддавшихся бесовскому соблазну и противящихся ему. Борьба эта может совершаться открыто и прикровенно. Каждая эпоха облакает основное содержание истории в конкретные религиозные, культурные, этические, эстетические, социальные, экономические, политические, идеологические формы. Но они не должны вводить в заблуждение: борьба тьмы против света, зла против добра и справедливости, лжи против правды... — всегда просвечивает сквозь любой конкретно-исторический камуфляж. Эта борьба в социально-историческом мире есть производное той внутренней, невидимой, какая совершается в каждой душе человеческой и в которой внешние события черпают энергию для своего развития — энергию добра, как и энергию зла. Искусство нередко зримо обнаруживает эту связь, отображая сам процесс перетекания энергии из души в мир внешней событийности, от человека к социуму — и наоборот. И само способно передавать такую энергию от человека миру и от мира человеку... Русская литература была непосредственно включена во все исторические процессы, в преобразования, совершаемые над страной и над народом".

Нужно сказать, что эти процессы всеми воспринимались по-разному — отсюда и широкое разнообразие в литературном творчестве.

Данная работа может быть названа сборником биографий, описанием жизни и творчества писателей. Но биографий не в том смысле, в каком это обычно себе представляют. Это взгляд изнутри, это ретроспекция, в первую очередь, духовных переживаний и исканий писателей, осмысление истинных внутренних достоинств их произведений, и уже потом — описание внешних событий, оказавших на них то или иное влияние.

XIX век богат противоречиями, наложившими свой отпечаток на динамику социальных отношений, внутренних переживаний представителей того времени. Ветер перемен принес дух свободы, развившийся в деятельности разночинной интеллигенции и вызвавший метаморфозы во всех слоях общества.

Раскрывая внутренний мир русских писателей, автор показывает нам противоречия человеческой души, поиск и борьбу, длящиеся порою всю жизнь. Надеемся, работа М.М. Дунаева найдет своих читателей и поможет многим открыть для себя неизвестные ранее страницы отечественной классической литературы.

Сергей Зрянин, 3 курс МДА

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

Отдел проектов журнала "Встреча", занимающийся организацией и проведением студенческих встреч в духовных и светских учебных заведениях, а также подготовкой студенческих передач на радио "Радонеж", остро нуждается в компьютерной технике и аудиоаппаратуре.

Мы с благодарностью примем любые пожертвования: от аудиокассеты до автомобиля.

Просим всех, кто имеет возможность оказать какую — либо помощь, обращаться по адресу редакции журнала "Встреча"